

Книга V. Прекрасная

Сундара Канда

Глава 1

Полет Ханумана

Чтобы найти Ситу, похищенную Раваной, Хануман, сокрушающий своих врагов, приготовился вступить на путь чаранов. Ему не терпелось поскорее свершить великий подвиг, невиданный доселе во вселенной. Могущественнейшая из обезьян, он, словно буйвол, втянул голову и шею, и, словно лев полный сил, стал радостно прыгать по бескрайним как море зеленым склонам горы, вспугивая птиц, грудью вырывая деревья и уничтожая тысячи тварей. Подобно Нагу в озере, великий Хануман стоял на обширном плоскогорье, которое было любимым местом повелителей змей, украшенном голубыми, красными, желтыми, розовыми и другими разноцветными минералами, привлекающем сонмы небожителей, якшей, киннеров и гандхарвов, способных менять свой облик.

Хануман почтительно приветствовал бога Солнца, Махендру, Павану, Сваямбху и других и приготовился к путешествию. Повернувшись на восток и поприветствовав своего отца, доблестный Хануман во исполнение воли Рамы решил пересечь океан. Чтобы достичь южной части земли, он на глазах у вожаков-обезьян стал увеличиваться в размерах, словно морской прилив в полнолуние.

Он превратился в огромного великана и, готовясь к прыжку, придавил гору своими руками и ногами, так что незыблемая вершина задрожала. Покрытые цветами деревья на вершине горы осыпали землю цветочным дождем. Под тяжестью шагов Ханумана из горных трещин хлынула вода, словно сукровица на висках у слона во время гона, а вместе с нею потоки золота и серебра. От скал стали отрываться громадные валуны с красным мышьяком, напоминая жаровню в клубах дыма. Обитатели горных пещер, искалеченные и задохнувшиеся, с криком выскакивали наружу, поднятый ими невероятный шум заполнил вселенную. Великие змеи, раскрыв свои капюшоны, извергали пламя и кусали скалы своими клыками. Огромные скалы трескались от этого яда и, падая в огонь разлетались на тысячи кусков. Лечебные травы на склонах горы, залитые ядом, утратили свою силу. Аскеты и видьядхары со своими девами бежали в ужасе, думая, что какие-то великаны раскалывают гору. Они покинули свои золотые кушетки, побросали бокалы и изящные золотые сосуды, забыв о бесценных винах, изысканных соусах и всевозможных яствах, шкурах и мечях с рукоятками из золота канака. Охмелевшие от вина, с золотыми цепями на шеях, украшенные драгоценностями, гирляндами и красным сандалом, с глазами прекрасными, как голубые лотосы, небожители вознеслись в воздух. Сверкая нитками жемчуга, кольцами и браслетами, они изумленно улыбались, паря в небесах рядом со своими возлюбленными. Махариши и видьядхары застыли, глядя на великое чудо. Они слышали, как чистосердечные аскеты сказали:

– Это Хануман, сын ветра безграничной силы, во исполнение приказа Рамы готовится пересечь океан, обитель Варуны. Эта обезьяна жаждет достичь другого берега моря, свершив удивительный подвиг.

Тогда видьядхары заметили на горе трепещущего, как огонь, славного Ханумана со вздыбленной шерстью, который рычал, словно в небе раздавались раскаты грома. Подняв свой судорожно подергивающийся хвост, который напоминал змея в когтях у коршуна, он размахивал им в разные стороны и прижимал к спине, подобно Гаруде, несущему великого змея. Он напряг шею и руки, напоминающие две огромных булавы, и покрепче затянул пояс, собирая всю свою силу и мужество. Пристально всматриваясь вдаль и представляя себе длинный путь, который ему предстояло преодолеть, Хануман затаил дыхание, твёрдо упи-

ревшись ногами в землю. Прижав уши и сделав небольшой прыжок, этот слон среди обезьян, полный сил, обратился к своим собратьям:

– Я достигну Ланки, охраняемой Раваной, с быстротой ветра, подобно стреле Рагхавы. Если я не найду там дочь Джанаки, я тут же отправлюсь в обитель богов, но если несмотря на все усилия, и там не будет Ситы, я приведу царя демонов, закованного в цепи. В случае успеха я вернусь и принесу с собой всю Ланку, отделив ее от земли, вместе с ее злобным царем Раваной!

Не переводя духа и чувствуя себя вторым Супарной, Хануман, лучший среди обезьян, взмыл в воздух. От силы его прыжка деревья, росшие на горе, разлетелись во все стороны. Вихрь, вызванный быстрым полетом Хануман, унес те цветущие деревья, полные опьяненных любовью чибисов, в небеса. Они летели вслед за ним, словно родственники, провожающие своего сына в дальнюю чужую страну. Лесные деревья шала, тала и другие, с корнем вырванные сильным толчком Ханумана, летели за ним, словно армия за своим военачальником. Полные жизненного сока, огромные деревья падали в море, словно горы, в страхе перед Индрой сокрывшиеся в обители Варуны. В ореоле цветущих деревьев Хануман казался славной и вызывающей восхищение горой. Весь в цветах, молодых побегах и бутонах, он сиял, как облако или холм, охваченный огнем. Сыпля цветами, деревья падали в море, напоминая друзей, возвращающихся после проводов товарища. Поднятый стремительным полетом обезьяны ветер срывал тысячи цветов, осыпая море цветочным дождем. Хануман с ярким цветочным плащом на плечах в полете был похож на груды облаков украшенных молнией. Роса, скатившаяся с этих цветов, сверкала в небесах, словно звезды. Его руки, протянутые к небу казались двумя пятиглавыми змеями, прыгнувшими в небо с вершины горы. Казалось, что могущественная обезьяна может иссушить океан, покрытый многочисленными волнами, и проглотить небеса.

Он летел в потоке ветра, и глаза его сверкали огнем, словно две молнии, обрушившиеся на гору. Глаза этого рыжего героя напоминали солнце и луну, одновременно взошедшие на небосводе, его нос придавал всему лицу медный оттенок, и оно сияло как солнце в сумеречные часы. Задранный хвост этого потомка ветра казался поднятым знаменем Индры. С хвостом, свернутым кольцом, и белыми зубами, прозорливый сын Анилы, Хануман, сверкал, как звезда среди дня в ореоле лучей. Плотного телосложения, с рыжей шерстью, он походил на гору, из которой добывают красную охру.

Он летел над водой, и воздух под мышками этой могучей, как лев, обезьяны, гудел, как раскаты грома. Хануман, слон среди обезьян, казался метеором, или великой птицей, парящей в небе, или могучим слоном в плотной подпруге, а его тень плыла по поверхности океана, словно корабль, тонущий в бушующем море. Где бы ни пролетала эта великая обезьяна, океан вздымал шумные волны, потрясенный силой ее прыжка. Стремительно продвигаясь вперед и грудью, напоминающей нос огромного корабля, рассекая воздух, Хануман поднимал в соленом океане огромные, как горы, волны. Настоящий лев среди обезьян, он разбрасывал перед собой высокие и тяжелые волны, словно отделял землю от небес. Морские волны напоминали горы Меру и Мандару, и, разбитые быстрым полетом Ханумана, разлетались по небу, словно осенние облака. Из глубины вод появились киты, крокодилы, гигантские рыбы тимингилы и огромные черепахи, словно кто-то разбросал свою одежду. Морские змеи, видя этого льва среди обезьян, путешествующего по небу, принимали его за самого Супарну.

Тень великой обезьяны сорока миль в длину и тридцати в ширину росла с быстротой его полета. Напоминая груды белых облаков, она падала на соленые воды и казалась особенно прекрасной. Знаменитый и безгранично могущественный Хануман невероятно огромных размеров, не останавливаясь ни на мгновение, продолжал свой путь по небу и казался крылатой горой. Где бы ни появился этот слон среди обезьян, море тут же вздымалось и фонтаном било в небо.

Следуя дорогой птиц, словно царь пернатых, Хануман разгонял груды облаков, подобно богу ветра. Огромные облака, – красные, голубые, темные и белые – расступающиеся перед

стремительной летящей обезьяной, выглядели особенно красивыми. И Хануман то скрывался среди них, то вновь появлялся в небе, словно полная луна.

Видя плавагу, несущегося по небу, боги, гандхарвы и данавы осыпали его цветочным дожем. Солнце не мучило его палящими лучами, и ветер преданно служил ему ради блага Рамы. Великие риши принялись прославлять славного обитателя леса, гандхарвы и боги пели в его честь песни. Наги, якши и ракшасы всех племен прославляли превосходную обезьяну.

Океан в своей заботе о славе династии Икшваку, подумал: "Если я не окажу поддержки этому повелителю обезьян, все, наделенные даром речи, осудят меня. Разве царь Сагара, лучший в династии Икшваку, не прославлял меня? Эта обезьяна – его советник, и поэтому я не могу позволить ему погибнуть в волнах. Я должен сделать все, чтобы он немного отдохнул, и с моей помощью он счастливо преодолеет остаток пути." С такими великодушными мыслями бог океана обратился к самой прекрасной среди гор, золотистой Маинаке, сокрытой волнами:

– Поместив тебя сюда, царь небес создал вал против асуров, населяющих адские планеты. Их могущество всем известно, и ты стоишь на страже, чтобы эти великаны не поднялись вновь из ада. Тем не менее ты можешь двигаться вверх, вниз и из стороны в сторону. Я повелеваю тебе, о лучшая среди гор, подняться из глубины вод! Хануман, величайшая обезьяна могущественных и героических деяний, служа Раме, уставший, пролетает над тобой. Ты видишь его напряжение, так поднимись же!

Вняв повелению Океана, златогрудая гора Маинака мгновенно поднялась со своего мягкого водного ложа вместе с высокими деревьями и лианами, росшими на ее склонах. Как солнце, лучами разгоняющее облака, эта великая гора, сокрытая водой, по просьбе Сагары явила свои золотые вершины, населенные киннерами и великими змеями, мерцая, как восходящее солнце, ласкающее небо. Вершины этой высокой золотой горы сверкали, как мечи; ее золотистые края сверкали, словно тысячи солнц. Увидев гору, неожиданно выросшую перед ним посреди океана, Хануман подумал: "Это препятствие", – и грудью снес каменную гору, как ветер – облака. Лучшая среди гор узнала могущественного Ханумана и закричала от радости. В облике человека гора поднялась на собственную вершину и с радостным сердцем обратилась к Хануману:

– О лучший среди обезьян, обитателей леса, ты принял на себя трудную задачу, так отдохни же у меня на груди, а потом с новыми силами продолжай свой путь. Царь океана принадлежит роду Икшваку и видя, как ты служишь Раме, кланяется тебе. Услуга за услугу – это закон праведности. Он желает быть полезным роду Рагху, и потому достоин твоего внимания. Из уважения к тебе бог моря молил меня: "Преодолев по воздуху сто йоджан, эта обезьяна устала от напряжения. Позволь же ей передохнуть на твоих вершинах, а потом продолжить свой путь." Поэтому остановись здесь, о лучшая среди обезьян, и отдохни. Подкрепившись сладкими ароматными фруктами и кореньями, ты, как пожелаешь, снова отправишься в путь.

О славный Хануман, все три мира знают о твоей добродетели. О сын ветра, из всех плавагов, наделенных огромной силой, тебя я почитаю за вожака, о лев среди обезьян! Верные долгу даже обычному человеку оказывают гостеприимство, насколько же тогда ты достоин почтения? Ты сын Маруты, лучший среди небожителей, ты не уступаешь ему быстрой полета, о славный Хануман! Оказывая почтение тебе, добродетельному, можно выразить почтение твоему отцу, поэтому ты вполне достоин такого моего отношения.

Послушай, есть ещё одна причина В давние времена, о дорогое дитя, горы, у которых были крылья, разлетелись на четыре стороны света с быстротой Гаруды, путешествуя вместе небожителями, аскетами и другими живыми существами, которые трепетали от страха, боясь падения. И тогда разгневанный повелитель небес Индра провел сто жертвоприношений и своей молнией лишил крыльев сотни и тысячи гор. Полный гнева бог небес приблизился ко мне, размахивая своей булавой, но великодушный бог ветра неожиданно унес меня прочь. О славный Хануман, твой предок спас меня, бросив в соленые волны, и я сохранил свои крылья. Поэтому ты очень дорог мне, прочные узы связывают нас, о вожак обезьян! Пришло

время воздать за содеянное благо, ты должен доставить такую радость океану и мне, о знаменитый герой! Отдохни немного, прими знаки нашего внимания, мы достойны твоего уважения, о почтенный Хануман! Как я счастлив видеть тебя!

Хануман отвечал превосходной горе Маинаке:

– Я благодарю тебя за приглашение, но время подгоняет меня, и кроме того, я дал обет не дать остановок во время пути. День уже на закате, позволь мне ничем не беспокоить тебя!

Коснувшись горы рукой, этот лев среди обезьян с улыбкой пронесся мимо, и гора вместе с океаном выразили ему почтение и благословили. Поднявшись высоко в небо, Хануман бросил прощальный взгляд на гору и бескрайний океан, и полетел дальше дорогой ветра. Небожители и аскеты пели Хануману славу, с восхищением наблюдая его удивительный подвиг. Собравшиеся боги приветствовали также золотую гору с ее чудесными склонами. Индра, правитель небес, тоже был очень доволен Маинакой. Супруга его Сачи выразила ей почтение и сказала:

– О повелительница гор, я очень довольна тобой! Тебе более ничто не грозит, поэтому отправляйся, куда пожелаешь! Ты наш друг! Несмотря на риск, ты бесстрашно предложила помощь Хануману, измотанному долгим перелетом над морем. Ради Рамы, сына царя Дашаратхи, эта обезьяна предприняла столь трудное путешествие, и ты предложила ему лучшее, что у тебя было. Поэтому я очень довольна тобой!

Славная гора Маинака с радостью взирала на удовлетворенного царя богов Шатакрату, и, приняв его милостивое благословение, вернулась в прежнюю обитель. А Хануман, сбавив высоту, продолжал свой полет над морем. Боги, гандхарвы и сиддхи вместе с аскетами призвали Сурасу, мать змеев, подобную солнцу, и сказали:

– Лучезарный сын ветра пересекает великий океан, и ты должна задержать его, приняв облик ужасной ракшасы. Стань огромной, как гора, с чудовищными пастьями и медными глазами, пусть твои косматые волосы достигают небес. Мы хотим проверить могущество Ханумана и его силу духа: превзойдет ли он тебя или в смущении уйдет восвояси.

Послушная желанию богов почтенная Сураса поднялась из глубин океана, приняв облик демоницы, безобразной и свирепой, облик которой ужаснул всех обитателей моря и суши. Заставив Ханумана остановить свой полет, она сказала:

– О славная обезьяна, боги вселенной даровали тебя мне в пищу, и потому я сожру тебя, иди ко мне в рот! Дхатар в былые времена дал мне такое благословение.

С этими словами она широко раскрыла свой огромный рот, преградив Маруте путь. Хануман с улыбкой отвечал Сурасе:

– Рама, сын Дашаратхи, удалился в лес Дандака вместе с братом Лакшманой и супругой Ваидехи. В лесу Рама совершил много подвигов и стал врагом демонов. И тогда Равана, царь демонов, силой похитил его возлюбленную супругу, знаменитую Ситу. Я послан к ней от имени Рамы, которому ты должна предложить помощь, о властительница этих мест. Отыскав Маитхили и встретившись с Рамой незабываемых деяний, я вернусь и войду в твою пасть, я обещаю тебе это!

Сураса, которая по желанию могла менять свой облик, отвечала:

– Никто ещё не уходил от меня живым – такова сила полученного мною благословения!

Видя, что Хануман несмотря ни на что продолжает свой полет, мать змеев добавила:

– Я получила это благословение от Брахмы! Сначала войди в мой рот, а потом отправляйся дальше!

Раскрыв свои огромные пасти, она преградила Хануману путь. Слова Сурасы рассердили Марути и он сказал:

– Раскрой пошире рот, чтобы ты смогла проглотить меня!

Сураса распахнула пасть на сорок миль, и Хануман ровно настолько же увеличился в размерах. Тогда Сураса раскрыла рот на пятьдесят миль, и Хануман, глядя в эту ужасную, с длинным языком, напоминающим горный хребет, стал ещё больше. Сураса раскрыла рот на шестьдесят миль, а героический Хануман увеличился до семидесяти, Сураса раскрыла рот на восемьдесят миль, а Хануман, подобный богу огня, увеличился на девяносто. Сураса распах-

нула пасть на сто миль, а Хануман, неожиданно уменьшился до ширины большого пальца и вошел в эту раскрытую пасть, а потом беспрепятственно вышел наружу и, паря в небе, сказал:

– О Дакшаяни, приветствую тебя! Я вошел в твой рот, а теперь должен отправляться искать Ваидехи. Благословение твое исполнилось!

Видя, как Хануман вышел из ее рта, словно луна – изо рта Раху, богиня приняла изначальный облик и сказала:

– Иди, о герой среди обезьян! Исполни возложенную на тебя миссию! Ты истинно поступил, о друг! Верни Ситу великодушному Раме!

Всё живое стало прославлять Ханумана, увидев его третий необычайный подвиг, и кричать: "Превосходно! Превосходно!" и почтительно кланяясь ему. А он, с быстротой Гаруды пролетая над морем, обителью Варуны, рассекал полные облаков небеса, где было много птиц, видьядхаров и сияющих, быстрых колесниц небожителей, запряженных львами, слонами, тиграми и летучими змеями, которыми управляли блаженные души, достигшие небес своим благочестием.

Марути, словно ветер разгоняя облака, плыл по небу, освещенному вспышками молний, которые напоминали пылающий огонь. Небеса, обитель бога огня, щедро воздающего подношения другим богам, были богато украшены звездами, луной и солнцем; там были сонмы махариши, гандхарвов, нагов и якшей чистых, безупречных и огромных, а также Вишваvasу, глава небесных певцов. Множество слонов Индры, помимо Айраваты, ступали по дороге солнца и луны, пологу мира, который развернул над землей Брахма и который посещали бесчисленные герои, возносясь в рай, и видьядхары. Могучие облака разных оттенков калагуру – красные, желтые и черные – ярко сияли, когда Хануман разгонял их. Проникая сквозь стену облаков, он то исчезал в них, то появлялся, подобно луне во время дождей. Повсюду Марута рассекал воздух, словно царь гор, обретший крылья.

Летающего в небесах Ханумана увидела невероятных размеров демоница Сингхика, способная менять свой облик, и подумала: "Наконец-то спустя столько времени я утолю голод! Это огромное создание появилось здесь по моему желанию!" С этой мыслью она поймала тень Ханумана, и он, чувствуя, что кто-то крепко его держит, подумал: "Неожиданно я утратил своё могущество, словно большая ладья, замедлившая свой ход из-за враждебного ветра!" Оглянувшись по сторонам, Хануман заметил огромное существо, поднявшееся из соленых волн. Глядя на это чудовище, сын ветра подумал: "Без сомнений, это создание удивительного облика и могущества, ловит своих жертв, хватая их тень. О нем рассказывал мне царь обезьян!" Заклучив, что это Сингхика, мудрый и дальновидный Хануман увеличился до гигантских размеров, напоминая груды облаков в период дождей. Тогда демоница ещё больше разверзла свою пасть, напоминающую небо и ад, и, ревя, как раскаты грома, с силой набросилась на него. Но разумный Хануман, твёрдый, как алмаз, отметил форму ее рта и уязвимые части тела и, сжавшись, бросился ей в пасть. Сиддхи и чараны увидели, что Хануман нырнул демонице в рот и исчез, как луна, проглоченная Раху во время затмения. Острыми когтями остроумный Хануман разорвал внутренности демоницы и с быстротой мысли вышел наружу. Он убил Сингхикку благодаря своей проницательности, выносливости и опыту, и, бросив ее тело в море, стал снова увеличиваться в размерах. Герой среди обезьян обрел прежнее могущество, а мертвая Сингхика, разорванная на части, тонула в волнах, словно Сваямбху для этого их и создал. Все обитатели небес, видя, как быстро расправился Хануман с демоницей Сингхикой, обратились к нему:

– Сегодня ты свершил величайший подвиг! Как велико было могущество этого чудовища, которое ты убил! О знаменитая обезьяна, теперь без помех продолжай путь, приближаясь к желанной цели! Тот, кто подобно тебе обладает четырьмя достоинствами – твёрдостью в достижении цели, осмотрительностью, мудростью и способностями – достигнет успеха в начатом деле, о Индра среди обезьян!

Заслуженно почитаемый теми, кто достиг исполнения всех своих желаний, Хануман летел по небу, как Гаруда, пожирающий змей. Наконец, он достиг берега и, осмотревшись со

всех сторон, увидел многочисленные густые леса на сотню миль. Углубившись, он увидел остров, украшенный разнообразными цветущими деревьями и рощами, которые росли на горе Малая. С любопытством осматривал Хануман море, берег, деревья у побережья и рукава рек, жен океана.

Взглянув на своё тело, напоминавшее огромное облако, закрывшее небо, Хануман подумал: "Мои огромные размеры и быстрота полета привлечет ко мне внимание демонов." С этой мыслью благоразумный и осторожный Хануман с размеров горы принял обычный облик, подобно тому, кто целиком владеет собой и чужд самолюбанию, постигнув свою божественную и полную блаженства природу. Подобно Вишну, который тремя шагами покорила землю и лишил силы царя демонов Бали, Хануман принял прежний свой вид. Постоянно сосредоточенный на своей миссии, сын ветра, способный принимать различные прекрасные облики, завершил свой неподражаемый перелет через море.

Осмотревшись, великодушный герой, словно шатер из облаков, приземлился на вершине славной горы Самва со множеством великолепных скал, поросших деревьями кетака, уддалака и нарикела. Достигнув берега моря, Хануман увидел Ланку, раскинувшуюся на вершине прекрасной горы. Он сошел с небес на землю и принял обычный облик, вспугнув ланей и птиц. Доблестный Хануман преодолел океан, покрытый глыбами волн и кишачий демонами и змеями, и приземлился на другом берегу, где увидел Ланку, напоминающую город Амаравади.

Глава 2 Хануман прибывает на Ланку

Преодолев бескрайнее море, могущественная обезьяна остановилась на вершине горы Трикута и стала осматривать Ланку. Величайшей доблести герой оказался под дождем цветов, которым деревья со всех сторон осыпали его. Удачливая обезьяна, только что преодолевшая сотни миль над океаном, не сделал ни одной остановки, не чувствовала ни малейшей усталости. "Я могу преодолеть сотни миль, почему этот океан оказался всего на четыреста миль?" – так думал Хануман наделенный огромной силой.

Не теряя времени, он повернул в сторону Ланки и пошел меж зелеными полями и густыми рощами, благоухающими ароматным медом. Хануман шел по горной местности, поросшей деревьями и цветущими лесами. Здесь сын бога ветра решил остановиться и стал осматривать леса, рощи и саму Ланку, расположившуюся на вершине горы. Кругом стояли все в цвету шарала, карника, кхарджура, ароматные прияла, мучулинда, кутаджа, кетака и приянгу, нипа, саптаччада, асана, ковидара и каравира, полные бутонов и распустившихся цветов, на верхушках которых, колышимых ветром, обитали тысячи птиц. Хануман увидел пруды, полные лебедей и уток, усталых ковров белых и голубых лотосов; цветущие сады с фонтанами и чудесные парки со всевозможными деревьями, круглый год дарующих цветы и плоды.

Осматривая окрестности Ланки, защищаемой Раваной, которую окружал глубокий ров, украшенный голубыми и белыми лотосами, благословенный Хануман заметил могучих воинов на крепостном валу, которые стояли здесь с того самого времени, как Равана похитил Ситу. Свирепые демоны с огромными луками в руках ходили взад-вперед, охраняя город. Большую и удивительно красивую столицу Раваны окружала золотая стена, а ее высокие, как горы, дворцы, напоминали осенние облака. Вдоль главных дорог стояли высокие дома с сотнями башенок, украшенные вымпелами и знаменами, которыми играл ветер. Великолепный, с золотыми арками, увитыми цветами город Ланка показался Хануману городом богов. Выросший на вершине горы, с его сияющими белизной дворцами, он напоминал город небожителей. Хануману казалось, что отстроенный Вишвакармой и находящийся под властью повелителя демонов город замер в небесах. Ланка с ее валами, круглыми, как бедра, в одеждах озер и лесов казалась женщиной, созданной мыслью Вишвакармы; метательное оружие и копья были ее волосами, а террасы – диадемой. У северных ворот, напоминающих гору Кайла-

са и величественными башнями раскалывающих и подпирающих небосвод, Хануман увидел, что город полон свирепых демонов, словно пещера ядовитых змей, защищенная океаном.

Размышляя о Раване, ужасном враге Рамы, он подумал: "Даже если могучерукий Рагхава и достигнет этого неприступного и сулящего смерть города, что дальше? С этими демонами невозможно ни сговориться, ни подкупить, ни вызвать среди них разногласий, ни победить их в открытом сражении. Среди обезьян только четверо смогут достичь Ланки – сын Бали, Нила, прозорливый Сугрива и я. Но прежде мне нужно удостовериться, что Ваидехи ещё здесь. Сначала я найду дочь Джанаки, а потом подумаю, как поступать дальше."

Слон среди обезьян, Хануман задумался, как ему отыскать на Ланке Ситу, отраду Рамы. "В таком облике я не смогу войти в город, который охраняют доблестные и свирепые демоны," размышлял Хануман, "я не смогу перехитрить этих мужественных воинов, сильных и бесстрашных. Чтобы найти Джанаки, мне нужно проникнуть на Ланку ночью, в подходящий момент и таком облике, чтобы не привлечь к себе внимания. Тогда только я совершу порученное дело."

Наблюдая за городом, недоступном даже для богов и асуров, Хануман глубоко вздохнул и продолжил свои рассуждения: "Как найду я Маитхили, дочь Джанаки, оставаясь сокрытыми от глаз вероломного Раваны, повелителя демонов? Как не погубить дела Рамы, познавшего своё "я"? Как мне увидеть дочь Джанаки одну и в укромном месте? Неожиданно возникшее препятствие или ошибка неопытного посланника могут погубить всё дело, как первые лучи рассеивают тьму. Иногда приходится решать, как поступить и чего избежать. Из-за небрежности посланника самые лучшие замыслы могут ни к чему не привести или не осуществиться во всей своей полноте и блеске. Самонадеянный посланник может всё погубить! Как мне поступить, не допустив ошибки? Мой перелет через океан не должен стать бесплодным!

Если демоны обнаружат меня, замысел прозорливого Рамы, жаждущего погубить Равану, провалится. Даже если я приму облик демона, я не смогу долго оставаться неузнанным, также как в и любом другом облике. Я думаю, даже ветер не смог бы гулять здесь неузнанным. Ничто не промелькнет мимо бдительного ока тех огромных демонов. Если я останусь в своем обычном облике, я навлеку бедствие на свою голову, и воля моего повелителя останется неисполненной, поэтому я должен уменьшиться и войти в город, как этого хотел Рама. Я войду в этот неприступный город ночью и осмотрю все жилища, чтобы найти дочь Джанаки!" К такому выводу пришел Хануман, жаждавший отыскать Ваидехи, и принялся ожидать заката.

Когда дневное светило сокрылось за горой Аста, Марути уменьшился до размеров необычайной на вид кошки. В сумерки могущественный Хануман, прыгая, вступил в великолепный город, который пересекали множество широких улиц с рядами домов, украшенных золотыми колоннами и балконами, что делало его схожим с городом гандхарвов. Со смешанным чувством радости и грусти осматривал Хануман столицу, в которой было семь или восемь сверкающих зданий с мраморными полами, выложенных золотой мозаикой, с золотыми арками. Ища Ваидехи, он с любопытством взирал на невообразимо пышную Ланку. Украшенные гирляндами дворцы соперничали друг с другом белизной стен и красотой арок, отделанных бесценным золотом. Этот великолепный город, охраняемый Раваной, со всех сторон окружали бесстрашные воины величайшей силы. Полная луна на усеянном звездами небе, казалось, решила оказать услугу Хануману, и осветила мир своими прохладными серебристыми лучами. Герой среди обезьян пристально посмотрел на луну, сиявшую как раковина и белую как молоко или стебель лотоса, которая проплывала по светлому небу, подобно лебедю, скользящему по озерной глади.

Глава 3

Хануман входит в город

Хануман, сын Маруты, лев среди обезьян, провел день на величественной горе Самва, напоминавшей огромное облако, а лишь только спустилась ночь, отправился в город Ланка,

украшенный восхитительными рощами и озерами, который охранял Равана. Чудесный город, полный сверкающих дворцов, напоминал осенние облака. Днем и ночью там слышен был шум прибоя, с моря веяло свежестью и прохладой. Процветающая и тщательно охраняемая Ланка своими белыми воротами и позолоченными арками напоминала Витапавати. Защищенная могучими слонами, сияющая как полная огромных змеев Бхогавати, она была подобна городу Индры. Сверкающий россыпями звезд и открытый для вольных морских ветров, город окружал золотой вал.

Хануман с восторгом взирал на город, оглашенный звоном бесчисленных колоколов и украшенный знаменами, его красота и пышность привели сына ветра в полное изумление. Хануман увидел золотые ворота, изумрудные перекладки на окнах и дверях и тротуары, выложенные жемчугом, хрусталем и драгоценными камнями; ступеньки, сверкающие драгоценными камнями и лазурные полы, решетки из чистого золота и серебряные парапеты; хрустальные лестницы с изумрудными ступенями, на которых никогда не было пыли. Комнаты в домах были так изящно и со вкусом отделаны, что казалось, были сотканы из воздуха. В ночи раздавались крики кроншнепов и павлинов, по глади озер, на которых любили отдыхать перелетные гуси, величественно плавали лебеди. Повсюду был слышен стук барабанов и звон украшений.

Хануман с восхищением осматривал Ланку, которая напоминала город Вишвакару. Казалось, она чудом возникла в просторах вселенной. Великолепный город правителя демонов, которому не было равных в богатстве и роскоши, произвел на дальновидного Ханумана такое сильное впечатление, что он засомневался: "Эту столицу, охраняемую воинами Раваны, не взять силой. Это сделают только Кумуда, Ангада, такие могущественные обезьяны, как Шущена, Маинда и Двивида, потомок Вивасваты, обезьяна Кушапарва, Рикшья или я сам."

Но, вспомнив доблесть длиннорукого Рагхавы и могучего Лакшманы, Хануман вновь почувствовал уверенность. Он продолжал осматривать Ланку, столицу повелителя демонов, со всех сторон омытую морем, словно одетую в пышные одежды. Коровники и конюшни казались ее кулонами, а сверкающие доспехи воинов – грудью, как у женщины, украшенной драгоценностями. Ночной город освещали ярко горящие факелы и мерцающие на небе звезды.

Как только сын ветра, тигр среди обезьян, вошел в город, ему преградила дорогу чудовищная с виду богиня Ланки, покровительствовавшая столице Раваны. Со страшным ревом она бросила вызов сыну Ваю:

– О лесная обезьяна, кто ты и зачем пришла сюда? Говори начистоту, если ты дорожишь своей жизнью! Ни под каким предлогом ты не мог достичь этого города, неприступного со всех сторон, который охраняют воинские силы Раваны.

Доблестный Хануман отвечал чудовищу, представшему перед ним:

– Я отвечу на все твои вопросы, но прежде скажи, кто ты, о раздраженное создание, принявшее столь отвратительный облик, и почему обращаешься ко мне в таком гневе?

Разгневанная богиня Ланки, по желанию меняющая свой облик, сурово отвечала сыну ветра:

– Послушная приказу великодушного Раваны, царя демонов, я охраняю город. Никто не может пройти мимо меня, но если кому-то удастся войти в город, он скоро бездыханным падет, не выдержав моих ударов. Я – олицетворенный город Ланка, и чтобы ни случилось, я останусь верна всему, что сказала!

Хануман, рожденный Марутой, лучший среди обезьян, замер и слушал ее неподвижный, как скала. Разумный и мужественный, лев среди обезьян, он отвечал богине, принявшей облик женщины:

– Я хочу осмотреть этот город с его башнями, стенами, арками, и потому прибыл на этот остров. Я испытываю огромное желание увидеть его величественные дворцы, леса, рощи и сады.

Богиня Ланки рассердилась ещё больше и гневно отвечала:

– О глупая тварь, о последняя из обезьян! Не победив меня, тебе не удастся осмотреть город, которым правит царь демонов.

– Осмотрев город, о благословенная, я вернусь туда, откуда пришел, – заверил Хануман ночную разбойницу. Ланка издала страшный вопль и ладонью нанесла льву среди обезьян сокрушительный удар. Доблестный сын Маруты с ревом сжал левый кулак и толкнул ее в грудь, но подумав: "Это женщина", – он сдержал свой гнев. Однако от его толчка демоница тут же упала на землю с искаженным лицом. Глядя на нее, мужественный и благородный Хануман проникся к ней состраданием как к женщине. Взволнованная и подавленная Ланка обратилась к нему с дрожью в голосе:

– О могучерукий, сжался надо мной! Спаси меня, о лучшая среди обезьян! Доблестные и сильные могут удержать занесенную руку! О могущественный, ты превзошел меня своей доблестью! Услышь от меня истину, пророчески провозглашенную Сваямбху: "В тот час, когда обезьяна превзойдет тебя силой, демоны утратят своё могущество." Сегодня ты показал, что час назначенный Сваямбху настал! Истина, провозглашенная саморожденным Брахмой, неизменна. Грешный царь Равана, вместе со всеми демонами заплатит жизнью за похищение Ситы. О лучший среди обезьян, входи в этот город Раваны и сверши задуманное. Великолепный город повелителя демонов, над которым нависла десница судьбы, открыт перед тобой. Не ведая преград, ступай куда пожелаешь и найди целомудренную дочь Джанаки.

Глава 4

Хануман осматривает город и его жителей

Могущественный и доблестный Хануман, одержав победу над великолепной Ланкой, способной менять свой облик, не стал входить в городские ворота, а легко перепрыгнул через высокую стену и направился в центр ночной столицы. Хануман, верный интересам царя обезьян, избрал одну из городских дорог, левой ногой победно поправ головы врагов. Превосходный сын Маруты шел по главной дороге города, усталой цветами, и осматривал прекрасную столицу, слыша повсюду раздававшуюся музыку и веселый смех. Красивый и многолюдный город с гербом булавы и стрекала, со сверкающими алмазами окнами, напоминал небо, украшенное облаками. Ланка с ее богатыми и пышными домами, напоминавшими белые облака, принадлежала демонам. Во имя Рамы и Сугривы Хануман радостно шел по улицам города, украшенного лотосами и знаками свастики, гирляндами и знаменами. Знаменитый сын ветра шел от одного дома к другому, наблюдая за их многочисленными обитателями различных обликов, со всех сторон слыша мелодичное пение и видя женщин, одержимых любовью, прекрасных как небесные нимфы. Он слышал звон их поясов и браслетов, когда они поднимались по лестницам дворцов, принадлежавших их великим повелителям, звонкие удары в ладоши и щелканье кастаньетов. Из домов демонов доносились нараспев читаемые священные мантры и молитвы, возносимые знатоками Вед. Хануман увидел толпы демонов, стоявших на главной дороге и громко певших хвалу Раване.

В центре города он увидел многочисленных шпионов Раваны, переодетых домохозяевами, только что получившими посвящение в практику йоги, отшельниками со спутанными волосами, затворниками с обритыми головами и другими аскетами в оленьих и коровьих шкурах или совершенно нагих. Они держали в руках пучки травы дурбха, жаровни, в которых разводили огонь и вызывали злых духов, оружие, чтобы защищаться от врагов, или молоты, булавы и шесты. Он увидел одноглазых шпионов, разноцветных, пузатых, с обвислыми грудями, отвратительных и свирепых карликов с кривыми лицами.

Там были лучники, воины, вооруженные мечами, булавами, железными ломками, в сверкающих странных доспехах. Хануман не увидел среди них ни толстых, ни худых, ни высоких, ни низких, ни светлых, ни темных, ни горбунов, ни карликов. Одни из них были безобразными, другие красивыми, одни сияли, а другие несли в руках знамена, флаги или разнообразное оружие. Хануман увидел, что демоны вооружены копьями, дротиками, гарпунами, стрелами, рогатинами и другим оружием, многие гуляли с гирляндами на шее, благоухая

пастой и духами, облаченные в богатые одежды и украшенные великолепными драгоценностями. Некоторые из этих могучих воинов были вооружены копьями и булавами. Сотнями и тысячами собрались они перед царским дворцом, послушные приказу Раваны.

Хануман увидел знаменитый райский дворец повелителя демонов, который возвышался на вершине горы, украшенный золотыми арочными воротами, окруженный рвом с бледными лотосами и валом. Удивительный дворец был полон жизни: ржали породистые кони, кричали откормленные животные, шумели колесницы и слоны; там были слоны с четырьмя бивнями, похожие на огромные облака, и большие стада оленей. Хануман проник во дворец царя демонов, который охраняли тысячи могучих ятудханов. Порталы дворца были богато украшены барельефами животных и птиц, а внутренние покои, окруженные стенами из золота хема и джамбунада, сверкали жемчугами и редкими драгоценными камнями на потолках и благоухали ароматом алоэ и сандала.

Глава 5

Хануман бродит по городу, не находя Ситы

Благословенный Хануман увидел сияющую в ночи луну посреди звезд, озарявшую всё живое своим сиянием, подобно возбужденному быку в стаде коров. Герой среди обезьян пристально смотрел на луну, проплывавшую в небе, белую как раковина или стебель лотоса, прохладные лучи которой рассеивают печаль мира, вызывают морской прилив и озаряют своим светом всё живое. Ночная планета проливала свой свет на вершины горы Мандары, сумеречными бликами поблескивало море и украшенные лотосами озера. Сияющая в небесах луна казалась лебедем в серебряном гнезде, львом в пещере горы Мандара или воином на гордом слоне. Полная луна с напоминающими рога пятнами на лице казалась прекрасной, как горбатый бык с острыми рогами, величественная гора Швета с высокими вершинами или слон с золотыми бивнями. Как великое солнце превращает лед и снег в грязные лужи, так и свет благословенной луны, символом которой считается заяц, рассеивает тьму, потому что даже самое темное пятно на ее лице излучает сияние. Луна сияла в небе во всем своем величии, подобно царю зверей, вышедшим из своей пещеры, вожаку слонов, вступившему в глубокие леса, или царю людей, который обходит свои владения. Ее яркий свет разогнал ночную тьму, подчеркнул черноту кожи демонов, питающихся плотью и горечь неразделенной любви в сердцах молодых женщин и их возлюбленных сменил на блаженство.

Раздались звуки лютни, радующей слух. Целомудренные женщины спали в объятьях своих повелителей, а неистовые ночные разбойники отправились творить свои злодеяния. Дальновидный Хануман увидел дома, в которых царили безрассудство и хмель. Воинственные герои развлекались и веселились среди разбросанных золотых кресел, колесниц и коней.

Хануман увидел демонов, увлеченных неистовым спором. Подняв огромные кулаки, они награждали друг друга язвительными ругательствами. Одни били себя в грудь и размахивали огромными луками, а другие приводили в порядок свои одежды или обнимали дорогих сердцу жен. Перед взором Ханумана промелькнули блудницы, умащавшие себя сандаловой пастой или сладко спавшие в своих постелях. Несравненно прекрасные женщины весело смеялись или гневно хмурили брови. Где-то трубили огромные слоны, где-то совершалось поклонение, могучие воины произносили слова угроз – и весь город напоминал озеро, кишашее шипящими змеями.

Хануман увидел людей, отмеченных разумом, способных к философским дискуссиям, благочестивых, строго следующих ритуалам. Он с восторгом смотрел на этих выдающихся людей, которых природа одарила всеми талантами. От них исходило такое сияние, что даже самые безобразные казались прекрасными. Их благородные и прекрасные супруги, сиявшие как звезды в достойных одеждах и украшениях, чистосердечные и величественные, исключительного нрава, были опьянены любовью к своим мужьям, словно вином, и бросали нежные взгляды, обменивались подарками и пригубливали вкусные напитки. Под покровом ночи прекрасные женщины пребывали в объятьях своих любовников, перебарывая скромность

или отдаваясь страсти, как птицы, играющие со своими супругами. Другие, не покидая своих домов, полные нежности, мирно спали на груди своих повелителей, оставаясь верными супружескому долгу. Хануман увидел обнаженных женщин на ложах, покинутых возлюбленными и сиявших как золото. У них была необыкновенно красивая, золотистая кожа, изящные члены и лица нежные как свет луны. Иные предавались радостям со своими мужьями, на лицах их был восторг. Украшенные цветами, своей красотой они очаровывали сердца мужей. Эти женщины с сияющими как луна лицами и чудесными глазами, большими ресницами и красивым разрезом глаз, усыпанные драгоценностями, показались Хануману вспышками молний.

Однако он нигде не видел и следа благородной Ситы из царской династии, верной пути добродетели, подобной нежной, цветущей лиане или хрупкому цветку сатхуджата, родившемуся из ума Брахмы. Целомудренная Сита, с устремленным на Раму взглядом, целиком поглощенная мыслями о нем, его ум и сердце, самая возвышенная из женщин, была жертвой жгучего горя; с мокрой от слез грудью, лишившаяся прежних бесценных украшений, большеглазая, с пушистыми ресницами и красивой шеей Сита, напоминала с голубой шеей паву в лесу, темный контур луны, слиток золота, покрытый грязью, шрам, оставшийся после раны или золотую стрелу, сломанную ветром. После долгих поисков, не найдя Ситы, супруги Рамы, повелителя людей, самого искусного среди ораторов, Хануман преисполнился горя и утратил всё своё мужество.

Глава 6 Хануман исследует дворец Раваны

Словно вольный ветер путешествуя по крышам домов, Хануман, по желанию менявший облик, обошел всю Ланку и приблизился ко дворцу повелителя демонов, окруженному сияющей стеной, сверкавшему как солнце, который, охраняли ужасные демоны, словно львы – могучий лес. Сын ветра увидел чудесный дворец с украшенными сводами, отделанный серебром и золотом, сияющие дворы и ворота, в которых толпились погонщики слонов и неукротимые воины, колесницы, запряженные быстрыми конями, странные телеги, покрытые львиными и тигровыми шкурами, отделанные чеканным золотом и серебром, на которых висели звонкие колокольчики.

Усыпанный драгоценными камнями, со множеством богатых кресел, дворец этот был излюбленным местом встреч великих воинов, махаратх. Здесь было множество редких видов оленей и птиц, которые охранял обученный караул. Повсюду мелькали благородные и знаменитые женщины, дворец звенел от их мелодичных колокольчиков и украшений. Здесь жили лучшие из демонов, всё было отмечено символами царской власти и благоухало сандалом. Полный великих демонов, словно лес.

Изобилующий львами, оглашенный ударами гонгов, тамбуринов и трубных звуков раковин, этот дворец был также местом поклонения демонов, где они совершали свои подношения богам во время смены фаз луны. Иногда замолкшие в страхе перед Раваной, как море, а иногда гудящая как волны, эта обширная обитель, усеянная драгоценными камнями, принадлежала могущественному Раване. Великий Хануман внимательно осматривал сверкающий дворец, полный слонов, коней и колесниц.

"Это жемчужина Ланки," – подумал знаменитый герой, путешествуя по крыше дворца, и принялся осматривать жилища демонов и их сады. Он мужественно прыгнул в обитель Прахасты, а затем – во дворец Махапаршвы; могущественная обезьяна посетила обитель Кумбхакарны, напоминавшую груды облаков, а также Вибхишаны. Одно за другим Хануман побывал в домах Маходары, Витрупакши, Видьюджибхи и Видьюмалы. Одним прыжком он оказался в домах Вахуданштры, Шуки и разумного Сараны. Он исследовал дворцы Индраджита, Джамбумалы и Сумалы, а затем посетил Рашмукету, Сурьясачу и Виджракаю. Потомок бога ветра осмотрел каждый угол в домах Дхумракши, Сампати, жестоких Видьюдруны, Пханы, Викханы и Суканабхи, Шакры, Шатхи, Капатхи, Храсвакарны, Данштры и демона

Ломасы, Юдхьонматты, Матты и всадника Дхваджагривы, Садина, Видьюджитхи и Виджибхи, а также Хастимукхи и Каралы, Вишалы и Сонитакши. Знаменитый сын Маруты один за другим посетил процветающие дома и других знаменитых и влиятельных демонов.

Тщательно исследовав все обители демонов, удачливый Хануман вновь приблизился к царскому дворцу. Он увидел демониц с грозными лицами, которые не слышно бродили за стенами покоев, где спал Равана, с дротиками и булавами в руках, вооруженные копьями, топорами. Он увидел в обители царя демонов гигантских воинов, вооруженных до зубов. Превосходные быстроногие кони, красные, белые и черные, откормленные слоны, неизменно одерживавшие победы над противником, обученные для любой ситуации и в бою равные самому Айравате. Эти слоны, уничтожающие вражеские армии, напоминали бегущие в небе облака или движущиеся холмы, а их трубные призывы казались раскатами грома. Сын бога ветра увидел в этом дворце тысячи демонов в сверкающих доспехах и золотые колесницы, сияющие как восходящее солнце, множество носилок различной формы, беседки, картинные галереи, залы для упражнений, горы дров, беседки и залы для развлечений.

Во дворце Раваны было удивительное здание, прекрасное как гора Мандара, площадки для павлинов, украшенные знаменами на флагштоках. Дворец был полон драгоценных камней и других сокровищ, принесенных сюда доблестными демонами, и напоминал обитель Куверы. От блеска тех драгоценностей и великолепия самого Раваны дворец сиял подобно солнцу в ореоле лучей. Вожак обезьян увидел золотые ложа и кресла, сосуды, отделанные жемчугом и полные вина.

Размерами и великолепием этот дворец напоминал обитель Камы или обитель Куверы. Мелодичный звон браслетов и поясов стоял в воздухе, звучали барабаны, цимбалы и другие музыкальные инструменты. Повсюду можно было увидеть красивых как жемчуга женщин, которых защищали высокие стены.

Глава 7 Описание небесной колесницы Пушпака

Могучий Хануман продолжал осматривать дворцовые палаты с золотыми окнами, усеянные изумрудами, напоминавшие груды облаков в период дождей, разрываемых молнией, мимо которых пролетают стаи журавлей. Он увидел различные залы и склады раковин, луков, оружия и воинских доспехов, украшенные высокими, как холмы башнями. Эти особняки, полные всевозможных сокровищ, перед которыми благоговели боги и демоны, выглядели безупречными, созданные силой могущества Раваны.

Хануман обыскал все особняки повелителя Ланки, полные предметов роскоши, в которых были предусмотрены малейшие желания их хозяина, словно это было творение Майи. Наконец он проник во дворец самого царя ракшасов, самый прекрасный среди остальных, похожий на груды высоких облаков. Он поражал своей красотой и казалось, будто он низшел с небес на землю. Дворец изобиловал драгоценными камнями и разнообразными цветущими деревьями, и напоминал заснеженную вершину горы. Его украшали необычайной красоты женщины, и он сиял, словно облако, озаренное молнией. Он был великолепен, словно чудесная колесница в небесах, запряженная лебедями. Дворец Раваны сверкал бесчисленными драгоценностями, подобно вершине горы, богатой рудой, небосводу, украшенному луной и звездами или разноцветным облакам. Вылепленные из глины скалы, напоминавшие горные кряжи, были засажены искусственными деревьями, покрытыми цветами, с молодыми стеблями и листьями, среди которых стояли наскоро сооруженные ослепительно белые хижины. В глубине рощ были пруды, покрытые цветущими лотосами с золотыми стеблями, били восхитительные фонтаны.

Хануман увидел огромную небесную колесницу Пушпаку, которая сияла как жемчуг и парила над высокими дворцовыми башнями. Ее украшали птицы из изумрудов, серебра и кораллов и змеи из различных металлов, кони в натуральную величину и птицы с красивыми клювами, удивительными подвижными крыльями и опереньем, как у самого Камы, которые

стояли на золотых и коралловых цветах. Там были слоны, в восковых хоботах держащие цветы лотосов и поливавшие водой богиню Лакшми, которая сидела в пруду с лотосами в прекрасных руках. Колесница Пушпака изумила Ханумана, она напоминала гору с чудесными пещерами или дерево, из дупел которого разносился изысканный весенний аромат.

Хотя Хануман обыскал весь город десятиглавого Раваны, он не нашел дочери Джанаки, достойной внимания, пребывавшей в глубокой печали, покоренной добродетелью и доблестью ее повелителя. Нигде не видя дочери Джанаки несмотря на отчаянные и тщательные поиски, знаменитый Хануман, добродетельной и добродушной души, почувствовал как жгучая тоска завладела его сердцем.

Глава 8

Дальнейшее описание небесной колесницы Пушпака

Разумный Хануман, рожденный Паваной, остановился, чтобы внимательно рассмотреть великолепную колесницу, инкрустированную золотом и драгоценностями. Отделанная золотом и украшенная несравненными произведениями искусства, созданными самим Вишвакармой, летящая в просторах космоса, подобно лучу солнца, колесница Пушпака ослепительно сверкала. Каждая деталь в ней была сделана с величайшим искусством, также как и орнамент, выложенный редчайшими драгоценными камнями. Колесницы богов уступали Пушпаке, каждая часть ее была исключительной работы. Совершая аскезы и медитируя, Равана обрел эту колесницу, которая управлялась силой мысли ее хозяина. Неотразимая и быстрая как ветер, дарующая счастье великодушным и благочестивым душам, достигшим вершины процветания и славы, несущаяся по небесам, просторная, с многочисленными комнатами, украшенная великолепными произведениями искусства, чарующая сердце, безупречная как осенняя луна, она напоминала гору со сверкающими вершинами. Она могла выдержать тысячи прожорливых демонов с ниспадающими серьгами, огромными немигающими глазами, которые с необычайной скоростью носились по небесам днем и ночью. Великолепная летающая колесница Пушпака, убранный цветами, которая была прекраснее самой весны, приковала к себе взгляд Ханумана.

Глава 9

Хануман разыскивает гарем

Внимание Ханумана, сына Маруты, привлек просторный и великолепный особняк внутри колесницы двумя милями в ширину и четыремя в длину, который принадлежал самому царю демонов. Хануман, повергавший во прах своих врагов, повсюду искал царевну Видехи, большеглазую Ситу и увидел это пышное здание, обитель демонов. Он приблизился к царскому дворцу, окруженному могучими слонами, вдоль которого стояли воины с оружием в руках. Здесь жили демоницы, супруги Раваны, а также похищенные им царские дочери, и потому дворец напоминал океан, кишущий крокодилами, акулами, китами, громадными рыбами и змеями, вспененный бурей. Дворец Раваны напоминал великолепную обитель Ваишраваны, Чандры и Хариваханы, несравненного сияния, неизменный, богатством соперничавший с дворцами Куверы, Ямы и Варуны, и даже превосходивший их.

Посреди дворца потомок ветра увидел ещё одно добротное здание с многочисленными решетками. Некогда сотворенная Вишвакармой по воле Брахмы, эта благородная колесница, украшенная драгоценными камнями, называлась Пушпака. Кувера приобрел ее ценой продолжительных аскез, но царь демонов превзошел его в могуществе и завладел чудесной колесницей. Славный Хануман спустился в великолепную Пушпаку, украшенную фигурами волков, отлитыми из золота картасвара и хиранья, изящными и ослепительно сверкающими колонами, в которой было множество внутренних комнат и полутемных беседок. Она напоминала горы Меру и Мандару, своими высокими башнями касалась небес и сияла как солнце. Шедевр Вишвакармы был снабжен множеством золотых лестниц и роскошным потол-

ком; там были балконы и галереи из глубокого голубого сафира и других драгоценных камней; полы были выложены редкими жемчугами, придававшими им ослепительную красоту. Построенная из красного сандала и сверкающая чистым золотом, Пушпака напоминала восходящее солнце и благоухала тонким ароматом. Хануман остановился и вдохнул густой аромат вин и яств, стоявший в воздухе. Божественный всепроникающий аромат показался ему самой Анилой, он вдыхал его снова и снова, словно он исходил от его близкого друга. Этот аромат казалось говорил Хануману: "Иди туда, где Равана."

Сын ветра пошел дальше и увидел обширную пышную залу. Эта просторная зала была очень дорога Раване, который относился к ней, словно к нежно любимой женщине. Лестницы там были выложены драгоценными камнями, а отлитые из чистого золота галереи, ослепительно сияли, хрустальные полы были выложены слоновой костью, жемчугом, алмазами, кораллами, серебром и золотом. Эту залу украшали множество драгоценных, симметрично расположенных пилястров, прямых, изящных и искусно инкрустированных. Их поддерживали высокие колонны одинаковых размеров, похожих на крылья, отчего всё строение казалось летящим в воздухе. Полы были устланы ковром, широким и четырехугольным, как земля, на котором были вытканы различные страны, царства и обитатели, повсюду слышалось пение птиц, в воздухе стоял божественный аромат. С богатыми гобеленами на стенах, темные от густого дыма благовоний, безупречно чистые, словно лебедь, убранные листьями и цветами, напоминавшими Камадхену, дарующие радость сердцу, придающие цвет щекам, несущие процветание и разгоняющие всякую печаль, покои царя демонов дарили утешение всем чувствам, словно мать. Проникнув в эту обитель Раваны, Хануман спросил себя: "Это рай, обитель богов, столица Индры или кладезь высшего блаженства?" Он прикоснулся к золотым светильникам, которые напоминали игроков, увлеченных игрой в кости и глубоко озабоченных нанесенным поражением. Хануман внимательно посмотрел на эти сверкающие светильники, люстры Раваны и великолепные украшения, освещавшие покои.

Он увидел здесь множество женщин, которые лежали на коврах в разнообразных пышных одеждах, с венками на головах. Они крепко спали под воздействием игривого вина, оставив свои развлечения, в которых провели половину ночи. В царившей тишине эти девы, украшенные драгоценностями, звона которых больше не было слышно, напоминали большое озеро, полное лотосов, на котором смолкли крики лебедей и жужжанье пчел. Марути заглянул в лица тех прекрасных женщин, глаза и уста которых были крепко сомкнуты и источали аромат цветов. Они напомнили ему лотосы, на закате сомкнувшие свои лепестки и ожидающие рассвета, чтобы открыть их снова, или водяные лилии, которые не покидают опьяненные любовью шмели. Благородный и могущественный Хануман справедливо сравнил этих дев с нимфами, потому что гарем был озарен их сияющей красотой, словно усеянные звездами небеса в безмятежную осеннюю ночь. Среди них вспышкой пламени пылал царь демонов, казавшийся прекрасной луной в окружении звезд. Хануман сказал себе: "Это планеты, упавшие с небес, когда иссяк запас их благочестия."

Найдя покой, эти милосердные, великолепные женщины сияли, как ослепительные метеоры. Сон настиг их в танце и во время пиршества, венцы слетели с их голов, волосы растрепались, а украшения разорвались и рассыпались по ковру. Они растеряли свои браслеты, тилака на лбах стерлась, смятые гирлянды валялись в стороне, нитки жемчуга разорвались, одежды пришли в беспорядок, пояса расстегнулись и упали, что делало их похожими на распряженных мулов; без серег, с разорванными и мятыми гирляндами они казались цветущими лианами, растоптанными огромными слонами в лесу. Рассыпанный жемчуг, словно мерцающий свет луны, лежал на упругой груди этих дев, напоминающей уснувших лебедей, украшавшие их нитки изумрудов казались селезнями, а золотые цепи – птицами чакравата.

Эти пышнобедрые женщины напоминали реки с крутыми берегами, любимые лебедями, гусьями и другими птицами; во сне они походили могучие потоки, и золотые колокольчики на их поясах были рябью, их лица – лотосами, жажда любви – крокодилами, а изящество – берегами. На их нежных членах следы от украшений казались пчелами, а волнуемая дыханием вуаль на лицах – яркими лентами из разноцветных нитей, гулявший ветерок мягко играл их

серьгами. Их едва уловимое дыхание наполняло воздух ароматом сладких вин, которые они выпили в угоду Раване. Во сне жены Раваны жадно ловили уста своих соперниц, принимая их за уста своего страстно любимого господина. Всем сердцем преданные своему повелителю, эти прекрасные женщины, не в силах обуздать страсть, невольно оказывали знаки внимания своим соперницам. В богатых одеждах они спали, подложив под голову руки, униженные браслетами, кто-то уснул на груди подруги, на коленях, на бедрах, на спинах. Под воздействием вина, они страстно льнули друг к другу; девы с тонким станом, они спали, положив друг на друга руки. Жены Раваны в объятьях друг друга напоминали цветочные гирлянды, окруженные опьяненными от любви шмелями, лианы, отдавшиеся ласкам весеннего ветра, который игриво сплел их в гирлянды цветов, или переплетающиеся ветви огромных лесных деревьев, вокруг которых гудят рои пчел. Они спали в столь тесных объятьях, что невозможно было различить, кому принадлежат драгоценные украшения, покрывала и гирлянды, прикрывавшие их полуобнаженные тела. Равана спал, и красота, окружавших его женщин казалась золотыми светильниками, освещавшими его.

Среди жен Раваны были дочери раджариши, исполинов и небожителей, которых он завоевал, покорив их родственников. Были среди них и те, кто добровольно последовал за ним, проникшись любовью к повелителю демонов. Но ни одну из них Равана не похитил против ее воли, всех влекла его доблесть и другие достоинства. Сердца этих женщин никогда не принадлежали никому другому, но с дочерью Джанаки, чье сердце было отдано Раме, всё произошло по-другому. Среди жен Раваны не было лишенных благородства, красоты, разума и милосердия, каждая пробуждала страсть в возлюбленном господине. Хануман, достойный вожак обезьян, подумал: "Если бы супруга Рагхавы была в этом гареме, то царь демонов сегодня был бы особенно счастлив. Но Сита во много раз превосходит их своими несомненными добродетелями, иначе могучий монарх Ланки не совершил бы ради нее столь великое злодеяние."

Глава 10

Хануман видит Равану, окруженного женами

Оглядевшись вокруг, Хануман увидел достойный богов великолепный хрустальный помост, инкрустированный жемчугом, на котором стояли изумрудные кушетки, отделанные слоновой костью и золотом, устланные богатыми коврами. Он увидел белый полог, украшенный небесными гирляндами, который сверкал, как луна. Посредине стояло великолепное ложе, отделанное золотом и пылающее как огонь. Его украшали гирлянды из цветов ашока, а по сторонам стояли две фигуры с опахалами в руках, создавая прохладный ветерок. Кругом курились изысканного аромата благовония. Устланное мягкими шерстяным покрывалами и украшенное гирляндами цветов, ложе это было убрано со всех сторон.

Словно грозное облако, на нем возлежал сам правитель демонов с яркими пылающими серьгами в ушах, красноватыми глазами, золотистыми одеждами. Тело его было умощено шафраном и ароматным сандалом, словно урчащее в сумерки облако, разорванное молнией. В небесных украшениях, великолепный с виду, вольный менять свой облик, во сне он напоминал гору Мандару с ее деревьями, рощами и зарослями кустарника. Пресытившийся любовными играми, сияющий бесценными украшениями, радость демонов и вожденная мечта демониц, он после пира спал на золотом ложе, глубоко дыша, как змея.

Хануман невольно проникся благоговением. Съездившись от страха, он остановился на лестнице, прижимаясь спиной к стене. Сбравшись с духом, он решил всё же взглянуть на этого льва среди демонов, лежавшего в беспомощности от выпитого вина. В этот час великолепное ложе царя демонов напоминало величественную гору Прасравану, на которой, отдыхая, лежал могучий слон, своим запахом отгоняющий соперников. Хануман взглянул на две раскинутые руки гигантского монарха в золотых браслетах, которые напоминали знамена Индры, некогда пронзенные острыми бивнями Айраваты в сражении, разорванные диском Вишну, а также на его могучие плечи, выдержавшие удары булавы Индры. Эти две огром-

ные руки, с красивыми и сильными мускулами и крепкими пальцами и ногтями были отмечены благоприятными знаками, пальцы унизаны кольцами. Эти руки, мощные как палицы и круглые как хобот слона, покоившиеся на богатом ложе, словно две пятиглавые змеи, благоухали сандалом цвета заячьей крови и свежестью. царственной красоты женщины растирали их редчайшими ароматными маслами. Руки, вызывавшие невольный крик ужаса у якшей, паннагов, гандхарвов, девов и данавов, сейчас покоились на золотом ложе, словно две огромных и злых пресмыкающихся тварей, спящих в пещере горы Мандари. Повелитель демонов с такими огромными руками напоминал гору Мандару с двумя вершинами. В воздухе стоял крепкий запах манго или дерева пуннага, насыщенный ароматом бакула, смешавшегося с ароматом яств и вина, который исходил во сне из огромного раскрытого рта повелителя демонов. Венец его украшали рубины и драгоценные камни в золотой оправе, в ушах сверкали серьги; он благоухал красным сандалом, на его могучей груди покоилась нить жемчуга; сбившиеся на сторону белые шелковые одежды обнажили шрамы на теле.

Царь демонов спал под дорогим желтым покрывалом, напоминая сноп света и шипя, как змея. Казалось будто слон спит в глубоких водах Ганги. Четыре светильника на золотых колонах со всех сторон освещали его, подобно молнии, высветившей массивное облако. Славный Хануман увидел жен великого монарха демонов, которые спали в ногах своего господина. Лица их сияли, как луна, они носили драгоценные серьги и свежие гирлянды. Искусные музыканты и танцовщицы, они лежали на руках или груди повелителя демонов, облаченные в прекрасные одежды. Хануман пристально всматривался в этих женщин в золотых браслетах и серьгах, алмазах и изумрудах. Их прекрасные, как луна лица, освещенные блеском их серег, озаряли залу, словно звезды – небосвод. Сон неожиданно настиг стройных жен царя демонов, опьяненных вином и любовными играми; изящная танцовщица спала, изможденная неистовым танцем; дева, обнявшая вину, казалась лотосом, зацепившимся за проплывавший плот и упавшим в воду. Темноглазая красавица уснула с маленьким барабаном манкука на коленях, словно молодая женщина с ребенком; изящная красавица с высокой грудью спала, прижав к сердцу свой тамбурин, словно дорогого возлюбленного после долгой разлуки. Ещё одна с глазами, подобными лотосу, уснула с виной в руках, словно чарующая девушка, страстно обнимающая своего возлюбленного. Другая прекрасная в танце дева уснула рядом со своей лютней, обняв ее руками, словно любовница со своим избранником; с сияющими, как золото канада, членами, с ямочками на щеках красавица, чьи веки отяжелели от вина, несмотря на неодолимый сон, постиала в свой барабан. С тонким станом безупречно красивая дева, уставшая на пиру, уснула с цимбалами на коленях, подруга ее держала два барабана диндима на коленях и на спине, напоминая молодую мать с мужем и ребенком. Ещё одна, с большими как лепестки лотоса глазами, крепко прижала к груди свою адамбару и уснула под воздействием вина; а другая, с опрокинутым кувшином воды, напоминала венок из цветов, окропленный водой для свежести; их подруга уснула, руками прикрывая грудь, похожую на две золотых чаши, а ещё одна дева, с глазами как лотосы, прекрасная, как луна, спала, обнимая свою спутницу с пышными бедрами. Женщины несравненной красоты прижимали к груди свои музыкальные инструменты, словно это были их возлюбленные.

Хануман увидел в отдалении великолепное ложе, на котором лежала одна из тех красивых дев в богатых одеждах, жемчугах и драгоценностях, своим сиянием, казалось, озарявшая великолепные покои. Это была облаченная в яркий, как золото канака, шелк, любимая царица Раваны по имени Мандодари. Стройная, с красивыми чертами лица, в сверкающих украшениях, она была погружена в глубокий сон. Увидев ее, потомок бога ветра сказал себе: "Возможно эта дева, наделенная богатством юности и красоты, и есть Сита," – и необычайно обрадовался. Полный восторга, он стал прыгать, размахивая хвостом, словно шут, выражая свою радость. Он резвился, пел, забирался на колоны и оттуда камнем падал на пол, являя свою обезьянью природу.

Глава 11

Описание залы пиршеств

Однако потом могучий Хануман стал сомневаться в своей догадке: "В разлуке с Рамой эта прекрасная дева не в силах сомкнуть очей, принять пищи или надеть украшения и отдать себя во власть другого, будь это даже сам царь небес, потому что Раме нет равных даже среди богов! Очевидно, это была не Сита."

Придя к такому выводу, вожак обезьян принялся снова осматривать зал пиршеств, всем сердцем жаждя найти Ситу. Опираясь на свои тамбурины, барабаны и селики, или растянувшись на великолепных ложах, жены Раваны беззвучно спали утомившись от игр, пения, танцев и вина. Герой среди обезьян увидел тысячи прекрасно одетых женщин, которые уснули, обсуждая красоту друг друга или искусство пения; всему зная время, они вели уместные беседы и предавались веселью. Он увидел красивых и молодых женщин, которые уснули, беседуя о красоте или принимая дальновидные решения. Среди них повелитель демонов казался быком в просторном хлеву, окруженный коровами, или могучим слоном среди слоних в лесу.

Хануман продолжал исследовать залу во дворце могущественного царя демонов, полную предметов роскоши. Он увидел на блюдах мясо буйвола, лани и кабана, стояли золотые тарелки с нетронутой домашней птицей и павлинами, приправленные творогом. Хануман увидел мясо кабанов, носорогов, дикобразов, ланей и павлинов с острыми подливами, а также мясо птицы крикала, козлятину всех видов, зайчатину и наполовину съеденную рыбу с соком винограда и соусами. Здесь были вина из лучших сортов винограда и изысканные блюда с солеными паштетами, приправленными уксусом, различными аппетитными сладостями. Повсюду были разбросаны дорогие браслеты и ножные колокольчики, кувшины из под вина и фрукты на маленьких подносах. Весь пол был устлан цветами, предложенными богам, отчего зала казалась особенно великолепной. Изысканные ложа и кушетки, украшенные золотом и драгоценными камнями, казалось пылают без огня. Мясные блюда всех видов и вкусов с различными подливами, красиво оформленные искусными поварами, горами были расставлены вокруг. Хануман увидел изысканные напитки, сделанные из сахара, очищенных фруктов, цветов или ароматных порошков. Зеркальный пол отражал бесчисленные гирлянды, золотые кувшины, хрустальные вазы и чаши, валявшиеся повсюду. Хануман увидел золотые кувшины для вина, усеянные драгоценными камнями. Одни из них стояли полными до краев, другие были опорожнены наполовину, а третьи и вовсе пусты. Там было множество нетронутых вин и разнообразных блюд.

Множество кушеток остались свободными, несравненной красоты женщины спали, положив руки друг на друга. Одна из этих юных дев натянула на себя чужое одеяло и, завернувшись, уснула. Нежное дыхание этих женщин едва касалось их одежд или гирлянд и ласкало их, словно нежный ветерок, напоенный ароматом сандала и сладковатого на вкус сидху. По всей небесной колеснице Пушпака можно было увидеть различные цветочные венки, цветы, ароматную кору, приготовленную для омовения и благовония. В обители демона было множество женщин несравненной красоты – темнокожих и цвета золота канчана. Побежденные сном и уставшие от веселья, они напоминали спящие лотосы.

Могущественный Хануман внимательно осмотрел каждый угол внутренних покоев Раваны, но нигде не увидел Джанаки. Внимательно всматриваясь в лица этих женщин, он преисполнился беспокойства, что не достигнет желанной цели. Потом он подумал: "Смотреть на чужую спящую жену несомненно грех перед законом. Поистине, это не входило в мои намерения, но я нахожусь в покоях того, кто полон вожделения к чужим женам." Затем дальновидной обезьяне, стремящейся к своей цели, пришла на ум другая мысль: "Я смотрю на всех этих жен Раваны, не зная их, но я не чувствую и тени волнения в уме. Ум управляет чувствами, будь они добрые или злые, и мой ум остался не потревоженным. Более того, как мне ещё искать Ситу? Женщину нужно искать среди женщин; каждое живое существо нужно искать среди ем подобных, никто бы не стал искать женщину среди ланей. Поэтому с чистым серд-

цем я осмотрел внутренние покои Равны, но не увидел дочери Джанаки." Хануман пристально вглядывался в лица дочерей девов, данавов и нагов. Не найдя Ситы, он покинул зал пиршеств, чтобы продолжить поиски.

Глава 12 Унынье Ханумана

Не покидая дворца, Хануман осмотрел беседки, галереи и спальни, но он нигде не видел Ситы, прекрасной супруги Рамы с тонким станом. Не находя возлюбленной потомка Рагху, могущественный сын ветра подумал: "Несомненно Ситы больше нет в живых, если несмотря на мои напряженные поиски, я нигде не видел дочери Митхилы. Юная, добродетельная женщина, она отстаивала свою честь и была убита злобным повелителем демонов, поскольку осталась верной своему супружескому долгу. Может быть дочь царя Джанаки погибла от страха при виде жен повелителя демонов, уродливых, желтокожих, бесформенных, с огромными головами, чудовищного облика. Какой смысл в моей доблести, если я не смог найти Ситу, большая часть времени, отведенная обезьянам на поиски прошла. Я не отважусь скрываться от могущественного Сугривы, который вынесет мне суровое наказание. Я обыскал все внутренние покои Раваны, но не нашел там нежной Ситы, и потому все мои усилия оказались напрасны. Кроме того, когда я вернусь, все обезьяны спросят меня: "О доблестный Хануман, расскажи нам, что ты делал, достигнув другого берега?" Что я отвечу, не увидев дочери Джанаки? Назначенный срок прошел, несомненно мне остается только поститься до самой смерти. Что скажут престарелый Джамбаван и Ангада вместе со всеми обезьянами, если мой перелет через океан оказался бессмысленным?"

И всё же настойчивость остается залогом успеха и процветания, настойчивость приносит высшую радость, поэтому я должен осмотреть все места, где ещё не был. Более того, я должен приложить ещё больше усилий и побывать всюду, где я ещё не был: в залах собраний, садах, беседках, дворах, домах, дорогах, аллеях и колесницах. Даже если я уже искал там, я должен осмотреть их снова."

Приняв решение, Хануман принялся снова осматривать подвалы, храмы, многоэтажные дома. Он двигался вверх и вниз, то в одну сторону, то в другую, открывая одни двери, закрывая другие, посещая одно место и покидая другое, не оставив неисследованным даже пространство в четыре пальца. Он побывал в проходах, вырытых внутри валов, на террасах, поддерживаемых колоннами, в рощах, на прудах, полных лотосов; он увидел отвратительных огромных демониц всех форм и обликов, но только не дочь Джанаки; знаменитые супруги видьядхаров предстали его взору, но не возлюбленная Рагхавы. Хануман увидел также прекрасных дочерей нагов, чьи лица сияли, как полная луна, которые были силой похищены повелителем демонов, но не видя среди тех прекрасных женщин дочери Джанаки, Марути пребывал в печали. Размышляя о великих усилиях, приложенных вожакими обезьян, и его полетом через океан, который теперь казался ему бесплодным, сын Анилы впал в глубокое унынье и покинул небесную колесницу. Хануман, рожденный Марутой, снова принялся рассуждать, на душе у него было грустно.

Глава 13 Затруднительное положение Ханумана

Проворный Хануман, доблестный вожак обезьян, спускаясь с летающей колесницы на вал, напоминал вспышку молнии в облаках. Не найдя Ситы, дочери Видехи, в покоях Раваны, он сказал себе: "В поисках возлюбленной Рамы я вновь и вновь обошел всю Ланку, но нигде не увидел безупречной дочери Джанаки! Я много раз осмотрел все болота, пруды, озера, ручьи, реки, берега, леса и неприступные горы, но не нашел и следа Ситы! Сампати, царь коршунов, с уверенностью говорил, что Сита находится во дворце Раваны, но я не видел ее там, возможно ли это? Или дочь Видехи, Маитхили, рожденная Джанакой и похищенная

против воли, в своей беспомощности предалась Раване? Возможно, опасаясь быстрых стрел Рамы, демон позволил Сите выскользнуть из его рук, или она, уносимая демонов по пути сиддхов, увидела под собой океан, и рассталась с жизнью? Кто знает, может, благородная большеглазая дева не выдержала огромной скорости полета Раваны и его давящих рук? Могло случиться и так, что во время их полета над морем дочь Джанаки, пытаясь освободиться, упала в волны, или, увы, низкий Равана просто сожрал ее, когда она пыталась отстоять свою честь вдали от своего господина. Может быть, невинная темноглазая дева послужила пищей нечистым женам повелителя демонов? Поглощенная мыслями о Раме, чей лик прекрасен, как луна, она вздохнула в последний раз и горестно крикнула: "О Рама! О Лакшмана! О Айодхья!" Или, брошенная в подземелья дворца Раваны, эта юная дева предается горю, словно птица в клетке? Может ли супруга Рамы с тонким станом, в жилах которой течет кровь Джанаки, с глазами, напоминающими лепестки лотоса, покориться Раване? Погибла ли она, заточена или убита – я не посмею сказать об этом Раме. Это означает нанести ему оскорбление, но плохо будет сокрыть от него истину. Что же мне делать? Я растерян! Как мне поступить в столь затруднительном положении?"

Хануман продолжал рассуждать: "Если я вернусь в город повелителя обезьян, не найдя Ситы, чего стоит мое мужество? Мой перелет через океан кажется бессмысленным, также как появление на Ланке или разведывание сил демонов. Что скажут мне Сугрива, собравшиеся обезьяны или два сына Дашаратхи, когда я вернусь в Кишкиндху? Если я приближусь к Какухтстхе с роковой вестью: "Я не нашел Ситу," он расстанется с жизнью. Услышав эти жестокие, ужасные, душераздирающие и грубые слова, он не выживет, и тогда дальновидный Лакшмана, глубоко преданный Раме, тоже расстанется с жизнью! Бхарата не вынесет известия о гибели этих двух героев, и Шатругна тоже не захочет жить. Узнав о смерти сыновей, их матери – Каушалья, Сумитра и Кайкейи – несомненно умрут; и великодушный и верный Сугрива, видя положение Рамы, тоже расстанется с жизнью. Тогда, разбитая горем Рума, последует за своим господином; Тара, безутешно скорбящая о смерти Бали, истерзанная страданиями, тоже не сможет жить. Потеря родителей заставит юного Ангаду пойти на смерть, и, потрясенные потерей своих вожаков, лесные обезьяны, привыкшие к мягкости, подаркам и вниманию со стороны своего славного монарха, в горе станут бить себя кулаками по голове и умрут. Не увидеть будет в лесах, среди скал и пещер резвящихся обезьян! Вместе со своими сыновьями, женами и слугами они, скорбя о смерти своего повелителя, бросятся с высоких скал в бездну. Или они примут яд, повесятся, войдут в огонь, станут поститься, или упадут на собственное оружие. Несомненно мое возвращение навлечет на всех величайшее бедствие. Династия Икшваку и весь обезьяний род погибнут.

Но если я не вернусь, два добродетельных славных воина, также как и быстроногие обезьяны, будут жить в надежде получить известие о Сите, а я, не найдя царевны Видехи, покорюсь постигшей меня участи и до конца своих буду жить в нужде, поддерживая себя лишь фруктами и кореньями в лесу. На берегу моря, там, где много кореньев, фруктов и воды, я разведу погребальный костер и войду в него, или просто умру от голода и отдам своё истощенное тело на растерзание птицам и диким зверям. На мой взгляд такая смерть достойна прозорливых мудрецов.

Я должен найти Джанаки или броситься в море! Искусно сплетенная и рожденная мужеством яркая гирлянда славы, что покоится на моей груди, увянет, потому что я не смог найти Ситу. Поэтому мне остается стать аскетом и жить под деревом, я не вернусь, не увидев темноокой девы. Если я вернусь без Ситы, ни Ангада, ни другие обезьяны не выживут. Бесчисленные беды обрушатся на того, кто лишает себя жизни; но если я сохраню свою жизнь, у меня остается надежда достичь успеха, и поэтому я непременно должен жить! Пока я живой, встреча Рамы и Ситы ещё возможна!"

Блуждая в потоке скорбных размышлений, Хануман, лев среди обезьян, пытался совладать со своей печалью. Собрав всё своё мужество, могущественный герой сказал себе: "Я убью Дашагриву, ужасного Равану, и отомщу за похищение Ситы или, преодолев море, я брошу его к ногам Рамы, словно животное, предложенное Пашупати!" Продолжая рассуж-

дать, Хануман подумал: "Не в силах найти знаменитую супругу Рамы, я неустанно продолжал поиски по всей Ланке. Если, как говорит Сампати, я приведу сюда Раму, Рагхава, не увидев своей жены, испепелит всех обезьян огнем своего гнева. Поэтому я останусь здесь, посвятив жизнь обузданию чувств, чтобы моя ошибка не погубила всех людей и обезьян. Я не был ещё в ашоковой роще, где растут огромные деревья. Выразив почтение Васу, Рудрам, Адитьям, Ашвинам и Марутам, я войду в нее демонам на погибель. Уничтожив демонов, я верну божественную Ситу, радость Икшваку, Раме, подобно аскету, обретающему плод своих аскез". Поразмыслив немного, могучий потомок бога ветра неожиданно поднялся и изрек:

– Я приветствую Раму, сопровождаемого Лакшманой и Анилой! Я приветствую Чандру, Агни и Марутов!

Выразив почтение богам и Сугриве, повелителю обезьян, потомок бога ветра представил себе путь к великолепной роще и принялся размышлять как поступать дальше. Он думал: "Должно быть, эта священная ашоковая роща с ее густыми зарослями, полна демонов. Наверняка ее охраняют стражники, и даже благословенный Вишватам не осмеливается насыпать на нее сильные ветры. Во имя Рамы я уменьшусь в размерах, чтобы Равана не обнаружил меня. Пусть все боги, сонмы мудрецов, даруют мне удачу! Пусть Сваямбху, небожители, аскеты, бог огня, бог ветра, повелитель небес, Варуна, солнце и луна, благородные Ашвины и все Маруты, благословят меня удачей! Пусть всё живое и господь всего живого, пусть все, кто повстречаются мне на пути, пожелают мне удачи! Когда я увижу благородную и безупречную царевну с красивым носом, жемчужными зубами, сладкой улыбкой и глазами, напоминающими лепестки лотоса, сияющую, как царица звезд, о когда? О, когда хрупкая и добродетельная дева, безжалостно похищенная злобным и отвратительным негодяем, несущим зло всему живому, скрывающим свою свирепость под личиной очарования, когда она явится моему взору?"

Глава 14 Ашоковая роща

Подумав ещё немного и мысленно ища встречи с Ситой, Хануман с вала перепрыгнул через высокую стену, окружавшую сад ашока и, трепеща от восторга, замер, увидев цветущие деревья и цветы, словно ранней весной. Он увидел покрытые цветами деревья шала, ашока, бхавья, чампака, уддалака, нагаврикша, манго и капимукха, заросли амры, увитой лианами.

Словно стрела, выпущенная из лука, Хануман одним прыжком оказался в чарующем саду, сияющем, как восходящее солнце и оглашенном пением птиц, в котором росли золотые и серебряные молодые деревца, жили стаи птиц, бродили стада оленей. Полный благоухающих деревьев, сад Ашока изумил доблестного сына ветра. Кругом цвели деревья всех видов, ветви их клонились под тяжестью фруктов, испуганно кричали кукушки, жужжали шмели и радостно резвились все божьи твари, кричали павлины, журавли и гуси, вызывая в сердце восторг. Хануман, разыскивая прекрасную царевну безупречного облика, разбудил птиц, сладко спавших на ветвях деревьев. Ветер, поднятый крыльями тех птиц, осыпал Ханумана, сына ветра, пестрым цветочным дождем, отчего он стал напоминать холм, покрытый цветами. Все обитатели сада, видя Ханумана, стрелой разбегались во все стороны, принимая его за самого бога весны. Земля под ковром цветов выглядела невестой в драгоценных камнях. Деревья, дрожа под ногами стремительной обезьяны, проливали разноцветные дожди лепестков и цветов. С лишившимися листьями верхушками, потерявшие и цветы и фрукты, они выглядели как игроки, поставившие на заклад свою одежду и всю собственность и проигравшие все. Хануман прыгал по тем прекрасным деревьям, и они щедро устилали землю своими цветами, листьями и фруктами. Птицы покинули их, не находя более прибежища среди голых ветвей, сотрясаемых Марутой.

Ашоковая роща, истоптанная сильными ногами и хвостом Ханумана, напоминала юную женщину с растрепанными волосами, потускневшими губами и зубами, стершейся тилакой,

избитыми руками и ногами. В спешке сын ветра вырывал гроздь лиан, как ветер разгоняет облака во время дождей. Направляясь то в одну сторону, то в другую, Хануман увидел золотые и серебряные пруды, полные прозрачной воды со ступеньками, выложенными драгоценными камнями, жемчугом и кораллами, хрустальным дном и ослепительно сверкавшими деревьями из золота канчана по берегам. Пруды украшали заросли лотосов и лилий, шумели лебеди, журавли и красные гуси, звучали голоса птиц чакрвака; красивые широкие ручьи с деревьями по берегам манили их своими чистыми водами, напоминали амриту и бежали под различными кустами, украшенными тысячами лиан; земля была устлана ковром рододендронов и олеандров.

Взору славного героя предстал высокий холм, сияющий, как облако на величественной вершине, поросший разнообразными деревьями и полный удивительных гротов – это было чудо света! Он увидел реку, падающую с его вершин, словно молодая дева, вырывавшаяся из рук возлюбленного, чтобы сокрыться от него; ветви деревьев, уносимые стремительным потоком, казались подругами той девы, которые изо всех сил пытаются остановить ее. Далее Хануман увидел, как этот поток, поворачивая, находит свой путь, словно девушка, которая успокоилась и помирилась со своим возлюбленным. Внимание Ханумана, рожденного Марутой, привлек пруд в некотором отдалении от реки, полный лотосов и разнообразных птиц; он увидел фонтаны свежей воды с чарующими ступеньками из драгоценных камней и жемчужным дном, со всех сторон украшенные стадами оленей; восхитительные рощи и дворцы, возведенные самим Вишвакармой и украшенные искусственными деревьями, полными цветов и плодов. Их ветви, словно зонты, давали тень, а земля под ними была устлана золотом и серебром. Великий Хануман увидел одинокое золотое дерево шингшапа, окруженное золотым помостом, множество цветочных лож и деревьев, сияющих, как огонь и своим блеском соперничающих с горой Меру, и подумал, что они сделаны из золота. Он с изумлением взирал на прекрасные золотые деревья с цветущими кронами, почками и молодыми побегами, которыми нежно играл ветер, заставляя звенеть, словно множество украшений на груди девушки.

Быстро забравшись на густое дерево шингшапа, Хануман подумал: "Отсюда я быть может увижу Ваидехи, это несчастное создание, тоскующее по Раме. Полная горя, она бесцельно бродит то в одну сторону, то в другую. Несомненно, эта ашоковая роща, украшенная деревьями чандана, чампака и вакула, принадлежит злобному Раване. Сита непременно посетит этот прекрасный пруд, любимый птицами. Супруга Рагхавы, привыкшая гулять по лесу, в тоске по Раме обязательно придет сюда. Эта дева с глазами лани, истерзанная горем разлуки, посетит эту рощу. Целомудренная и добродетельная дочь Джанаки, любящая всё живое в лесу и страстно желающая выразить мужу свою преданность, с этой целью придет на берег прозрачной реки. Поистине, эта прекрасная роща была бы достойной обителью целомудренной супруги Рамы, царя людей. Если богиня с прекрасным, как луна, ликом ещё жива, она непременно посетит реку, дарующую прохладу." Так размышлял Хануман, ожидая появления супруги повелителя людей. Он укрылся в густой листве дерева шингшипа, откуда ему открывался прекрасный вид на окрестности.

Глава 15 Хануман видит Ситу

С верхушки этого дерева Хануман мог видеть всю рощу, полную деревьев, увитых лианами и благоухающих небесными ароматами. Сияющую и живописную, как райские сады Нандана, ее населяли разнообразные животные и птицы, украшали дворцы и храмы, повсюду слышалось пение кукушки. С прудами, полными золотых лотосов и серебряных лилий, близ которых стояли кушетки с подушками, с дворцами и дворами, восхитительными деревьями, весь год обремененными плодами и цветами, и цветущими деревьями ашока, роща эта сияла как восходящее солнце. Не покидая своего дерева, Марути без усталости любовался чудесными лесами, в густой листве которых скрывались тысячи птиц.

Красота ашоковых деревьев, согнувшихся под тяжестью цветов, так что их цветы, казалось, достают корней, разгоняла печаль. Всё вокруг пылало от сияющих деревьев карника и кимшука, покрытых цветами; с гигантскими корнями пуннага, шаптапарна, чампака и уддалака благоухали цветами; там были тысячи деревьев ашока – золотых, горящих, как огонь, или темных, как сурьма, отчего роща напоминала райский сад Нандана или чарующие владения Куверы и даже превосходила их великолепием. Украшенное тысячами сверкающих цветов, это небесное и невообразимо прекрасное место было вторым раем и поражало воображение, как пятый океан (сноска: помимо четырех океанов на земле, согласно древним представлениям); разбросанные повсюду цветы в действительности были жемчугом и драгоценными камнями. Деревья, растущие там, цвели круглый год и благоухали медом, сад был полон птичьего крика, повсюду бродили лани и другие животные. Всё кругом благоухало изысканными ароматами. Это восхитительное место, равное царю гор, было второй Гандхамаданой. Недалеко от того дерева, на котором сидел Хануман, он увидел сияющий, белый, как гора Кайласа, безупречный храм. Его украшали тысяча колон, ступени были коралловыми, а пол – из чистого золота. Он ослеплял своей красотой и был таким высоким, что казалось, целовал небеса.

Неожиданно он заметил женщину в грязных одеждах, которую окружали демоницы. Она выглядела изнуренной долгим постом, печальной, и тяжело вздыхала, и в то же время казалась безупречной, как нарождающаяся луна, и сияющей, хотя сияние это сейчас было тусклым, как пламя, сокрытое дымом. Облаченная в грязный желтый шелк, безо всяких украшений она напоминала лотос в пруду, с которого сорвали все цветы. Подавленная, измученная горем, она походила на Рохини, преследуемую Кету. Лицо было умыто слезами, печальное, истерзанное нуждой и волнением, вдали от друзей и родных, она не видела вокруг себя никого кроме демонов и казалась затравленной ланью. Ее длинные волосы черной змеей сбегали по спине, она казалась землей, покрытой темно-голубыми лесами и залитой дождями. Большеглазая дева, достойная счастья и никогда прежде не ведавшая горя, пребывала в глубокой печали. Глядя на нее, Хануман по многим причинам решил, что перед ним Сита, и подумал: "Похоже, что это Сита, похищенная демоном изменчивого лика!" Лицо ее сияло, как полная луна, у нее были изогнутые дугой брови и красивая округлая грудь; сияние, исходящее от нее, разгоняло тьму миров; у нее была шея голубоватого оттенка, губы напоминали спелые плоды бимба. Дева с тонким станом и царственной осанкой, с большими, как лепестки лотоса глазами, она была подобна Рати, супруге бога любви, любимая всем миром, как свет полной луны.

Теперь эта хрупкая юная дева сидела на голой земле, предаваясь аскезе, словно женщина-аскет, и тяжело вздыхала, словно супруга царя змей. Окутанная плотной вуалью печали, красота ее исчезла, как пламя в дыму или сомнительно растолкованный ведический текст, растраченное богатство или ослабевшая вера, загасшая надежда или в силу обстоятельств не достигнутое совершенство, затуманенный разум или оклеветанная слава. Измученная разлукой с Рамой и постоянным присутствием демонов, эта дева, словно молодая лань, в отчаянье бросала беспомощные взгляды, словно кого-то искала глазами. Слезы ручьями текли из ее глаз с изогнутыми бровями и темными ресницами, черты ее исказились, то и дело из груди вырывался глубокий вздох. Достойная всех радостей, но несчастная, лишившаяся всего, покрытая пятнами грязи, она напоминала царицу звезд, сокрытую большим облаком.

Увидев Ситу в столь жалком положении, Хануман растерялся, подобно человеку, который без поддержки забыл все, что знал. Он с трудом узнал ее, лишившуюся всяких украшений, словно неверно истолкованный текст. Глядя на большеглазую, безупречную деву, Хануман не сомневался, что это была Сита. Хануман заметил на ней потемневшие и поблекшие украшения, о которых говорил ему Рама накануне его отбытия из Кишкиндхи – свадангстрасы и драгоценные браслеты – и подумал: "Украшений, которые Сита выбросила по дороге, конечно, нет, но остальные несомненно на ней. Обезьяны нашли на дереве богатый шелковый шарф, сияющий, как золото канака, и брошенные ею драгоценности, со звоном рассыпавшиеся по земле. Одежды на ней совсем износились, но цвет их сохранился и напоминает

ее собственное сияние. Это о ней страдал Рама, терзаемый переживаниями, сожалением, горем и любовью: он переживал за то, что его возлюбленную супругу похитили; сожалел, что не может защитить душу, во всем зависевшую от него; горевал о ее потере и томился любовью в разлуке с ней. Поистине, своим изяществом и красотой эта темнокожая дева напоминает его, должно быть, это и есть его супруга. Она целиком сосредоточена на нем, также как и он – на ней, и только потому они ещё живы. Несомненно, Рама совершил величайший подвиг, в разлуке с нею не расставшись с жизнью от горя." Увидев Ситу, Хануман позволил своей мысли унести к божественным стопам Рамы, которому он молча выразил почтение, так же как и его достойной супруге.

Глава 17 Размышления Ханумана

Отдав заслуженную дань почтения Сите и мягкосердечному Рама, Хануман, тур среди обезьян, снова погрузился в глубокие размышления. Глаза его при этом наполнились слезами скорби о судьбе Ситы, и дальновидный герой выразил свою печаль такими словами: "Никто не может противостоять судьбе, если даже Ситу, супругу знаменитого Рамы, всегда послушного воле духовных наставников, настигла такая участь! Зная о доблести Рамы и дальновидного Лакшманы, эта божественная дева обеспокоена не более Ганги накануне дождей. Правом, возрастом, поведением и происхождением они не уступают друг другу. Рагхава достоин темноглазой Ваидехи, которая принадлежит ему." Глядя на Ситу, сияющую, как только что отчеканенное золото и напоминавшую Лакшми, любимую всем миром, Хануман мысленно приблизился к Рама и сказал:

– Из-за этой большеглазой девы были убиты Бали и Кабандха, равный ему по силе; ради нее могущественный демон Вирадха, славившийся своим мужеством, не выдержал ударов доблестного Рамы, подобно Шамбаре, не устоявшем под ударами Махендры. Ради нее Рама своими неумолимыми, как языки пламени стрелами сразил в Джанастанхне четырнадцать тысяч демонов невиданных подвигов. От руки праведного Рагхавы пал Кхара на поле битвы, погиб Триширас, также как и могущественный Душана. И только ради нее великое и неприступное царство обезьян, принадлежавшее Бали, перешло в руки Сугривы, известного на все три мира; ради этой большеглазой девы я преодолел океан, сверкающего повелителя вод. Мне кажется, даже если Рама ради нее перевернет вверх дном всю землю, она достойна этого! Пусть владения трех миров будут на одной чаше весов, а Сита, рожденная Джанакой, – на другой, все они не стоят и волоска с головы Ситы, так добродетельна дочь великодушного царя Митхилы, целиком преданная своему господину.

Она явилась в поле из вспаханной плугом борозды и была покрыта грязью, которая сверкала как пыльца лотосов. Это старшая сноха царя Дашаратхи, мужественного и благородного, не ведавшего поражения на поле битвы. Возлюбленная супруга праведного и верного долгу Рамы, постигшего своё истинное "я", теперь находится во власти демонов. Отрекшись от всех удовольствий, она живет лишь любовью к своему господину и не придает значения неизбежным лишениям. Вместе с ним она удалилась в прекрасный лес, чтобы жить лишь фруктами и корнями и, продолжая служить своему супругу, считала себя на вершине блаженства, словно жила во дворце. Эта дева, чьи члены сияют, как золото канака, всегда улыбающаяся во время беседы, теперь страдает под бременем невообразимого горя, и Рагхава, словно измученный жаждой человек, стосковавшийся по ручью, вздыхает, мечтая увидеть эту благородную женщину, терзаемую Раваной.

Встретившись с ней, Рагхава вновь обретет радость, как царь, однажды лишившийся трона, но потом обретший его. Не ведающая удовольствий и удобств, вдали от близких, она живет надеждой увидеть Раму и вновь оказаться рядом с ним. Забыв о демонах и деревьях, покрытых фруктами и цветами, она целиком поглощена мыслями о Рама. Лучшим украшением женщины остается ее повелитель, и Сита, несмотря на свою несравненную красоту, не сияет, как прежде, в разлуке с Рамой. Только благодаря своему героизму Рама выжил в раз-

луке со своей супругой и устоял перед обрушившимся на него горем. Эта темноглазая дева, прекрасная как свет луны, достойна счастья, но сейчас она в беде, и сердце мое трепещет, видя это. Терпеливая, как земля, эта дева с лотосным глазами, всегда пребывавшая под защитой Рамы и Лакшманы, лежит у подножья дерева под стражей свирепых демониц. Словно лилия, схваченная морозом, дочь Джанаки утратила свою красоту и ослабела под потоком бед; словно лань, отбившаяся от стада, она пребывает в печали. Деревья ашока, ветви которых сгибаются под тяжестью цветов, похоже, только умножают ее тоску, словно проливающая чистый свет луна, взошедшая на весеннем небе." Размышляя таким образом, доблестный Хануман, сидя на дереве шингшапа, нисколько не сомневался в том, что нашел Ситу.

Глава 17 Демоницы, охранявшие Ситу

На безупречном небосводе появилась и поплыла, словно лебедь по голубой глади озера чистая, как лилия, луна. Словно желая поддержать Ханумана своим светом, чистая и ясная луна озарила сына Паваны своими прохладными лучами. Доблестный герой продолжал наблюдать за Ситой с прекрасным, как луна, лицом, раздавленной горем, подобной грузенному кораблю, тонущему в волнах.

На некотором расстоянии от нее Марути увидел свирепого вида демониц. Одни из них были с одним ухом или глазом, а у других лиц было не разглядеть из-за огромных ушей; одни были без ушей, другие – с носами на лбу; у одних было несоразмерно огромные головы и длинные шеи, а у других – растрепанные волосы; некоторые чем-то шерстяным покрыли головы, их уши и брови, казалось, очень низко располагались на лице, животы и груди нелепо торчали; одни были вывернутыми коленями или чахлые, горбатые или скрюченные, карлики, нечесанные, скошенными набок ртами пылающими глазами и устрашающими лицами. Отвратительные, раздраженные, вздорные, они были вооружены копьями, дротиками, молотами и деревянными колотушками; у одних были морды медведей или ланей, тигров, верблюдов, буйволов, коз и шакалов, а у других – ноги слонов, верблюдов, коней; ещё у кого-то голова была посажена на грудь. У одних была одна нога или рука, а у других уши ослов, коней, коров и слонов или обезьян. У одних были огромные или кривые носы, а у других их вовсе не было, у одних были носы, напоминающие хоботы слонов, а у других носы располагались на лбу, и они шумно дышали, как животные. У них были ноги слонов или коров, некоторые были покрыты шерстью; у кого-то были огромные головы, невероятных размеров лица и длинные языки; там были демоницы с головами коз, слонов, коров, свиней, коней, верблюдов и ослов. Отвратительные на вид, они держали в руках копьё и булавы; они были сварливыми и злорадными в своих распрях. С черными как сажа или серыми как пепел волосами они выглядели отталкивающе и постоянно ели мясо, запивая вином. С головы до пят они были обрызганы кровью пожираемой плоти. У доблестного Ханумана шесть встала дыбом, пока он разглядывал демониц, окружавших Ситу.

Он продолжал сидеть в густых ветвях своего дерева, под которым стояла божественная и безупречная Джанаки. Великодушный Хануман с состраданием смотрел на дочь Джанаки, утратившую своё сияние, убитую горем, со сбитыми, испачканными волосами. Как звезда, упавшая с небес на землю и погасшая, Сита, на весь мир славящаяся верностью мужу, хранила остатки надежды вновь встретиться со своим повелителем. Сняв с себя драгоценности и украшенная непоколебимой преданностью мужу Сита в плену у Раваны казалась слонихой, отбившейся от стада, на которую напал лев, или лунным светом, пробившимся сквозь облако на исходе дождей. Красота ее потускнела, она напоминала затихший и отложенный в сторону струнный инструмент. Вдали от своего повелителя знаменитая дева упала под натиском демонов, ничем не заслужив такой судьбы. Утопая в океане горя, окруженная демоницами в ашоковом саду, она казалась Хануману звездой Рохини, проглоченной зловещим Раху, или лианой, лишившейся цветов. Погасшая, покрытая грязью, утратившая было изящество, она напоминала лотос, обрызганный глиной. Хануман смотрел на юную деву с глазами лани, в

грязных и изношенных одеждах и думал, что несмотря на утраченную красоту эта благородная душа не утратила своего духовного величия, питаемая размышлениями о славе и Рамы и хранимая добродетелью. С широко открытыми от страха глазами Сита бросала беспомощные взгляды, словно молодая лань. Своими тяжелыми вздохами она иссушала деревья и листву, словно это были огромные как гора волны, поднимающиеся из океана страданий. Увидев несравненно прекрасную супругу Рамы, хрупкую и изящную, без украшений, Марути почувствовал величайшую радость; Хануман заплакал от счастья и молча вознес молитвы Раме.

Поклонившись Раме и Лакшмане, доблестный Хануман, преисполненный радости от встречи с Ситой, остался в своем надежном укрытии.

Глава 18

Равана посещает ашоковую рощу

Хануман оглядывал цветущий лес, стараясь поближе рассмотреть Ситу. Ночь была на исходе, когда он услышал, как из домов постигших святые писания демонов раздаются чтение Вед и шести дополнительных источников знаний. Зазвучала благоприятная музыка, радующая слух, и пробудился ото сна могучий десятиглавый повелитель демонов. Великий и могущественный царь в смятых гирляндах и одеждах открыл глаза и подумал о Ваидехи. Страстно любивший ее демон, полный гордыни, не в силах был сдержать своих чувств. Облечившись в украшения и пышные одежды, он вступил в ашоковую рощу, заросшую деревьями, согнувшимися от тяжести цветов и плодов, где было множество прудов, украшенных лотосами и лилиями, полную щебета птиц редкой красоты, опьяненных любовью и удивительных изваяний хищных зверей. Дашагрива внимательно посмотрел на аллею с золотыми арками и драгоценными камнями, по которой бродили лани всех видов, устланную ковром цветов и фруктов, упавших с деревьев.

Сотня дев, дочерей богов и гандхарвов следовала по стопам сына Поуласты, словно нимфы за Махендрой. Одни из них несли в руках золотые светильники, другие – чамары и опахала. Одни на головах несли золотые кувшины, другие шли с золотыми сидениями и круглыми подушками. По правую руку своего повелителя они несли чашу, инкрустированную драгоценными камнями и полную вина, а по левую – прекрасный, как белый лебедь, поллог с золотым остовом и рукоятками, напоминающий луну. Многочисленные жены Раваны с припухшими от сна и выпитого вечером вина глазами следовали за своим царственным повелителем, как вспышка молнии за облаком. Браслеты их и жемчужные ожерелья покачивались с каждым их шагом, сандаловая паста стерлась, а волосы распустились. Капельки пота выступили над бровями тех женщин с чарующим ликом, спотыкающихся на ходу. От пота цветы, украшавшие их, увяли, а в волосах запутались обрывки их гирлянд. Нежные девы, преисполненные гордости и любви к своему господину, следовали за царем демонов.

Могущественный повелитель, раб своих желаний, всем сердцем стремясь к Сите, медленно и величаво шел по аллее. Хануман услышал звон колокольчиков у женщин на поясах и лодыжках, и радостный Марута увидел невероятно сильного и доблестного Равану, входящего в ворота; со всех сторон его освящали тысячи светильников на ароматных маслах, которые несли его спутницы. Опьяненный гордыней, страстью и вином, с медно-красными глазами, он казался самим Кандарпой, лишившимся своего лука. Он поправил свою великолепную мантию на застежке, украшенную цветами и безупречно белую, словно пена взбитой амриты. Хануман, сокрытый густыми ветвями, пристально наблюдал за приближающимся могучим царем демонов, окруженным прекрасными юными девами. Размашистым царственным шагом вошел он в рощу, оглашенную ланей и птиц. Слегка охмелевший от вина, украшенный бесчисленными драгоценностями, с заостренными кверху, словно дротики, ушами, полный сил повелитель демонов, сын Вайшравасы, появился в окружении прекрасный женщин, как луна среди звезд, и, увидев его, знаменитый Хануман подумал: "Это длиннорукий Равана, которого я видел спящим в своих великолепных покоях в центре города." Доблестный Хануман, рожденный Марутой, несмотря на своё безграничное мужество и ослепитель-

ную красоту, затрепетал перед славным Раваной и получше укрылся в листве. Но Равана, жажда поскорее увидеть темноокою Ситу безупречного лика, с высокой грудью и черными косами, прошел мимо.

Глава 19 Горе Ситы

Целомудренная царевна увидела Равану, повелителя демонов, наделенного молодостью и красотой, облаченного в пышные одежды и украшения, и затрепетала, как пальма на ветру. Закрывая руками грудь и живот, она вся сжалась, пытаясь как-то защитить себя. Дашагрива взглянул на Ваидехи, охраняемую демоницами; несчастная, разбитая горем, она напоминала тонущий в море корабль. Верная и добродетельная Сита, сидевшая на голой земле, походила на срубленную ветвь. В изношенных одеждах, без украшений, но достойная царской роскоши, она казалась стеблем лотоса, испачканным грязью, ее сияющая красота поблекла. Мысленно она искала прибежища у Рамы, льва среди людей, колесницу ее ума несли кони решимости. Очаровательная царевна, преданная Раме, истощенная, со слезами на глазах, разлучившаяся со своими родными, была жертвой волнения и горя, казалось, нет конца ее бедам. Раскачиваясь из стороны в сторону, она напоминала супругу царя змей, зачарованную словами заклинания, планету Рохини, которую преследует Дхумакету, или святую и добродетельную женщину из благородной семьи, после замужества обнаружившую себя в семье низкорожденных. Она казалась олицетворением поруганной чести, попранной веры, затмившегося ума или разрушенной надежды, разбитого будущего, неверно истолкованного приказа, обитель, уничтоженную во время разрушения мира или подношение, отвергнутое богами, ночное небо, затянутое облаками, сокрывшими полную луну, разоренную заводь с лотосами, армию без воинов, луну в час затмения, высохшую реку, оскверненный алтарь или погасшее пламя, пруд с лотосами, лишившийся цветов, когда живущие на нем птицы напуганы трубными призывами слонов. В разлуке со своим господином, разбитая горем, она казалась высохшей рекой; не совершавшая омовений, она напоминала убывающую луну. Прекрасная дева, привыкшая жить в дворце, полном драгоценных камней, а ныне измученная лишениями и горем, она казалась сорванным стеблем лотоса и увядшим на солнце. Это была плененная слониха, цепью прикованная к столбу, тоскующая о своем супруге и вздыхающая снова и снова. Ее длинные темные косы, за которыми она давно уже не ухаживала, лежали у нее на спине, что делало ее подобной земле, покрытой темными лесами в конце дождей. Терзаемая голодом, печалью, волнением и страхом, истощенная, одинокая, ослабевшая от поста и совершаемых аскез, разбитая горем, подобно богине, она сложила ладони, молча молясь Раме об уничтожении Раваны.

Увидев безупречную Маитхили с прекрасными темными глазами и густыми ресницами, Равана, приближая свою гибель, попытался ее обольстить.

Глава 20 Равана предлагает Сите стать его женой

Равана приблизился к беспомощной Сите, окруженной демоницами и посвятившей свою жизнь аскезе, и, сопровождая свои сладкие слова вежливыми жестами, сказал:

– О дева с бедрами, напоминающими хобот слона, при виде меня ты закрываешь свою грудь и тело, словно боишься меня, о большеглазая красавица, но я люблю тебя! Сжался надо мной, о дева с чарующими очами, почитаемая всем миром! Здесь нет ни людей, ни демонов изменчивого лика, поэтому отбрось страх, при виде меня охвативший твое сердце, о Сита.

Демоны пользуются неоспоримым и особым правом сочетаться любовными узами с чужими женами, похищая их им в угоду или силой. Несмотря на это, о Маитхили, я не прикасаюсь к тебе, потому что ты не любишь меня. Однако я полностью пребываю в твоей власти.

Доверься же мне и ответь на мою любовь. О богиня, не бойся меня, возымай мужество, о дорогая, и не поддавайся испепеляющему гору.

Не пристало тебе носить одну косу, лежать на голой земле в грязных одеждах и поститься без нужды. Вместе со мной, о Маитхили, насладись гирляндами, благовониями, сандалом, украшениями, вином, богатым ложем и кушетками, пением, танцами и музыкой. Ты – жемчужина среди женщин, не достойно тебя оставаться в нынешнем положении, укрась себя, как прежде. В союзе со мной, о прекрасная дева, что не будет твоим? Твоя чарующая юность проходит, как вода в реке, однажды покинув тебя, она уже не вернется. О дева с прекрасными очами, Вишвакрита, создатель твоей красоты, сотворив тебя, остановился, потому что я не вижу никого, равного тебе в красоте и изяществе! Кто, раз увидев твою ослепительную красоту, устоит перед тобой, о Ваидехи? Даже Брахма дрогнет, что говорить тогда о других? О дева с прекрасным, как луна лицом, на какую часть тела я ни обратил взор, глаза мои обретают покой, я не в силах отвести взор.

О Маитхили, стань моей женой и оставь своё безрассудство. Стань первой из цариц, повелевая бесчисленными прекрасными женщинами, принадлежащими мне. О робкая, все сокровища, завоеванные мною по всему миру, я кладу к твоим стопам, так же как своё царство. О игривая дева, ради тебя, покорив землю с ее многочисленными городами, я дарую их царю Джанаки. Никто на земле не устоит перед моей доблестью; узри мою непомерную доблесть в сражении! Разве небожители и демоны не признали меня непобедимым на поле боя, когда я разбил их ряды и на куски разломал стяги? Исполни же мое желание и надень сияющие одежды, укрась себя сверкающими бриллиантами. О робкая, по желанию насладись роскошью, предавшись развлечениям и раздавая земли и сокровища. Живи счастливо, полагаясь на мою поддержку и исполняя мою верховную волю. Благодаря моему расположению, все твои родные разделят с тобой твою радость. Узри мое богатство и славу, о нежная дева, чего ждать тебе от Рама, облаченного в древесную кору?

О удачливая, Рама лишился своего царства и могущества и предается аскезам, ложем ему стала голая земля, я сомневаюсь, жив ли он еще. О Ваидехи, Рама никогда не найдет тебя, ты подобна звезде, сокрытой темными облаками, плывущими вслед за стаей журавлей. Рагхава никогда не вырвет тебя из моих рук, как Хираньякашипу не в силах был отыскать свою супругу Кирти, похищенную Индрой.

О дева со сладостной улыбкой, красивыми зубами и чарующими очами, ты завладела моим сердцем, как Супарна, уносящий змею. Хотя одежды твои превратились в грязные отрепья, ты сняла с себя украшения, когда я смотрю на тебя, ум отворачивается от всех моих жен. О дочь Джанаки, ты превосходишь всех женщин в моем гареме, обладающих всеми достоинствами. О черноволосая царевна, самые красивые в мире женщины станут твоими рабынями и будут служить тебе, как апсары – Шри. О стройная царевна, вместе со мной вкуси радостей жизни, насладись миром и богатствами Куверы, исполняя любую свою прихоть. О богиня, ни аскетизмом, ни силой, ни доблестью, ни богатством, ни славой Рама неровня мне. Поэтому пей, ешь, наслаждайся, не отказывая себе в удовольствиях. Я одарю тебя несметными богатствами, более того, всем миром. Вместе со мной исполни свои желания, о робкая дева, пусть твои родственники разделят с тобой эту радость. Надень ослепительно сверкающие браслеты, о прекрасная, и давай погуляем среди цветущих рощ на берегу моря, где жужжат черные шмели.

Глава 21

Сита с презрением отвергает Равану

Охваченная горем, несчастная Сита трепетала и волновалась. Храня верность своему повелителю и добродетель, с сердцем сосредоточенным на Раме, она положила солому меж собой и Раваной и со сладкой улыбкой на устах слабым голосом отвечала ужасному демону:

– Забери обратно своё сердце и отдай его своим супругам. Как грешник не может возвыситься до небес, так и ты никогда не одержишь надо мной победы. Я никогда не сделаю то,

чего не должна делать, что порочно для женщины, верной своему повелителю. Благородного происхождения, я вошла в благочестивую семью.

С этими словами добродетельная Сита повернулась к Раване спиной и продолжала:

– Я не могу стать твоей женой, потому что принадлежу другому. Исполни свой долг и живи по законам честных людей. Чужие жены, так же как и собственные достойны защиты, о ночной разбойник. Подай хороший пример и наслаждайся супружеским счастьем со своими женами Легкомысленный, ветреный негодяй никогда не довольствуется своими женами и становится источником страданий для женщин. Здесь нет благочестивых людей, или ты никогда не следовал их примеру, раз у тебя столь порочный ум, уводящий тебя с пути добродетели, или мудрецы дали тебе совет, но ты, демонам на погибель, не внял их словам.

Процветание, царство и город – всё гибнет в руках порочного монарха, который не владеет своими чувствами. Имея тебя царем, тонущая в роскоши Ланка разрушится. О Равана, злобное создание, доведшее себя до падения, гибнет всем на радость. Когда тебе придет конец, из-за содеянных тобой злодеяний все угнетенные тобой скажут: "Какое счастье, что пал столь великий тиран!"

Тебе не удастся соблазнить меня богатством и роскошью; как дневной свет невозможно отделить от солнца, так и я останусь верна Рагхаве. Однажды найдя покой на руке этого повелителя людей, могу ли отдаться другому? Как духовные истины открыты брахманам, верным своим обетам, так и я принадлежу одному повелителю мира, я его законная жена. Ради собственного блага верни меня Раме, пусть в таком жалком виде, какой ты видишь меня, подобную слонихе, с волнением ожидающей в лесу своего супруга.

Я советую тебе искать дружбы с Рамой, львом среди людей, если ты хочешь уберечь Ланку и не ищешь собственной гибели. Он мудр, верен долгу и готов помочь тем, кто ищет его покровительства; заключи с ним союз, если тебе дорога жизнь. Ищи доверия Рамы, целиком преданного тем, кто просит у него прибежища, и смиренно проводи меня к нему. Если ты вернешь меня величайшему в роду Рагху, твое благополучие не поколеблется, в противном случае ты обречен. Ты ускользнул от молнии Индры или даже от самой смерти, но тебе не спастись от гнева Рагхавы, повелителя людей, когда ты услышишь ужасный звук натянутого лука Рамы, напоминающий удар молнии Индры. Скоро стрелы Рамы и Лакшманы, украшенные оперением цапли, словно змеи с пылающими пастями, достигнут Ланки, и весь город будет покрыт трупами тысяч демонов. Подобно Вайнатее, уносящему великих змеев, стремительный, словно коршун, Рама, расправится с демонами. Подобно Вишну, который вырвал сияющую Шри из рук асуров, тремя шагами завоевав все миры, мой господин, повергающий во прах своих врагов, избавит меня от твоего плена. Столь малодушным поступком ты отомстил за гибель сонмов демонов в Джанастхане.

В отсутствие двух братьев, увлекшихся охотой, ты похитил меня, о подлый негодяй; но собака, подобная тебе, не осмелится встать на пути у таких тигров, как Рама и Лакшмана! Дружья и богатства не принесут тебе блага, если ты будешь враждовать с ними, ты погибнешь подобно однорукому Вритре, вступившему в сражение с двуруким Индрой. Скоро мой покровитель Рама, сопровождаемый Саумитри, лишат тебя дыхания жизни, как солнце своими лучами иссушает мелководье. Где бы ты ни искал прибежища – будь то обитель Куверы или царство Варуны – ты падешь от руки сына Дашаратхи, подобно могучему дереву, сваленному ударом молнии!

Глава 22 Угрозы Раваны

На непреклонные речи Ситы царь демонов резко ответил:

– Говорят, чем нежнее относишься к женщине, тем отзывчивей она становится, но чем добрее я с тобой, тем упорней ты отвергаешь меня. Поистине, только из любви к тебе я сдерживаю гнев, подобно искусному вознице, управляющему конями, норовящими свернуть с дороги. Велика сила любви, если человек испытывает жалость и нежность к той, что вызы-

вает его гнев. Только поэтому, о дева с прекрасным ликом, без нужды посвятившая себя аскезам, я не убиваю тебя, хотя ты заслуживаешь смерти и позора. За каждое резкое слово, брошенное мне, ты достойна смерти, о Маитхили.

Негодую на Ситу, Равана, повелитель демонов, добавил:

– Я даю тебе два месяца на раздумья, по истечении этого срока ты должна разделить со мной ложе. Если ты вновь откажешься, мои повара приготовят тебя мне на завтрак.

Слова повелителя демонов вызвали тревогу среди дочерей богов и гандхарвов; губами, глазами и жестами они пытались ободрить Ситу, которой он угрожал. Глядя на них, Сита утвердилась в своей добродетели и гордости за Раму и сказала Раване на благо:

– Похоже, в этом городе нет никого, кто желал бы тебе добра и попытался удержать от этого презренного поступка. Кто в трех мирах осмелится обладать целомудренной супругой великодушного героя, подобной Шачи, жене Индры? О подлый демон, как избежать тебе расплаты за это оскорбление, нанесенное супруге безгранично могущественного Рамы? Как разъяренный слон встречает в лесу зайца, так и ты, нечестивый заяц, встретишься с Рамой, слоном. Ты не боишься стоять на пути главы рода Икшваку, пока ты не увидел его.

Как глаза твои жестокие, ужасные, красно-медные, не вылезут из орбит, когда ты с такой страстью смотришь на меня, о низкое создание? О презренный негодяй, почему язык твой не отсох, когда ты угрожал супруге великодушного Рамы, снохе царя Дашаратхи? О десятиглавый, силой своих аскез я в одно мгновение могла бы обратить тебя в пепел, имея на то волю Рамы.

Благодаря моей добродетели и совершаемым аскезам, я бы никогда не рассталась с Рамой, если бы это злодеянием не сулило тебе гибель, о Дашагрива! С помощью брата Куверы, гордый своим героизмом, ты заманил Раму в лес подальше от его хижины и хитростью похитил меня.

Равана, царь демонов, слушал Ситу, свирепо сверкая глазами. В этот час он напоминал груды черных облаков. С громадными руками и шеей, пылающим взором и подобным пламени языком, походкой льва, он казался огромного роста. От гнева перо на его короне дрожало. В пышных гирляндах из красных цветов и в красных одеждах, благоухающий дорогой сандаловой пастой, он сверкал браслетами и роскошным темно-синим поясом из драгоценных сапфиров и напоминал гору Мандару в объятьях змея Васуки во время пахтанья молочного океана. Повелитель демонов с огромными руками, походил на гору с двумя вершинами. В ушах его, словно восходящее солнце, сверкали серьги, он напоминал холм меж двумя деревьями ашока в малиновых цветах и бутонах, дерево желаний, или воплощение весны и выглядел устрашающе, как погребальное изваяние или огромный столб с пеплом умерших в месте погребения. Глаза Раваны были налиты кровью, он бросал на царевну Видехи яростные взгляды и, шипя, как змея, сказал:

– О дева, привязанная к жалкому человеку без средств и совести, я уничтожу тебя сегодня, и ты погаснешь, как солнечный свет, исчезающий с наступлением сумерек.

Отвернувшись от Маитхили, Равана, тиранящий своих врагов, посмотрел на демониц, отвратительного облика с одним глазом или ухом, огромными ушами коров или слонов. У одних уши свисали, а у других – стояли торчком. Среди них были с ногами слонов, коней, коров. Одни были покрыты шерстью, другие – одноглазые или одноногие, а третьи имели чудовищные ноги или вовсе были без них. У них были необычайных размеров головы и шеи, ужасные груди и животы, огромные рты и глаза, длинные языки и ногти, львиные пасти, бычьи рты или свиные рыла, некоторые были безносы. Равана пронзил демониц взглядом и повелел:

– Добром или злом, угрозами или уговорами, лестью или подарками, но попытайтесь склонить Ситу относиться ко мне с благосклонностью.

Неоднократно повторив свой приказ, повелитель демонов, одержимый страстью и гневом, стал поносить Джанаки, и тогда демоница Дханьямалини приблизилась к Дашагриве и, обняв его, сказала:

– О великий царь, насладись мной, что тебе за нужда в этой жалкой земной женщине с бледным лицом? О царь демонов, не с нею боги предназначили вкусить тебе высшего счастья в награду за силу твоих рук. Тот, кто проливает свою любовь, не получая ответа, обрекает себя на муки, тогда как взаимная любовь возносит на вершину счастья.

И демоница хотела увлечь Равану за собой, но он, подобный темному облаку, отвернулся от нее и презрительно захохотал. Размашистой походкой он зашагал прочь, так что земля задрожала, и повернул к своему дворцу, сиявшему, как солнечный свет. За Дашагривой в его роскошную обитель, словно шлейф, поспешили дочери богов, гандхарвов и нагов. Так Равана, одержимый страстью, покинул безупречно добродетельную и трепещущую царевну Митхилы и скрылся в великолепном дворце.

Глава 23 Демоницы уговаривают Ситу уступить Раване

Повелитель демонов удалился в свои покои, а отвратительные демоницы, послушные его воле, набросились на Ситу и, пылая гневом, резко сказали:

– Ты вовсе не достойна союза с потомком Поуласти, знаменитым Раваной, великодушным Дашагривой, о Сита!

Одна из них по имени Экджата, принялась раздраженно объяснять:

– Предание гласит, что Поуластья был четвертым из шести праджапати, прародителей человечества, сыном Брахмы, родившимся из его ума и знаменитым на весь мир, о Сита. Великий аскет Вайшраваса, отец Раваны, изошел из ума того великого риши, и слава его не уступает славе праджапати. О большеглазая царевна, его сыном стал Равана, сокрушающий своих врагов; ты должна стать женой царя демонов. Почему ты не соглашаешься, о прекрасная?

К ней присоединилась Хариджата и, вращая кошачьими глазами, свирепо сказала:

– Стань женой победителя тридцати трех небожителей во главе с царем на поле сражения. Неужели ты не хочешь оказаться рядом с этим героем неукротимой доблести, никогда показывавшего спины врагу? Могущественный царь Равана ради тебя отверг нежно любимую царицу Мандодари, он будет твоим, и в ослепительных внутренних покоях, украшенных тысячами женщин в драгоценных камнях, он будет поклоняться тебе!

– Не раз одержавший победу над гандхарвами, нагами и данавами, – заговорила Виката, – безгранично доблестный в сражении, царь Равана всем сердцем тянется к тебе, почему же ты не желаешь стать женой знаменитого повелителя демонов, владеющего несметными богатствами?

– О дева, с чудесными ресницами, – обратилась к Сите Дурмулки, – почему бы тебе не уступить ему? В страхе перед ним солнце светит и дует ветер, деревья, покорные его воле, расцветают, а облака проливают потоки дождя. О прекрасная дева, почему ты не соглашаешься стать женой царя царей, Раваны? Мы говорим ради твоего блага; уступи нашим просьбам, о богиня со сладкой улыбкой, или тебя ждет неминуемая гибель!

Глава 24 Их угрозы

Отвратительные демоницы все вместе принялись упрекать Ситу в резких неприятных выражениях:

– Почему ты не хочешь жить во внутренних покоях, изобилующих пышными ложами? О дева, ты достойна союза с обычным человеком; выброси Раму из своей головы, наверняка ты не увидишь его больше. Живи счастливо с Раваной, повелителем демонов, стань женой обладателя сокровищами трех миров. Ты женщина, о безупречная красавица, и потому скорбишь о человеке, изгнанном из своего царства, который ведет полную лишения жизнь.

Лотосные глаза Ситы наполнились слезами, и она отвечала демоницам:

– Вы говорите о том, что временно и достойно осуждения, я никогда не приму ваших слов. Целомудренная женщина не может стать женой демона. Сожрите меня, если хотите, но я никогда не уступлю вашим просьбам. Бедный или лишившийся царства, но мой муж – мой духовный учитель, и я должна следовать за ним, как Суварчала следует за солнцем, благословенная Сачи не покидает Индру, Арундхати – Васиштху, Рохини – Шашина, Лопамудра – Агастью, Суканья – Сьявану, Савитри – Сатьявата, Шримати – Капилу, Мадаянти – Сандасу, Кешини – Сагару, а Дамоянти, дочь царя Бхимы – своего повелителя Нишаду.

Слова Ситы разъярили демониц, посланных Раваной, и они осыпали ее горькими упреками. Хануман, прижавшись к дереву шингшипа, молча слушал демониц, угрожавших Сите. Со всех сторон окружив Ситу, снова и снова облизывая свои пылающие губы, вооруженные копьями, в приступе гнева они грозили:

– Ты думаешь великий повелитель демонов Равана не достоин быть твоим господином?

Терзаемая ужасными демоницами, большеглазая Сита, вытирая слезы, нашла прибежище под деревом шингшипа и села, охваченная печалью. Отвратительные демоницы продолжали поливать ее упреками, а прекрасная царевна, облаченная в грязное сари, окончательно измученная и бледная целиком пребывала во власти своего горя. Зловещая с виду демоница Вината с ужасными зубами и торчащим животом, сердито крикнула:

– О Сита, ты достаточно проявила преданность своему повелителю, но любые излишества приводят к страданию! Добра тебе! Мы довольны, ты проявила верность обычаям людей, но теперь послушай, что я скажу тебе на благо! Прими Равану своим господином; повелитель сонмам демонов, он, словно Васав, побеждает своих врагов, он храбр, щедр и милостив ко всему живому. Оставь это нечестивое создание, Рамачандру, и прими Равану своим мужем! Окропленная божественными ароматными духами и украшенная восхитительными драгоценностями, ты, о Ваидехи, словно Сваха, супруга Агни, или богиня Сачи, жена Индры, с этого дня станешь царицей миров! Что тебе до жалкого Рамы, дни которого сочтены? Если ты не прислушаешься к нашим словам, мы сейчас же сожрем тебя.

Виката с обвислой грудью, сердито сжимая кулаки, обратилась к Сите:

– О глупая дочь царя Митхилы, из сострадания мы снисходительно выносим твои резкие речи, и всё же ты не внемлешь нашему мудрому и уместному совету. Ты находишься на другом берегу океана, который никто не может преодолеть; Равана заточил тебя в своих внутренних покоях и велел нам тебя охранять, о Маитхили, так что сам Индра не сможет освободить тебя. Хватит плакать и сокрушаться, отдайся радостям и удовольствиям, о Сита; уступи повелителю демонов. О робкая дева, разве ты не знаешь, как быстротечна молодость женщины? Прежде чем она увянет, проведи свои дни в счастье. Вместе с повелителем демонов гуляй в прекрасных лесах, рощах, среди холмов, о дева с искрящимися глазами! Тысячи женщин будут служить тебе, если ты покоришься повелителю демонов, но если ты не внемлешь моему совету, я разорву твое сердце на части и съем, о Маитхили.

Свиристая Чандари, размахивая огромным копьём, сказала:

– Глядя на эту юную деву с глазами молодой лани, которую Равана похитил и принес сюда, чья душа трепещет от страха, я чувствую неодолимое желание полакомиться ее печенью, селезенкой, грудью, сердцем, членами и головой.

Демоница Пракхаса добавила:

– Что толку уговаривать ее? Давайте оборвем дыхание в горле этой бессердечной женщины и сообщим Раване о ее смерти. Несомненно он скажет: "Сожрите ее".

– Давайте разделим ее поровну, – предложила Аджамукхи, – спор мне не по душе; пусть нам поскорее принесут любимые вина и ароматные гирлянды!

В этот момент вмешалась Шурпанакха:

– Я целиком согласна с Аджамукхи, пусть скорей нам принесут вина, которое разгоняет всякую печаль. Досыта наевшись человеческой плоти, мы будем танцевать в роще Никумбхила.

Слушая чудовищные угрозы демониц, Сита, подобная дочери богов, будучи на исходе сил, разразилась слезами.

Глава 25

Горе Ситы

Грубые угрозы демониц повергли дочь Джанаки в слезы. Благородная Ваидехи, охваченная ужасом, отвечала им с грустью в голосе:

– Целомудренная женщина не может стать женою демона; Если желаете, разорвите меня на куски, но я никогда не приму ваших советов.

Окруженная демоницами Сита, подобная дочери богов, нигде не находила прибежища. Дрожа всем телом, она бросилась бежать, словно молодая лань в лесу, отбившаяся от стада и окруженная волками. Цепляясь за ветви дерева ашока, измученная горем Сита, думала только о своем господине. Потоки слез, катившиеся из ее глаз, омывали прекрасную грудь, ей казалось, нет конца ее несчастьям. Она лежала, словно дерево, бурей вырванное с корнем, от страха перед демоницами щеки ее побледнели; плечи ее содрогались от рыданий, и длинная толстая коса качалась из стороны в сторону, словно ползущая змея. Тяжело вздыхая от горя, в полном негодовании, плачущая Маитхили сокрушалась, печально взывая:

– О Рама! – и снова, – О Лакшмана! О мать моя Каушалья! О Сумитра!

– Правду говорят мудрецы: "Никто из людей не может умереть, прежде чем пробьет его час!" – говорила она. – Измученная свирепыми демонами, в разлуке с Рамой я ещё живу. Увы! Несчастливая женщина, я оказалась на краю гибели вдали от своего господина, как тяжелый сосуд посреди волн, бросаемый бурей. В разлуке со своим господином я погибаю под бременем горя, как речные берега, размытые течением. Счастливы те, кто могут видеть моего повелителя с прекрасными глазами, напоминающими лепестки цветущих деревьев, и львиной походкой, благодарного и сладкоречивого. Вдали от Рамы, покоряющего душу, мне трудно дышать, подобно человеку, проглотившему смертельный яд, отныне моя жизнь на исходе. Какой ужасный грех совершила я в прошлом, что вынуждена теперь так жестоко страдать? Горе мое так велико, что я страстно желаю умереть, но увy! Я окружена демоницами и не могу встретиться с Рамой. Будь проклята человеческая жизнь, будь проклята зависимость от других, потому что человек не волен расстаться с жизнью!

Глава 26

Сита предрекает гибель демонов

Обливаясь слезами, уронив голову на руки, дочь Джанаки сокрушалась всё больше и больше, разбитая горем. Вне себя она каталась по земле, как обычно это делает усталый ребенок. Не владея собой, она кричала:

– Я, супруга Рагхавы, позволила демону изменчивого лика обмануть себя, и безжалостный Равана унес меня прочь. В плену у демонов я стала объектом угроз и оскорблений и, пребывая в постоянном волнении и горе, я не в силах жить. Какой смысл жить в богатстве и роскоши среди демонов вдали от Рамы, великого воина? Несомненно сердце мое сделано из железа, оно нерушимо и не стареет, поскольку до сих пор не разорвалось под бременем страданий, о горе мне, подлому и злобному созданию, раз я ещё живу в разлуке с моим господином. Даже левой ногой я не прикоснусь к демону Раване, я не испытываю и тени любви к этому презренному созданию. Развращенный, он пытается соблазнить меня, не ведая о моем нраве, происхождении и отвращении, которое вызывает во мне. Разорвут ли они меня на куски, разнесут на части, или бросят в огонь, я никогда не покорюсь Раване, какой смысл говорить об этом?

Всем известно, что Рагхава праведен, сострадателен и исполнен благодарности; он стал таким жестоким только из-за моей злой судьбы. Неужели он меня не спасет, в одиночку сразивший четырнадцать тысяч демонов в Джанастахане? Пусть неприступная Ланка лежит посреди океана, стрелы Рагхавы разрушат все препятствия. Что может помешать доблестному Раме вновь встретиться со своей любимой женой, похищенной демоном?

Я боюсь, что старший брат Лакшманы не знает, где я, а иначе он не стерпел бы этого оскорбления. Царь коршунов, сообщивший Рама о моем похищении, погиб в сражении с Раваной. Джатаю, конечно, проявил величайшее мужество, бросившись мне на помощь; несмотря на старость, он пытался убить Равану.

Если бы Рагхава знал, где я, в тот же час своими пламенными стрелами он освободил бы мир от демонов. Он предал бы Ланку огню, иссушил океан и уничтожил могущественного Равану. Каждая семья демонов будет стонать, оплакивая своих погибших мужей и отцов, как я сейчас и даже больше, и Рама вместе с Лакшманой будут ходить по городу, смело глядя в лица врагов, постоянно посягавших на его жизнь, и убивая демонов. Все улицы Ланки будут в дыму погребальных костров, в небе будут кружить коршуны, она превратится в склеп! Скоро он отомстит за меня! Тебе это дорого обойдется, я вижу на Ланке много неблагоприятных предзнаменований, скоро она утратит своё сиянье. Когда повелитель демонов, злобный Равана будет убит, Ланка, ныне процветающая и счастливая, будет похожа на вдову. Несомненно, скоро из каждого дома я услышу скорбный плач дочерей демонов. Погруженная во тьму и лишившаяся былой славы Ланка погибнет, доблестные демоны, защищающие ее падут под стрелами Рама, когда этот герой с красноватыми в уголках глазами узнает, что я томлюсь в плену в обители демонов.

Приближается срок, когда жестокий злобный Равана решил убить меня. Лишь низкие демоны пренебрегают запретами. Это беззаконие повлечет за собой ужасное бедствие; демоны, питающиеся плотью, попирают добродетель. Несомненно, этот демон приготовит меня себе на завтрак; я беспомощна, что мне делать без моего возлюбленного?

Вдали от моего господина, разбитая горем, не видя Раму с красноватыми в уголках глазами, я скорее увижу бога Ваивасвату! Старший брат Бхараты не знает, что я ещё жива, вместе с Лакшманой он разыскивает меня по всей земле. Наверняка под натиском моих врагов этот воин, старший брат Лакшманы, покинул тело и удалился на небеса. Счастливы боги, гандхарвы, сиддхи и великие риши, которые могут видеть героического Раму. Возможно, прозорливый и царственный мудрец Рама погрузился в размышления об Абсолюте и не нуждается более в супруге, рядом с которой он чувствовал вдохновение и радость, но, расставшись, забыл. Может, я совершила ошибку и потеряла право на счастье, я, прекрасная Сита, разлучившаяся со знаменитым Рамой. В разлуке с благородным Рамой, великим героем бесмертных подвигов, сокрушающим своих врагов, смерть для меня желанней жизни! Возможно два брата, повелители людей, с оружием в руках, питающиеся кореньями и лесными фруктами, живут в лесу или погибли из-за вероломства злобного Раваны, последнего из демонов. Если это так, то всем сердцем я призываю смерть, в своем горе я имею на это право.

Благословенны великодушные просветленные аскеты, обуздавшие чувства, потому что они ничего не жаждут и ни к чему не испытывают отвращения, потому что любовь и ненависть не приносит им ни радости, ни боли. Они свободны! Да будут славны эти великие души! Покинутая возлюбленным Рамой, постигшим науку о душе, оказавшись в руках злобного Раваны, я расстанусь с жизнью!

Глава 27 Сон Триджаты

Слова Ситы привели демониц в великую ярость, и некоторые побежали передать их Раване, подлому созданию. Отвратительные чудовища, как прежде, угрожающе надвинулись на Ситу:

– О презренная Сита, сегодня демоны, которым ты пророчишь гибель, с удовольствием полакомятся твоим мясом!

Видя, как мерзкие демоницы издеваются над Ситой, престарелая Триджата благоразумно сказала им:

– Негодяи, сожрите меня, но не прикасайтесь к Сите, дочери Джанаки, любимой снохе царя Дашаратхи. Прошлой ночью я видела ужасный сон, от которого волосы у меня встали дыбом. Он предрекает гибель демонов и победу супруга этой женщины.

Разъяренные демоницы в ужасе потребовали, чтобы Триджата объяснилась.

– Расскажи, что это был за сон, что ты видела прошлой ночью?

– Я увидела небесную колесницу из слоновой кости, – начала рассказывать Триджата сон, который пришел к ней на рассвете, – запряженную сотней лебедей, которая летела по небу, неся Рагхаву и Лакшману, облаченных в сверкающие одежды и гирлянды. Я увидела Ситу в белом, стоящую на белой, как снег, горе посреди моря; она встретила с Рамой, как свет – с солнцем. Я вновь увидела Рагхаву, который также как и Лакшмана, сидел на могучем слоне с четырьмя бивнями, похожем на холм. Эти ослепительно сияющие львы среди героев приблизились к Джанаки в сверкающих одеждах, украшенной гирляндами. Она взошла на спину слона ее господина, который появился в небе у вершины той горы! Потом лото-сокая дева выскользнула из объятий своего супруга и поднялась в небо, и я увидела, как она вытирает своей рукой солнце и луну. Возвышаясь на великолепных слонах, двое царевичей вместе с большеглазой Ситой покинули Ланку.

И снова во сне я увидела Раму в сверкающих одеждах и гирляндах, сопровождаемого Лакшманой в колеснице, запряженной восьмью белыми буйволами. Я увидела добродетельного Раму, героя среди людей, который вместе с братом Лакшманой и Ситой поднялся на небесную цветочную колесницу, сияющую, как солнце, и отправился на север.

Затем я увидела Равану, лежащего на земле и покрытого маслом, обритого, в красных одеждах, с гирляндой из цветов олеандра, пьяного и всё ещё пьющего. Я увидела, как он упал с цветочной колесницы Пушпака на землю, обритого, в черных одеждах женщины таскали его из стороны в сторону. Потом я увидела его сидящим в колеснице, запряженной осликами, в красных одеждах. Тело его было в грязных пятнах, словно он залпом выпил сезамовое масло. Он смеялся и танцевал, ум у него помутился, чувства притупились, он стремительно мчался на юг. Я увидела Равану, повелителя демонов, разбитого страхом, который упал на землю головой вперед, а потом неожиданно подпрыгнул от ужаса. Раздетый, словно безумец, шатающийся от выпитого вина, он не в силах был вымолвить ни слова, и всё же что-то постоянно бормотал. От него исходило смердящее зловоние и грязь, он казался олицетворением ада. Направляясь на юг, он вошел в озеро, в котором высохла даже глина, и темная женщина в красном, обмазанная глиной, накинула Дашагриве на шею веревку и потащила его в обитель смерти.

Я увидела могущественного Кумбхакарну и всех сыновей Раваны с обритыми головами, испачканными маслом. Дашагрива был верхом на борове, Индраджит – на морской свинье, а Кумбхакарна – на верблюде; только Вибхишана явился мне стоящим в небесах, под белым пологом, окруженный четырьмя министрами. Множество демонов в красных гирляндах и одеждах шли друг за другом, играя на струнных инструментах, танцуя и выпивая. Я увидела прекрасный город Ланку, полный слонов, колесниц и коней. Разбитые ворота и арки падали в море. В объятий пламенем Ланке демоницы хохотали и творили ужасные бедствия, залпом заглатывая масло. Я увидела Кумбхакарну и всех остальных темных, как тучи, демонов в ярко красных одеждах, которые вниз головой летели в выгребную яму.

Уходите подальше, потому что Рагхава скоро встретится с Ситой и в страшном гневе потребит всех вас вместе с остальными демонами. Если вы будете угрожать и мучить любимую, почтенную супругу Рамы, которая ради него последовала в лес, Рагхава не стерпит подобного оскорбления. Поэтому довольно отвратительных угроз, лучше попытайтесь утешить ее и молитесь о прощении; вы можете лишь попытаться убедить Ваидехи. Несчастная, о которой я видела столь значительный сон, скоро освободится от страданий и снова встретится со своим возлюбленным и знаменитым господином. Даже после произнесенных угроз, давайте оставим грубости и попросим у нее прощения. Поистине, страшное бедствие грозит демонам со стороны Рагхавы. Припав к ее стопам, постарайтесь умиловить Маитхили, дочь Джанаки, которая может спасти вас от величайших страданий. Кроме того, я не вижу в этой

большеглазой деве ни единого недостатка, красота ее не имеет малейшего изъяна. Я думаю, несчастье, постигшее эту богиню, не достойную испытывать превратности судьбы, не более тени.

Я предвижу, что очень скоро исполнятся все желания Ваидехи, повелитель демонов погибнет, а Рагхава обретет победу. Узрите признаки великой радости, скрываемые этой девой! Ее левый глаз, огромный, как лепесток лотоса, подергивается безо всякой видимой причины, левая рука добродетельной дочери Видехи слегка дрожит, а ее левое бедро, напоминающее хобот слона, трепещет, словно сам Рагхава стоит перед ней; крылатые твари, вьющие гнезда на ветвях деревьев над ее головой, поют свои песни, словно предрекают грядущий благословенный час.

Сита, скромная юная женщина, восхищенная скорой победой ее супруга, сказала демонцам:

– Если эти предсказания сбудутся, я защищу вас.

Глава 28 Скорь Ситы

Вспоминая страшные слова Раваны, повелителя демонов, несчастная Сита дрожала, словно слониха, на которую напал лев на краю леса. Напуганная Раваной и окруженная демоницами, робкая дева дала волю своему горю, девушка, брошенная в лесу. Она думала: "Мудрецы правы, говоря, что смерть не приходит раньше назначенного судьбой срока, если я, никчемное создание, всё ещё живу после всех оскорблений. Чуждое счастьем и полное страданий, сердце мое должно быть стало каменным, если сегодня не разорвалось на сотню кусков, подобно гребню горы, в который ударила молния. Кроме того, я не виновата в этом – страшный демон может убить меня, но я не могу отдать ему свою любовь, как брахман не может передать наставления Вед низкорожденному. Если повелитель миров не явится в должный срок, злобный царь демонов разрубит меня на куски своим острым оружием, словно доктор, извлекающий из чрева женщины мертвого ребенка. Два месяца пролетят очень быстро, и я, несчастное создание, окажусь на пороге смерти, подобно вору, провинившемуся перед своим государем, связанному и наутро приговоренному к казни.

О Рама, о Лакшмана, о Сумитра! О мать Рамы! О мои матери! Я умираю от горя, подобно тонущему кораблю, разбитому штормом. Наверное, два доблестных царевича пали под ударами того создания в облике золотого оленя, словно тур или лев от удара молнии. Несомненно, это сама судьба в облике оленя обманула меня, несчастную, и я по глупости послала двух царевичей Раму и Лакшману поймать ее. Увы!

О Рама, ты верен своим обетам, у тебя длинные руки! О повелитель, чей лик сияет, как полная луна! О жизнь моя, ты благожелатель и друг всего живого, но ты не знаешь, что демоны грозят мне верной смертью. У меня нет иного покровителя, кто тебя; мое терпение, ночи на голой земле, верность долгу, преданность мужу – всё это оказалось напрасным, словно служение, оказанное недостойному. Напрасно я исполняла свой долг и была предана тебе одному, раз я не вижу тебя; вдали от тебя я теряю последние силы, бледнею и слабею, у меня не осталось искры надежды когда-нибудь увидеть тебя. Мужественно исполнив заветы отца, оставшись верным своему обету, ты вернешься из леса и будешь мирно развлекаться с большеглазыми дева. О Рама, я познала вкус любви к тебе, и на свою гибель всем сердцем привязалась к тебе; совершая аскезы и следуя данным обетам, я на краю смерти, о горе мне, о как я несчастна! Я бы с радостью выпила яд или пронзила себя острым мечом, но никто не принесет мне их в этом городе демонов. В глубокой печали, предаваясь долгим измышлениям,

Сита сняла с волос шелковый шнурок и сказала:

– Я повешусь на этом шнурке и уйду в обитель смерти!

Прекрасная Сита, каждое движение которой было исполнено изящества, крепко ухватилась за ветку дерева, под которым стояла, и погрузилась о мысли о Раме, Лакшмане и своих

родственников; неожиданно она заметила множество благоприятных признаков, сулящих грядущую удачу, к ней стало возвращаться мужество и печаль рассеялась.

Глава 29

Сита видит благоприятные предзнаменования

Безупречная прекрасная царевна, чуждая радости и охваченная волнением, увидела со всех сторон благоприятные предзнаменования, которые напоминали желанных слуг богатого человека. Левый глаз прекрасной девы с темным зрачком стал подергиваться, словно лотос, потревоженный рыбой. Ее округлая рука, как прежде окропленная сандалом и алоэ, которая служила ее повелителю подушкой, задрожала. Левое бедро, напоминающее хобот слона, судорожно подергивалось, предвещая, что скоро она увидит Раму. Золотистое сари большеглазой Маитхили, зубы которой напоминали зерна граната, ныне покрытое грязью, соскользнуло с ее прекрасных плеч.

Успокоенная этими и другими предвестниками счастливого исхода событий, Сита, словно растение, высохшее на ветру под солнцем и вновь ожившее под запоздалым дождем, испытывала величайшую радость. Ее лицо, алые, как плод бимба, губы, прекрасные глаза с изогнутыми ресницами и красивые ровные зубы расцвели прежней красотой, как луна, появившаяся из пасти Раху. Ее печаль и усталость развеялись, лихорадочное возбуждение стихло, горе исчезло, а сердце преисполнилось радости. Благородная дева казалась прекрасной, как прибывающая луна, озаряющая землю прохладными лучами.

Глава 30

Размышления Ханумана

Доблестный Хануман, слышавший все, о чем говорили Сита, Триджата и демоницы, пристально наблюдал за знаменитой девой, которая напоминала небожительницу из садов Нандана, и множество мыслей пронеслось в его голове. "Я вижу ту, что по всему миру ищут тысячи и миллионы обезьян," думал он, "и я нашел ее! Действуя как опытный разведчик в стане врага, я проник в город и узнал всё о могуществе Раваны, возможностях демонов и их столицы. Я должен утешить супругу безгранично славного царевича, сострадательного ко всему живому, которая томится в разлуке со своим господином. Я должен придать уверенность этой деве, чье лицо напоминает полную луну.

Никогда прежде не ведавшая страданий, сейчас она не видит конца своим бедам. Если я вернусь, не утешив эту добродетельную деву, охваченную горем, путешествие мое будет напрасным. Воистину, я отправлюсь обратно, а знаменитая царевна Джанаки, утратив всякую надежду, расстанется с жизнью, и длиннорукий герой, с лицом сияющим, как полная луна, жаждущий увидеть Ситу, будет безутешен.

Говорить с нею в присутствии демониц невозможно, что же мне делать? Я оказался в затруднительном положении. Если я не скажу ей несколько слов в утешение накануне ночи, она наверняка расстанется с жизнью, и если Рама спросит меня: "Что говорит Сита с тонким станом?" – что я отвечу ему, если не говорил с ней? Если я вернусь, не исполнив поручения к Сите, Какутстха уничтожит меня своим гневным взглядом, и тогда мой повелитель Сугрива не станет помогать Раме, возглавив свою огромную армию. При первой же возможности я постараюсь утешить измученную деву. Но я такой маленький и ещё обезьяна, а если я заговорю человеческим голосом, на санскрите, как это делают мудрецы, Сита примет меня за Равану и придет в ужас! Однако я непременно должен говорить по-человечески, а иначе как я могу поддержать безупречную деву? Джанаки, терзаемая демонами, испугается моего облика и речи. Знаменитая большеглазая Сита станет кричать, приняв меня за Равану изменчивого лика. На ее крик сбегутся полчища вооруженных демонов, словно сама смерть. Отвратительные и неукротимые, они со всех сторон набросятся на меня, попытаюсь уничтожить или пленить. Увидев, как я прыгаю с ветки на ветку и забираюсь на верхушки самых высоких де-

ревьев, они поднимут тревогу, и лес огласится их дикими воплями. Они призовут на помощь демонов, охраняющих царский дворец; в великом возбуждении, хватаясь за оружие – копья, дротики и мечи – они поспешат броситься в драку. Они окружают меня со всех сторон, и, убив сонмы этих демонов, я буду истощен и не смогу перелететь через океан, или же они, превосходя меня числом, возьмут меня в плен. И тогда все мои усилия не принесут этой деве желанного плода. Или же из любви к злодеяниям они могут убить дочь Джанаки, и это полностью провалит великий замысел Рамы и Сугривы. Джанаки находится на неприступном, затерявшемся в море острове, который со всех сторон охраняют демоны; к нему не подступиться. Если демоны убьют меня в бою или возьмут в плен, я не знаю, кто из обезьян сможет преодолеть четыреста миль над морем. Если я истреблю тысячи демонов, я не в силах буду достичь другого берега великого океана. Вступать в сражение рискованно, и я не люблю попадать в сомнительные истории; должен ли мудрый человек рисковать во имя долга? Будет величайшей ошибкой, если я испугаю Ваидехи, обратившись к ней. Но если я вовсе этого не сделаю, она наверняка погибнет.

Часто великие замыслы проваливаются из-за посланника, не сумевшего воспользоваться временем и обстоятельствами, словно тьма, разогнанная восходящим солнцем. В таких случаях, касается ли это выполнения задания или уклонения от него, даже самые широкомащтабные предприятия не знают успеха. Несомненно самонадеянный посланник может всё погубить!

Как же тогда мне поступить, чтобы исполнить возложенную миссию? Как же мне выдержать это испытание? Как поступить, чтобы мой перелет через океан не оказался напрасным? Как убедить Ситу слушать меня, не вызвав страха в ее сердце?"

Задавшись всеми этими вопросами, Хануман пришел к такому заключению: "Я поведаю о бессмертных подвигах Рамы, и тогда его дорогая супруга не испугается меня, поскольку она целиком поглощена мыслями о своем господине. Я нежным голосом буду произносить имя Рамы, покоряющего душу величайшего потомка Икшваку, в сладостных словах я прославлю его благочестие и славу, и Сита невольно станет слушать меня. Никак иначе мне не завоевать ее доверия."

Могущественный Хануман, из-за скрывавших его ветвей глядя на супругу повелителя мира, искренне обратился к ней, и голос его звучал мягко и мелодично.

Глава 31 Хануман прославляет Раму

Всё тщательно обдумав, разумный Хануман стал лить в уши Ваидехи сладостный нектар прославлений Рамы:

– Жил на свете царь по имени Дашаратха, владевший колесницами, конями и слонами. Преданный богу и знаменитый, он был славой рода Икшваку. Чуждый злу, возвышенный и сострадательный, он был истинным героем в своей династии, преумножившим ее славу и процветание. Отмеченный всеми символами власти, величественный, это лев среди царей, известный во всех частях света, более всего любил проливать милость на своих подданных, делая их счастливыми.

Его любимого старшего сына с сияющим как полная луна ликом, звали Рама. Самый искусный из лучников, он отличался необычайно сильным разумом. Верный своим обетам, защитник людей, покровитель всего живого, опора справедливости, он всегда побеждал своих врагов. По повелению своего престарелого отца, слово которого было для него законом, этот герой, сопровождаемый супругом и младшим братом, изгнанником удалился в лес. В бескрайнем диком лесу он убил множество доблестных демонов изменчивого лика.

Когда Равана узнал, что Рама разорил Джанастан и убил Кхару и Душану, он пришел в ярость и похитил Джанаки, с помощью Маричи в облике золотого оленя, заманив ее господина далеко в самую чашу леса. Повсюду разыскивая божественную и безупречную Ситу, Рама подружился в лесу с обезьяной Сугривой. Разрушающий вражеские города доблестный

сын Дашаратхи, сразил Бали, царя обезьян, и даровал трон великодушному Сугриве. Послушные воле своего государя, тысячи обезьян изменчивого лица отправились на поиски богини во все стороны света. Я, один из них, по совету Сампати преодолел четыреста миль над океаном ради этой большеглазой красавицы. Благодаря Раме, который описал мне ее изящество, миловидность и другие удивительные черты, я наконец сумел найти ее.

Рисунок 1 – Хануман и Рама

Пропев последнюю фразу, тур среди обезьян замолчал. Джанаки с величайшим изумлением слушала речь Ханумана и, откинув прекрасные спутанные волосы, скрывавшие ее лицо, она взглянула на дерево шингшапа. С немым вопросом в глазах Сита озиралась по сторонам, чувствуя, как величайшая радость переполняет всю ее душу при воспоминаниях о Рама. Наконец она подняла голову и увидела сына Ваты, подобного восходящему солнцу, необыкновенно мудрого советника царя обезьян.

Глава 32 Сита видит Ханумана

Среди густых ветвей шингшапа, присев на корточки, пряталась обезьяна. Сладостные прославления Рамы исходили из уст этого удивительного создания в белых одеждах, напоминавшего вспышку молнии, яркого, как соцветие ашоки или золото, очищенное в тигле. Сита увидела обезьяну и сильно разволновалась.

Смирение лучшего среди обезьян изумило Маитхили и она подумала: "Ах! Какая ужасная обезьяна, неприятная и отвратительная на вид!" Мысль эта преумножила ее страх, и она снова впала в отчаянье и скорбь.

– О Рама, о Рама, о Лакшмана!" – кричала в ужасе прекрасная Сита, и голос ее звучал всё слабее и слабее, пока наконец она не осмелилась ещё раз взглянуть на удивительную обезьяну, которая почтительно склонилась перед ней. Маитхили подумала: "Должно быть, это сон!" Вглядываясь в покрытое шрамами лицо Ханумана, прославленного сына ветра, величайшего из мудрецов, Сита потеряла сознание, казалось жизнь покинула ее. Медленно придя в себя, она подумала: "Писания запрещают смотреть на обезьяну, это неблагоприятный сон! Всё ли благополучно с Рамой, сопровождаемым Лакшманой и моим отцом Джанакой? Может это был не сон, потому что со дня наступившего меня горя и несчастья я ещё не смыкала глаз. Вдали от Рамы, чей лик прекрасен, как полная луна, радость неведома мне. Постоянно думая и взывая к Рама, я воображаю, слышу и вижу только то, что связано с ним. Терзаемая любовью, я всем сердцем стремлюсь к нему, поглощенная воспоминаниями о нем, я вижу и слышу его одного. Это мираж? Это тревожит меня и смущает. Мне кажется, это не более чем

моя фантазия, но тем не менее я вижу его. Плод воображения не имеет формы, но этого нельзя сказать о том, кто обратился ко мне. Да прославится Вачаспати с молнией в руках, сопровождаемый богами! Да прославится Сваямбху и боги, принимающие жертвенные дары! Пусть они благословят создание, обратившееся ко мне, и оно станет реальным!"

Глава 33

Хануман беседует с царевной Ситой

Спрыгнув с дерева, Хануман с лицом цвета коралла смиренно приблизился к Сите. Сложив ладони, могущественный сын ветра, мягко обратился к ней:

– Кто ты, о дева, с большими, как лепестки лотоса глазами, в запятнанных шелковых одеждах? Почему ты стоишь, опираясь на ветвь дерева? О безупречная, почему слезы страдания катятся из твоих глаз, напоминающих лотосы, словно струя воды из разбитого кувшина? О прекрасная, кто ты среди небожителей, демонов, нагов, гандхарвов, ракшей, якшей и киннеров? Или ты дочь Рудр, богов ветра, или Васу, о дева изысканной красоты? Мне кажется, ты божественного происхождения. Ты Рохини, самая яркая из звезд, которая, разлучившись с луной, упала из обители бессмертных? Или ты прекрасная темноокая Арундхати, в гневе ли гордыне убежавшая от своего повелителя Шри Васишти, чей уход из этого мира ты оплакиваешь, о дева с тонким станом, – сына, отца, брата или мужа? Обливаясь слезами, глубоко вздыхая, ты лежишь на земле, снова и снова ты взывая к имени царя, и мне кажется, что ты не богиня. Судя по знакам, которыми отмечено твое тело, я думаю, ты дочь или супруга монарха. Не ты ли Сита, безжалостно похищенная Раваной из Джанастхана? Счастья тебе! Твое жалкое положение, непревзойденная красота и одежды аскета наводят меня на мысль, что ты – супруга Рамы.

Слова Ханумана, который стоял под деревом, и звук имени Рамы радостно взволновали Ваидехи, и она отвечала ему:

– Я сноха Дашаратхи, познавшего истину, величайшего повелителя мира, повергающего во прах вражеские армии. Я дочь царя Джанаки, великодушного правителя Видехи. Мое имя Сита. Я супруга необычайно разумного и мудрого Рамы. Двенадцать лет я прожила во дворце Рагхавы, вкушая все земные радости, исполняя все свои желания. На тринадцатый год царь с согласия своих министров решил возвести Раму, радость династии Икшваку, на трон. Пока они готовились провозгласить Раму законным наследником престола, царица Кайкеи обратилась к своему повелителю: "Я откажусь от еды и питья, которые приносят мне каждый день и расстанусь с жизнью, если Рама взойдет на трон. Исполни два благословения, которые ты некогда даровал мне и изгони Рагхаву в лес!" Царь, верный своему слову, вспомнил о двух обещаниях, которые он дал царице. Ее жестокие слова повергли его в величайшее горе. Престарелый монарх, твёрдый в своих обетах, со слезами на глазах стал молить старшего сына отречься от трона. Знаменитый царевич, для которого слова отца были дороже трона, в душе согласился с ним и пообещал повиноваться. Рама, всегда бескорыстно раздающий дары, правдивый и не изрекающий лжи даже во имя спасения собственной жизни, наделен нестигаемым мужеством, сняв с себя роскошные одежды, славный Рама всем сердцем отрекся от царства, а меня передал заботам своей матери. Но я облачилась в одежды аскета и тут же собралась сопровождать его в лес, потому что в разлуке с ним я не в силах жить даже в раю. Тогда удачливый Саумитри, радость своих друзей надел древесную кору и взял траву куша, готовый следовать за своим старшим братом. Почитая волю нашего государя, верные своим обетам, мы вошли в темный неведомый лес. Пока лучезарный Рама жил в лесу Дандака, демон Равана, превратной души, похитил меня, его супругу. Он назначил мне срок, и теперь мне осталось жить лишь два месяца.

Глава 34 Сомнения Ситы

Пытаясь успокоить Ситу, разбитую горем, Хануман, лучший из обезьян, сказал:

– О божественная Ваидехи, я посланник Рама, прибывший сюда по его указу; Рама в безопасности и спрашивает о твоём благополучии. Сын Дашаратхи, постигший Веду, владеющий брахмастрой, наделенный безграничными познаниями, приветствует тебя, о царица! Великолепный Лакшмана, могущественный и заботливый спутник твоего повелителя, снедаемый беспокойством, склоняется перед тобой, желая тебе блага.

Сита трепетала от радости, услышав добрые вести о двух блистательных царевичах и сказала Хануману:

– Воистину, мудрые говорят, что счастье приходит к человеку даже по истечении ста лет.

Сита с Хануманом продолжали радостно беседовать в полном доверии друг к другу. Услышав изреченную Ситой мудрость, Хануман, сын Маруты, подсел поближе к ней, охваченной горем, и лишь он сделал это, сердце ее охватила тревога и она подумала: "Увы! Зачем я стала беседовать с ним? Это Равана в другом обличье!" Маитхили выпустила из рук ветвь ашоки и измученная страданиями, опустилась на землю. Длиннорукий Хануман поклонился дочери Джанаки, преисполненной ужаса, которая не смела поднять на него глаз. Увидев его смиренный поклон, луноликая Сита глубоко вздохнула и мягко сказала:

– Если ты Равана, вероломно изменивший свой лик, чтобы причинить мне ещё большую боль, то это подло. Это ты, о ночной разбойник, монахом представший предо мной в Джанастанхане и сокрывший свой истинный ужасный лик. Не следует тебе издеваться надо мной, разбитой горем и измученной постом, о Равана. И всё же похоже ты – не он, которого я так боюсь, потому что сердце мое радуется, глядя на тебя. Если ты на самом деле посланник Рама, то всех благ тебе! Приветствую тебя, о лучший среди обезьян, как сладостно мне было услышать о Рама! Прославь добродетели Рама, о добрая обезьяна, и порадуй мне душу, как река, размывающая свои берега. Какой чудесный сон принес мне, похищенной и истомленной долгим заточением, этот житель лесов! Если бы мне ещё раз увидеть доблестного Рагхаву с Лакшманой, но даже сон лишает меня этой радости. Сон ли это? Увидеть обезьяну во сне – не сулит блага, но я так счастлива сейчас! Может быть у меня помутился рассудок, или это мираж из-за долгого изнурительного поста? Но нет, это невозможно, потому что я полностью владею собой и вижу эту обезьяну ясно, как день. Эти мысли, преследуемые Ситу разделяли и окружавшие ее демоницы изменчивого лика, принявшие Ханумана за своего повелителя. Придя к такому заключению, стройная дочь Джанаки перестала говорить с обезьянами, но Хануман, разгадав ее мысли, утешил ее сладостными словами, возрождая радость в ее сердце:

– Лучезарный, как солнце и луна, любимый всеми, этот повелитель мира щедр, как Кувера. Доблестью он подобен славному Вишну, приятными и правдивыми речами – Вачаспати, красотой, славой и удачливостью – богу любви. Справедливо воздающий за злодеяния, он лучший в мире воин на колеснице. Героя, у которого нашел прибежище весь мир, великодушного Рагхаву, Марича в облике оленя заманил в лес подальше от хижины, что позволило Раване похитить тебя. Скоро этот могущественный герой, гневно выпуская свои острые, как жало змеи, стрелы, уничтожит Равану в сражении. Он послал меня к тебе с этими вестями. Страдая в разлуке с тобой, он спрашивает, всё ли у тебя благополучно. И сияющий Лакшмана, радость Сумитры, также приветствует тебя. Повелитель бесчисленных обезьян по имени Сугрива, друг Рама, выражает почтение тебе; Рама, Лакшмана и Сугрива постоянно думают о тебе; оказавшись в руках демонов, к счастью, ты ещё жива, о Ваидехи. Рано или поздно ты увидишь Рама и Лакшмана на колеснице вместе с безгранично доблестным Сугривой. Я – министр Сугривы, обезьяна Хануман. Я проник в город Ланку, преодолев океан, тем самым поправ голову порочного Раваны. Проявив мужество, я пришел сюда увидеть тебя, я не тот за кого ты меня принимаешь. Отбрось сомненья и поверь моему слову.

Глава 35

Хануман раскрывает себя Сите

С удовольствием слушая слова Ханумана о Раме, Ваидехи мягко спросила:

– Где ты встретился с Рамой и как познакомился с Лакшманой? Как люди и обезьяны заключили союз меж собою? О обезьяна, ещё раз опиши замечательные качества Рамы и Лакшмана и развеяй мою печаль. Поведай мне о добродетели Рамы, о том как он выглядит, какие у него руки и бедра, а также о Лакшмане.

В ответ на просьбу Ваидехи, Хануман, рожденный Марутой, стал подробно описывать Раму:

– К счастью, ты узнала во мне посланца Рамы, о Ваидехи с большими, как лепестки лотоса глазами, и теперь просишь описать облик и качество своего повелителя и его младшего брата Лакшмана. О большеглазая дева, слушай же, я поведаю тебе о царственных чертах, которые я увидел в Раме и Лакшмане.

О дочь Джанаки, глаза Рамы напоминают лепестки лотоса, а лик сияет, как луна. Он наделен необычайной красотой и добродетелью. Сияньем он подобен солнцу, терпением – земле, мудростью – Брихаспати, а славой – Васаве. Он защитник всего живого, оплот своего рода, страж закона и традиций, сокрушитель своих врагов. О прекрасная, Рама – хранитель людей и четырех каст, он установил истинный социальный порядок; ему поклоняются все, как солнцу; он верен обетам благочестия, знает благоприятный час почитания святых и путь праведности. С рождения пользующийся царскими привилегиями, слуга брахманов, образованный, благородный, смиренный, он повергает во прах своих врагов. Сведущий в Яджурведе, почитаемый искушенными знатоками Вед, это искусный стрелок, познавший Веды и Веданги. Широкоплечий, длиннорукий, мускулистый, с красноватыми в уголках глазами и шеей, по форме напоминающей раковину, он очень красив. Таков Рама, прославленный среди людей. Его глубокий голос напоминает удары литавр, кожа гладкая, бедра, пальцы и запястья крепкие, а руки и брови длинные; у него красивой формы глубокие пупок, живот и грудь. Уголки его глаз, ногти, ладони и стопы красноватые, а голос и походка выдают в нем безграничное мужество; на шее и на животе у него по три складки кожи; линии на подошвах и груди глубокие; у него мускулистые шея, спина и бедра; волосы собраны и тремя кольцами уложены на голове; большие пальцы рук у основания отмечены четырьмя линиями, которые свидетельствуют о глубоком знании Вед; четыре линии на лбу говорят о долголетию; он четырех локтей ростом. У него округлые руки, бедра и щеки, пропорциональные запястья, колени, бедра, руки и ноги; четыре передних зуба отмечены благоприятными знаками. Иногда своей походкой он напоминает льва, тигра, слона или буйвола; у него чарующие уста, красивый нос и прохладная нежная кожа; блестящие волосы, глаза, зубы, кожа и стопы; изящные руки бедра и ноги, маленькие пальцы; его лицо, глаза, уста, язык, грудь, ногти и стопы напоминают лотосы; у него большой лоб, шея, руки, пупок, стопы, спина и уши. Изящество, слава и сиянье украшают его; у него безупречная родословная по отцу и по матери; подмышки, живот, грудь, нос, плечи и лоб высокие; пальцы, волосы, ногти, кожа, зрение и разум ясные и острые. Рагхава черпает радость во всем, что справедливо и истинно, он полон сил и всегда знает как поступить в любых обстоятельствах; он благожелателен ко всем.

Безгранично прославленный Лакшмана, младший брат Рагхавы и сын Сумитры, второй среди цариц, также как и брат красив, предан и добродетелен. У него золотистый цвет кожи, тогда как у Рамы темноватый, словно грозвое облако. Эти два тигра среди людей всем сердцем жаждут увидеть тебя снова. В поисках тебя они обошли всю землю и в лесу повстречались с нами. У подножья горы Ришьямука, поросшей деревьями, они увидели царя обезьян, изгнанного старшим братом. Мы были слугами прекрасного Сугривы, повелителя обезьян, который, увидев двух героев, одетых в древесную кору, с великолепными луками в руках, в ужасе убежал на вершину горы. Затем он послал меня поскорее встретиться с ними, и я, покорный его воле, со сложенными ладонями приблизился к двум царевичам, львам сре-

ди людей. Два героя были довольны нашим знакомством, и я, посадив их себе на плечи, перенес их на вершину горы к великодушному Сугриве. Я рассказал всё Сугриве, они стали беседовать. Великая дружба стала связывать знаменитых повелителей людей и царя обезьян. Они утешили друг друга, поделившись своими бедами. Старший брат Лакшмана успокоил Сугриву, из-за любви к женщине изгнанного могущественным Бали. Потом Лакшмана поведал Сугриве о страданиях и потерях, обрушившихся на Раму, и царь обезьян, слушая его рассказ, помрачнел, как солнце в час затмения. Собрав все украшения, которые ты выбросила на землю, когда демон нес тебя по небу, обезьяны с радостью принесли их Раме, но где искать тебя, им было неизвестно. Я собрал все твои украшения, которые со звоном упали на землю, и передал их Раме, который вне себя от горя, прижал их к груди. Горе огнем жгло божественно прекрасного сына Дашаратхи, Непрестанно вздыхая, он оплакивал свою потерю. Долгое время великодушный герой лежал, раздавленный несчастьем, и я, пытаюсь утешить его, уговаривал подняться. Рама и Саумитри ещё раз взглянув на драгоценные украшения, вернули их Сугриве. В разлуке с тобой, о благородная дева, Рагхава страдает от горя подобно постоянно извергающему пламя вулкану. Бессонница, печаль и забота мучают великодушного Раму, подобно жертвенным кострам, испепеляющим храм. Боль разлуки с тобой терзает его, как сильное землетрясение раскалывает гору. О дочь царя, он бродит среди чарующих лесов, по берегам рек, у водопадов, но ничего не радует его. О дочь Джанаки, рано или поздно Рамачандра непременно уничтожит Равану со всеми его друзьями и родственниками, скоро этот величайший герой освободит тебя. При таких обстоятельствах Рама и Сугрива заключили дружественный союз, чтобы одержать победу над Бали и разыскать тебя. Вернувшись в Кишкиндху вместе с двумя героическими царевичами, повелитель обезьян убил Бали в сражении, и Рама провозгласил Сугриву царем всех обезьян и медведей. Я поведал тебе о союзе Рамы и Сугривы, о богиня, а я, Хануман, – их представитель.

Отвоевав своё царство, Сугрива собрал всех великих могущественных обезьян и разослал их по всей земле в поисках тебя. Послушные воле своего царя Сугривы, могущественные обезьяны обошли всю землю. В страхе перед Сугривой они исследовали все горы, реки и леса; и я – один из них. Знаменитый сын Бали по имени Ангада возглавил третью группу поиска. Много дней и ночей провели мы в глубокой печали, потеряв дорогу на величайшей горе Виндхе. Срок, отпущенный нам Сугривой давно прошел, мы были в отчаянии, не в силах исполнить порученного дела. Страшась повелителя обезьян, мы решили расстаться с жизнью. Мы обошли все горы и неприступные скалы, реки и водопады, но нигде не найдя твоего следа, мы стали готовиться к смерти. На вершине горы мы приготовились начать свой последний пост. Преисполненный горя Ангада, непрестанно сокрушался, размышляя о твоём похищении, о Ваидехи, о гибели Бали, о нашем намерении умереть голодной смертью и о подвиге Джатаю. Пока мы постились в ожидании смерти, потеряв всякую надежду исполнить волю твоего господина, удача улыбнулась нам, и перед нами появился брат Джатаю, могучий коршун по имени Сампати. Услышав о смерти брата, он гневно закричал: "Кто убил моего младшего брата, где этот негодяй? Я жажду услышать это, о славные обезьяны!" Ангада подробно рассказал ему, как ужасный демон убил из-за тебя Джатаю в Джанастхане. Сокрушаясь о смерти Джатаю, сын Аруны поведал, что ты находишься в обители Раваны, о прелестная дева! Слова Сампати вернули нас к жизни, радость наша была беспредельной. В след за ним мы покинули гору Виндхья и пришли на берег океана. Сильнейшее волнение вновь охватило обезьян, искренне жаждавших найти тебя, когда они увидели открытое море. Но я сумел развеять печаль растерянной армии обезьян. От их страха не осталось и следа, когда я одним прыжком преодолел четыреста миль над морем и ночью вступил на Ланку, обитель демонов. Здесь я увидел Равану и тебя, преисполненную горем, о безупречная дева!

Я рассказал тебе все, о богиня, теперь настал твой черед говорить! Я посланник сына Дашаратхи и пришел к тебе во исполнение воли Рамы. Знай, что я министр Сугривы, сын бога ветра! С твоим повелителем Какутстхой, величайшим среди героев, носящих оружие, всё благополучно, также как и с Лакшманой, чье тело отмечено благоприятными знаками. Младший брат Рагхавы оказывает почтение старшим и заботится о благе своего повелителя.

Я пришел сюда по приказу Сугривы, и совершил это путешествие один. Изменив свой облик, я исследовал южные земли. Всем сердцем желая найти тебя, я искал тебя повсюду. С вестями о тебе я по милости бога смогу развеять печаль сонмов обезьян, скорбящих о тебе; мой перелет через океан не будет напрасным. Я завоюю славу, найдя тебя, о богиня, и могущественный Рагхава немедля встретится с тобой, убив Равану, царя демонов, его сыновей и родственников.

На горе Мальяват, самой высокой среди гор, о Ваидехи, живет мой отец Кесарин. Послушный воле божественных мудрецов, однажды он удалился в Гокарну, принадлежавшую повелителю рек, и в том божественном месте убил демона Самвасадану. Меня родила супруга Кесарина, о Маитхили, имя мое Хануман. Весь мир знает о моих подвигах.

Чтобы вызвать у тебя доверие, я описал тебе добродетели твоего господина. Рано или поздно, о богиня, Рагхава непременно заберет тебя отсюда.

Речи Ханумана вполне убедили Ситу. Лицо ее засияло от радости, она узнала в Ханумане посланца Рамы и позволила, чтобы слезы потоком покатались из ее глаз с густыми темными ресницами. Нежное лицо большеглазой девы с красноватыми глазами сияло, как луна, освободившаяся из плена Раху. Поверив, что обезьяна, которую она видит, – вовсе не сон, она подумала: "Разве могло быть иначе?" Хануман снова обратился к прекрасной деве:

– Я рассказал тебе все, чтобы ты поверила мне, о Маитхили! Что я ещё могу сделать для тебя, чем порадовать тебя, прежде чем я покину Ланку? Я родился у Ваю, о Маитхили, когда в битве с могущественными обезьянами, состоявшейся по воле небесных мудрецов, погиб демон Самвасадана; и хотя я обезьяна, я не уступаю ему в доблести!

Глава 36

Сита спрашивает Ханумана

Могущественный сын Паваны, Хануман, желая укрепить доверие Ситы, вновь обратился к ней с уверениями:

– О удачливая царевна, я, обезьяна, посланец дальновидного Рамы; взгляни на это драгоценное кольцо, на котором выгравировано твое имя! О богиня, его дал мне великодушный герой, чтобы ты поверила моим словам. Мужайся, пусть удача сопутствует тебе! Близок конец твоим страданиям!

Джанакки, взяв драгоценное кольцо, украшавшее руку ее повелителя, преисполнилась радости, словно увидела его самого. Ее нежное лицо с большими глазами сияло, словно луна, вырвавшаяся из плена Раху. Зардевшись от счастья, она с благодарностью посмотрела на великую обезьяну и сказала:

– О лучший среди обезьян, мужественный, доблестный и ловкий, ты один проник в этот город Раваны. С замечательным упорством ты преодолел четыреста миль над океаном, обителью громадных чудовищ, словно это лужица размером с телячье копытце. Ты необычная обезьяна, о лев среди лесного народа, потому что не трепещешь от страха и не благоговеешь перед Раваной. О лучший среди обезьян, ты достоин общения со мной, потому что Рама, познавший себя, избрал тебя своим посланником. Несомненно, непобедимый Рама послал тебя ко мне, прежде убедившись в твоей доблести. К счастью, с добродетельным и правдивым Рамой, так же как и со знаменитым Лакшманой, радостью Сумитры, все благополучно, но если Какутстха не ведает болезни, как он ещё не испепелил землю огнем своего гнева, который подобен огню в час уничтожения мира? Эти два героя способны укротить богов, однако они бездействуют; поэтому, я думаю, страданиям моим нет конца! Неужели Рама не обеспокоен, неужели положение мое не терзает ему сердце? Собирается ли царский сын освободить меня? Печален ли он и озабочен? Не утратил ли он видения конечной цели? С прежней ли стойкостью и силой духа он исполняет свой долг? Я думаю, Шри Рама придерживается политики примирения и даров по отношению к союзникам и, жажда победы, дарит подарки, наказывает и сеет семена раздора среди врагов. Выказывает ли он расположение к друзьям и пользуется ли их доверием? Скажи, союзники его пользуются доброй славой и почитают

его? Пытается ли царский сын умиловить богов, в молитвах ли черпает он своё могущество и удачу? Не разлюбил ли меня Рама в разлуке со мной? Освободит ли он меня из этого опасного положения? Не сломала ли беда этого героя, привыкшего к радости и счастью, прежде не ведавшего горя? Получал ли он добрые вести о Каушалье, Сумитре и Бхарате? Или Рагхава, достойный почитания, сокрушается в горестной разлуке со мной? Думает ли он, как спасти меня? Может быть, Бхарата, преданный своему брату, пошлет за мной великую армию во главе с опытными генералами? О славная обезьяна, собирается ли удачливый царь Сугрива придти мне на помощь, ведя за собой сонмы доблестных обезьян, готовых пустить в ход свои острые зубы и когти? Героический Лакшмана, радость Сумирты, искусный воин, уничтожит демонов своими стрелами? Увижу ли я, как Рама оружием Рудры сразит Равану на поле битвы вместе с его друзьями и родственниками? Золотистый лик Рагхавы, благоухающий ароматом лотоса, не утратил сияния под бременем несчастья, подобно лотосу, выброшенному из воды на палящее солнце? Остается ли верен своей цели этот герой, во имя праведности без сожаления отрекшийся от трона и вместе со мной пешим удалившийся в лес? Ни к отцу, ни к матери, ни к кому бы то ни было не испытывал он такой любви, как ко мне. Я живу, лишь пока слышу о нем.

В надежде услышать о возлюбленном господине, чарующая дева замолкла. Выслушав сладостные и исполненные глубокого смысла слова Ситы, безгранично доблестный Марути почтительно сложил перед нею ладони и отвечал:

– О знаменитая царевна, лотосоокий Рама не знает, что ты здесь, и потому до сих пор не освободил тебя подобно Пурандаре, освободившему Сачи. Услышав от меня, где найти тебя, он не замедлит явиться сюда вместе со своей великой армией обезьян и медведей. Своими ужасными стрелами покорив бескрайний океан, обитель Варуны, Какутстха избавит город Ланку от всех демонов. Если сама смерть, боги или могущественные демоны попытаются преградить ему путь, он уничтожит их. О царевна, в разлуке с тобой Рама разбит горем, он не знает покоя, словно слон во власти льва. О богиня, я клянусь тебе горами Мандарой, Малвой, Виндхья, Меру и Дардура, всеми фруктами и кореньями, что скоро ты увидишь прекрасное лицо Рамы, его чарующие глаза, губы, подобные плодам бимба, и сверкающие, как восходящая луна, серьги. Скоро ты увидишь Раму на горе Прасравана, о Ваидехи, который подобен Шатакрату, восседающему на слоне Айравате. Воздерживаясь от плоти и медового вина, Рама поддерживает свою жизнь лесными фруктами, кореньями и диким рисом, с любовью приготовленным Лакшманой, вкушая, как это обычно делают аскеты, вечерами, в пятый период дня. Поглощенный мыслями о тебе, он не замечает садящихся на него мух, насекомых и червей. Погруженный в воспоминания, потерянный от горя, он целиком занят размышлениями о тебе. Рама, лучший из людей, не ведает сна, но стоит ему в изнеможении сомкнуть глаза, как он начинает звать нежным голосом: "О Сита!" Где бы он ни увидел фрукты, цветы или что-то, дорогое женскому сердцу, он вздыхает: "О моя дорогая любовь!" О богиня, этот царевич непрестанно зовет тебя со слезами на глазах: "О Сита!" Что он только ни делал, пытаясь найти тебя!

Сита счастлива была слушать о славе Рамы, но страдания его причиняли ей боль, и потому лицо ее напоминало осеннюю луну, которая то скрывалась за темным облаком, то вновь сияла на небосводе.

Глава 37

Сита отказывается идти с Хануманом

Луноликая Сита обратилась к Хануману со словами, исполненными благочестия и рассудительности:

– О славная обезьяна, ты говоришь, что Рама поглощен воспоминаниями обо мне и пребывает во власти горя, подобном нектару с ядом. Находясь в зените славы и могущества или в бездне печали, человек остается узником смерти с ее веревкой на шее. Никому из живущих не дано избежать судьбы, о чудесная обезьяна, посмотри, как я, Рама и Самитри утонули в

печали! Как обломки корабля, плавающие в воде, тщетно пытаются прибиться к берегу, так и Рагхава пытается положить конец своим несчастьям. Уничтожив демонов, сразив Равану и разорив Ланку, неужели мой повелитель увидит меня снова?

Поспешить сообщить ему, что до конца этого года я приговорена к смерти. Сейчас уже десятый месяц, и осталось ещё два – это срок, назначенный мне злобным негодяем Раваной. Брат его Вибхишана настойчиво просил его освободить меня, но он не удостоил внимания его мудрые слова. Равана не хочет слышать о моем освобождении, потому что смерть ожидает его, и он, влекомый судьбой, идет ей навстречу. О воин, Кала, старшая дочь Вибхишаны по просьбе своей матери сообщила мне об этом. Есть старый и надежный демон по имени Виндха, мудрый, добродетельный, разумный и благородный, которого Равана очень почитает. Он предрекает неминуемую гибель демонов от руки Рамы, однако порочный негодяй пренебрегает его добрыми советами.

О лучший среди обезьян, я надеюсь на скорую встречу с Рамой, потому что сердце мое чисто, а добродетель Рамы безгранична. Он терпелив, мужествен, сострадатель, благодарен, энергичен и силен, о Хануман. Какой враг не затрепещет перед ним, без помощи брата сразившем четырнадцать тысяч демонов в Джанастхане? Демоны не смогут одолеть этого льва среди людей, я знаю о его силе, как Сачи знает о могуществе Индры. О Хануман, Рама, выпуская бесчисленные стрелы, словно солнце в ореоле лучей, иссушит озеро враждебных демонов!

Преисполненная горя Сита обливалась слезами, вспоминая о Раме, и Хануман сказал ей:

– Как только я встречусь с Рагхавой, он сразу же поспешит сюда во главе могущественной армии медведей и обезьян! Или может быть мне сейчас же освободить тебя из рук демонов и избавить от всех несчастий? Забирайся мне на плечи, о безупречная дева, и я перелечу через океан. Поистине, я могу унести весь город Ланку вместе с Раваной. Я доставлю тебя Рагхаве прямо на гору Прасравану, о Маитхили! Сегодня же ты увидишь Раму, неразлучного с Лакшманой, готовящегося сразить врагов, подобного Вишну, уничтожающему Даитьев. На той одинокой горе ты увидишь могущественного героя, всем сердцем жаждущего встречи с тобой, подобного Пурандаре на голове царя змеев. О прекрасная богиня, взойди мне на плечи, не медли, навеки воссоединись с Рамой, подобно Рохини, неразлучной с Шашнакой, Сачи – с Индрой или Саваршале – с Солнцем. По воздуху я преодолею океан! О прекрасная, позволь мне унести тебя отсюда, никто на Ланке не сможет угнаться за мной. Я вернусь так же, как прилетел сюда, по небу неся тебя на своих плечах.

Маитхили затрепетала от радости и сказала Хануману:

– Ты действительно надеешься пронести меня столь великое расстояние, о Хануман? Это выдает в тебе обезьянью натуру! Ты такой маленький, но надеешься перенести меня к моему господину, повелителю людей, о обезьяна?

Слова эти задели Ханумана, и он подумал: "Это первое оскорбление, причинившее мне боль! Ваидехи не знает о моей доблести и силе. Она должна увидеть, что я могу по желанию принимать любое обличье!" И знаменитый герой, сокрушающий своих врагов Хануман, предстал перед Ситой в своем истинном облике. Желая завоевать доверие Ситы, он спрыгнул с дерева и стал увеличиваться в размерах. Хануман стал огромен, как гора Меру или Мандара, шерсть его напоминала пылающую жаровню. С медно-красным лицом, твердыми как алмазы когтями и зубами, громадный как гора этот лев среди обезьян стоял перед царевной Видехи.

– Я могу с корнем вырвать Ланку со всеми ее горами, лесами, полями, дворцами, валами и воротами, и уж тем более вместе с ее монархом! – прогремел он. – Поэтому соберись духом, о царевна, и не медли, о Ваидехи! Иди и развея скорбь Рагхавы и Лакшмана!

Дочь Джанаки, чьи глаза напоминали лепестки лотоса, глядя на сына ветра, который в один миг превратился огромного как гора великана, сказала:

– О могущественная обезьяна, теперь я вижу твою силу, быстроту полета, которой ты равен ветру, и сияние, ослепительное, как огонь. Разве могла обычная обезьяна достичь этой земли, затерявшейся в бескрайних просторах океана? Я знаю, что ты можешь забрать меня

отсюда и унести прочь, но, о лучший среди обезьян, я должна подумать, благоразумно ли это. Кроме того, надлежит ли мне идти с тобой? Ты летишь с головокружительной быстротой ветра, и я могу упасть с твоих плеч, когда ты будешь лететь высоко над океаном. Я упаду в океан, полный акул, крокодилов и гигантских рыб и тут же жертвой этих чудовищ. Я не могу идти с тобой, о покоритель врагов, и тебе тоже грозит большая опасность.

Когда демоны увидят, как ты уносишь меня, они начнут преследовать тебя, послушные приказу Раваны, и, окруженный теми воинами, вооруженными копьями и булавами, ты, неся женщину, подвергнешься величайшему риску, о герой! Хорошо вооруженные, тучи демонов погонятся за тобой, невооруженным. Как ты остановишь их и защитишь меня? Ты будешь сражаться с теми ужасными демонами, о славный Хануман, а я, охваченная страхом, невольно соскользну с твоей спины. Ужасные, огромные и могущественные демоны одержат над тобой верх, о превосходная обезьяна. Повернув голову, пока ты будешь сражаться, я упаду и злобные демоны унесут меня прочь и доставят обратно, или вырвав меня из твоих рук они растерзают меня. Неизвестен исход сражения, окончится он победой или поражением! Если я умру от угроз демонов, о лучший среди обезьян, все твои усилия освободить меня окажутся напрасными. Ты умелый воин и храбро расправляешься с демонами, но слава Рамы омрачится или демоны вновь похитят меня и уже ни обезьяны, ни Рама не смогут меня отыскать. И тогда все твои попытки спасти меня окажутся напрасными, но если ты приведешь Раму, это принесет величайший успех.

О могучерукий воин, от меня зависят жизни Рагхавы, его двух братьев и царя Сугривы. Потеряв надежду разыскать меня, два брата, измученные горем и волнением, вместе со всеми медведями и обезьянами расстанутся с жизнью. О славная обезьяна, более того, всецело преданная своему господину, я не смогу прикоснуться ни к кому, кроме Рамы. Я была беспомощна, когда Равана схватил меня, безо всякой защиты, и более не владела собой. Если Рама придет убить Равану и всех демонов и заберет меня отсюда, это будет подвиг, достойный его! Я слышала о великих подвигах этого героя и сама была их свидетелем – нет Раме равных на поле брани ни среди богов, ни среди нагов, ни среди демонов! Кто осмелится предстать перед Рамой, сопровождаемом Лакшманой, подобно огню на ветру, прежде увидев его в сражении с чудесным луком в руках, словно Индра, увенчанного доблестью и силой? О лучший среди обезьян, кто сможет противостоять Раме и Лакшману, которые напоминают слонов, опьяненных соком Мада и выпускают стрелы, словно лучи солнца в час уничтожения миров? О лучший среди героев, поскорее приведи сюда моего единственного возлюбленного и Лакшмана вместе с повелителем обезьян! В разлуке с Рамой я истерзана горем, о доблестный Хануман, осчастливь же меня вновь!

Глава 38

Сита отдает Хануману свой драгоценный камень

Удовлетворенный словами Ситы лев среди обезьян отвечал:

– О прекрасная дева, речи твои созвучны твоей женской природе, так говорит скромная женщина, преданная своему господину! Будучи женщиной, ты не сможешь преодолеть четыреста миль над океаном у меня на спине. Слова твои: "Я никого не могу коснуться, кроме Рамы," достойны тебя, о богиня, супруга великодушного героя. Кто кроме тебя произнес бы такие слова, о Джанаки? Воистину, Какутстха от начала до конца услышит всё сказанное и содеянное тобой у меня на глазах, о царевна. По многим причинам я предложил тебе это, о дева, волнуемый состраданием к Раме, сердце мое трепещет от любви к нему. С величайшими трудностями проник я на Ланку, преодолел океан и, как поступить после встречи с тобой, я предложил тебе это. Я жаждал отнести и передать тебя тому, кто по сей день остается радостью династии Рагху! В этом выразилась моя преданность ему и тебе – потому я произнес такие слова. Но поскольку не можешь отправиться со мной, о безупречная дева, дай мне какой-нибудь знак, который позволит Раме поверить, что я видел и говорил с тобой.

Сита, подобная дочери богов, отвечала ему слабым голосом, прерываемая рыданиями:

– Знак – это лучшее, что ты можешь сделать для моего господина! Скажи ему: "О Рама, мы жили у подножья восточного склона горы Читракута, недалеко от обители аскетов, где было много кореньев, фруктов и воды, близ реки Мандакини. Гуляя среди цветущих благоухающих рощ, ты искупался в озере, а потом отдыхал на моей груди. В этот момент ко мне приблизился ворон и попытался клюнуть меня, я бросила в него камень. Однако свирепый пожиратель подношений решил ранить меня, не желая оставлять своей жертвы. Я сняла пояс, чтобы ударить птицу, и одежды мои соскользнули с меня. Картина эта рассмешила тебя, а я залилась краской стыда и негодования. Измученная вороном, одуревшим от голода, я бросилась к тебе. Я всё ещё была взволнована и сердита, и ты со смехом успокаивал меня. Лицо мое было мокрым от слез, и ты мягко вытирал мне глаза. Ты с любовью смотрел на меня, разгневанную вороной, о повелитель. Уставшая, о Рама, я уснула на твоей груди, а ты спал на моей, о старший брат Бхараты. Когда я проснулась, ворон вновь приблизился ко мне и, когда я поднялась с твоей руки, клювом ранил мне грудь, о Рагхава. Почувствовав кровь, ты поднялся и увидел мою растерзанную грудь, о длиннорукий герой. Разгневанный, шипя как змея, ты сказал:

– О дева с бедрами, подобными хоботу слона, кто ранил тебя? Кто хочет стать жертвой пятиглавой змеи?

Оглядевшись вокруг, ты заметил ворона с острыми окровавленными когтями, стоявшего передо мной. Эта птица, царственный поток крылатых созданий, сын Индры, с быстротой ветра сокрылся в земле. С глазами круглыми от ярости ты, о длиннорукий воин, решил уничтожить ворона. Сорвав стебель травы куша прямо там, где лежал, ты превратил его в стрелу Брахмы, которая извергала пламя, подобное пламени смерти. Огненная стрела отшвырнула птицу от меня и стала преследовать ее высоко в небе. Ворон облетел все три мира, отвергнутый своим отцом и мудрецами. Наконец, он попытался найти у тебя прибежище, упав на землю и моля о милости. Хотя он был достоин смерти, ты, о Какутстха, покровитель всего живого, из сострадания пожалел его. Обращаясь к нему, истерзанному и печальному, ты сказал: "Это оружие не может не поразить врага, поэтому, скажи, как быть?" Ворон отвечал: "Я отдаю свой правый глаз," и Рамачандра лишил его правого глаза. Почтительно поклонившись Раме, а также царю Дашаратхе, ворон, спасенный этим воином, удалился в свою обитель.

О герой, ради меня воспользовавшийся оружием Брахмы даже против ворона, почему ты позволил демону безнаказанно похитить меня? О лучший из людей, будь сострадателен ко мне и возроди в моем сердце надежду. Я знаю о твоей великой энергии, безграничной стойкости, о твоей удивительной силе, неотразимом могуществе вне пределов времени и пространства. Непобедимый и глубокий, как океан, ты, повелитель земли, величием равен самому Васаве! Ты величайший среди лучников, пылкий и мужественный, неужели ты не направишь своего оружия против демонов? Наги, гандхарвы, боги или маруты – никто не в силах противостоять тебе в битве. Если этот герой сохранил ещё какое-то чувство ко мне, почему до сих пор он не истребил всех демонов своими острыми стрелами? Почему сильный Лакшмана, сокрушающий своих врагов, ещё не освободил меня, покорный воле брата? Если те два тигра среди людей, равные Ваю и Индре, непобедимы для небожителей, почему они равнодушны ко мне? Увы! Должно быть, я повинна в каком-то отвратительном грехе, раз эти герои, повергающие во прах врагов своих, медлят спасти меня несмотря на всё своё могущество!

Ваидехи говорила с глазами полными слез. Могучий Хануман отвечал на ее жалобы:

– О возвышенная дева, я клянусь, Рама изменился в лице, печалась о тебе. Видя брата, охваченного горем, Лакшмана тоже полон печали, это правда, о богиня. Наконец, я нашел тебя, и потому нет более причин для скорби, скоро ты увидишь гибель своих врагов, о прекрасная. Те два тигра среди людей, два царевича безграничной силы, всем сердцем ища встречи с тобой, обратят миры в пепел. Убив отвратительного Равану и всех его родственников, Рагхава вместе с тобой вернется во дворец. Теперь скажи мне, что я должен сообщить

Рама и Лакшману, исполненным доблести, а также знаменитому Сугриве и всем собравшимся обезьянам?

– Низко поклонись повелителю мира, – отвечала Сита, – спроси о благополучии этого покровителя людей, сына Каушалы, и пожелай ему от меня процветания. Передай слова приветствия сыну Сумитры, счастливой матери, который отрекся от гирлянд, драгоценных камней, своей возлюбленной супруги, обширных владений, отца и матери, и нежно простившись с ними, последовал за Рамой. Этот добродетельный царевич, в своей преданности пожертвовавший всеми радостями жизни, последовал за братом Какутстхой в лес, присматривая за ним. Великий, мудрый и красивый, широкоплечий, относившийся к Рамае как отцу, а ко мне – как к матери, доблестный Лакшмана не знал, что я похищена. Почитающий старших, возвышенный и храбрый, немногословный, самый дорогой сердцу старшего брата и достойный своего тестя, берущийся даже за непосильные дела, чья близость скрасила Рамае разлуку с отцом – Лакшмана дороже Рамае, чем я. Передай ему поклоны от меня и передай мои слова. Пусть благородный и добродетельный царевич, любимый Рамой, кроткий и чистый, положит конец моим страданиям, о лучший среди обезьян!

О вожак обезьян, ты должен приблизить день победы! Пусть Рама, вдохновленный тобой, свершит ради меня невозможное. Вновь и вновь повтори ему от меня такие слова: "Мне осталось жить не более месяца, о сын Дашаратхи! По истечении этого срока я буду мертва. Клянусь, я говорю истину! Освободи меня из рук жестокого и злобного Раваны, о герой, подобно Каушики, освободившемуся из ада!"

С этими словами Сита сняла жемчужину, некогда украшавшую ей лоб, которая сияла небесным светом, и передала ее Хануману.

– Отдай это Рагхаве! – попросила она.

Доблестный Хануман взял жемчужину и на его руке она показалась совсем маленькой. Он поклонился Сите и справа налево обошел вокруг нее. Радуюсь, что нашел царевну, Хануман мысленно уже вернулся к Рамае и Лакшману. Взяв дорогое и великолепной работы украшение дочери Джанаки, которое она заботливо хранила в своем сари, Хануман, словно ураган, взлетел на вершину горы. Готовый отправиться в обратный путь, он был безмятежен.

Глава 39

Хануман рассеивает страхи Ситы

Отдавая жемчужину Хануману, Сита сказала:

– Рагхава хорошо знает ее. Жемчужина эта сразу напомнит добродетельному Рамае троих людей – мою мать, меня и царя Дашаратху. О лучший среди обезьян, порученное дело умножит твой героизм, будь внимателен, прилагая необходимые усилия. Ты способен осуществить его, поэтому думай, какой Рамае избрать путь, чтобы положить конец моим страданиям. О Хануман, приложи все свои силы, чтобы спасти меня!

– Быть посему! – отвечал безгранично могущественный сын ветра, и, поклонившись Ваидехи, приготовился в путь. Но увидев, что он отправляется, дочь Видехи, задыхаясь от рыданий, сказала:

– О Хануман, передай мои пожелания счастья Рамае, Лакшмане, Сугриве, его министрам и всем обезьянам! Чистосердечно поведай им о моем благополучии, о драгоценный камень среди обезьян, – Сугриве, его министрам и всем старейшинам обезьяньего рода. Сделай всё что в твоих силах, помогая Рамае выволить меня из океана бед, поглотившего меня.

О Хануман, скажи, чтобы знаменитый Рама освободил меня отсюда, пока я ещё жива, и таким образом вкусил плоды добродетели. Слушая твой рассказ обо мне и мысленно встретившись со мной, сын Дашаратхи, преисполненный доблести, почувствует, что решимость и отвага его возрастут в сотни раз. Героический Рама, услышав от тебя мою мольбу освободить меня, воодушевится явить свою безграничную доблесть.

Хануман, сын Маруты, со сложенными ладонями отвечал Сите:

– Скоро Какутстха придет, ведя за собой могучую армию обезьян и медведей, и, одержав верх над врагами в сражении, развеет твою печаль. Я не знаю никого среди смертных, демонов или богов, кто смог устоять перед его стрелами. Он бросит вызов даже богу солнца, Индре или самому Яме в бою, готовый покорить всю землю, омытую океанами, о радость Джанаки!

Правдивые, приятные слуху и выразительные слова Ханумана были полны преданности к его повелителю, и Джанаки прониклась ещё большим уважением к этому герою. Он уже готов был покинуть ее, и, глядя на него вновь и вновь, она почтительно обратилась к нему, движимая преданностью своему супругу:

– Если возможно, помедли ещё день, о покоритель врагов! Отдохни в каком-нибудь укромном месте, а завтра отправишься в путь! Пока ты здесь, я забываю о своем несчастье, о обезьяна, ты принес мне искру счастья. Но завтра ты уйдешь, о лев среди обезьян, и жизнь моя будет в опасности, пока ты не вернешься, в этом нет сомнений. Одиночество умножит мои муки и под бременем горя, о герой, меня будут терзать сомнения: "Как могущественный царь со всей огромной армией обезьян и медведей, а также как два царевича преодолеют бескрайний океан?" Во всех мирах есть только три созданыя, способные пересечь океан – это Гаруда, ты и Марута! Перед лицом этого непреодолимого препятствия у тебя есть надежды на успех, о самый умелый герой? Конечно, для тебя это не помеха, о разрушитель врагов, но ты один завоеешь славу. Если же Рама вместе со своей армией уничтожит Равану и, освободив меня, вернется в свою столицу, это будет достойный его подвиг. Я уверена, Какутстха преодолеет океан, осадит Ланку и освободит меня. Сделай все, чтобы славный воин явил свою безграничную доблесть!

Хануман мягко отвечал взволнованной Сите:

– О царевна, повелитель лесных медведей и обезьян, могучий Сугрива твёрдо намерен освободить тебя. Немедля этот покоритель демонов явится сюда во главе миллионов обезьян. Доблестные, сильные и исключительно храбрые обезьяны, быстрые, как мысль, ни на шаг не свернут с пути. Никогда не теряющие мужества, наделенные необычайной силой, они всегда верны зову и воле Сугривы. Выносливые и стойкие, они ни единожды обошли землю со всеми ее горами и морями, идя дорогами ветра. Среди них некоторые равны мне, некоторые превосходят, но во всем обширном окружении Сугривы нет никого, кто уступал бы мне в достоинствах. Если я достиг Ланки, то нет никаких сомнений в том, что и остальные доблестные обезьяны сделают это! С поручениями посылают не самых лучших, а подчиненных. О царевна, у тебя нет причин для беспокойства, довольно горевать. Одним прыжком славные обезьяны достигнут Ланки, а братья, подобные восходящим солнцу и луне, достигнут тебя, сидя на моих плечах.

Убив Равану и его орду, Рагхава, радость династии Рагху, заберет тебя, о прекрасная дева, чтобы вместе вернуться в свой столичный город. Поэтому наберись мужества и счастья, верь, придет тот час. Рано или поздно ты увидишь Раму, сияющего, как огонь. Повелитель демонов будет убит вместе с сыновьями, советниками и родственниками, ты вновь встретишься с Рамой, подобно Рохини с богом луны. Скоро ты увидишь конец своих страданий, о божественная Маитхили! У тебя на глазах Равана падет под ударами Рамы!

Утешив дочь Видехи, Хануман, сын Маруты, приготовился в путь.

– Скоро у ворот Ланки ты увидишь Рагхаву, покорителя врагов, – добавил он, – а также Лакшмана, с луками в руках. Рано или поздно ты увидишь доблестных обезьян, мужественных, как львы и тигры, подобных повелителю слонов, в сражении пускающих в ход острые когти и зубы. О благородная, ты увидишь огромную армию обезьян, похожую на холмы или облака, ревущую на плоскогорьях Малаи и Ланки. Словно слон во власти льва, Рама глубоко ранен острой стрелой бога любви! О богиня, не плачь больше, изгони страх и печаль из сердца. Ты встретишься со своим супругом, о прекрасная, как Сачи встречается с Индрой. Кто может превзойти Раму? Кто равен Саумитри? Эти два брата, подобные ветру и огню, – твоя поддержка. О богиня, недолго тебе осталось жить в этой обители отвратительных демонов. Твой возлюбленный не замедлит явиться сюда, потерпи до моего возвращения!

Глава 40

Хануман покидает Ситу

Сита, подобная дочери богов, многозначительно отвечала великодушному сыну Ваю:

– Как дождь дает созреть зерну, ты оживил мое сердце, о Хануман, своими сладостными словами о моем возлюбленном. Из сострадания ко мне, изнуренной страданиями, сделай все, чтобы я поскорее встретилась с тем тигром среди людей. О славная обезьяна, напусти ему, как в гневе травинкой он лишил глаза ворона и как нарисовал тилаку мне на щеке, когда она стерлась у меня на лбу, наверняка он помнит об этом. Скажи: "О доблестный герой, подобный Индре, ты допускаешь похищение Ситы и ее пребывание в плену у демонов? Я сохранила эту небесной красоты жемчужину, украшавшую мой лоб. В глубокой печали я часто смотрела на нее, как если бы это было твое лицо, о безупречный герой! Отдав этот камень, я не проживу долго, находясь во власти горя. Ради тебя, о Рама, я вынесла тяжкие страдания и подверглась опасности со стороны демонов, разрывавших мне сердце! О покоритель врагов, мне осталось жить лишь месяц, по истечении этого срока я расстанусь с жизнью вдали от тебя. Если я узнаю, что ты медлишь прийти мне на помощь, я сразу же умру."

Видя слезы и скорбь Ваидехи, могущественный Хануман отвечал:

– О богиня, к несчастью, ты недооцениваешь достоинств Рама, я клянусь, это правда. Я видел Рама, охваченного печалью, и подавленного Лакшмана. Теперь, когда я нашел тебя, более нет причин для скорби! Скоро, скоро ты увидишь гибель своих врагов, о прекрасная царевна! Безгрешные царевичи, лучшие среди людей, стремясь увидеть тебя, обратят Ланку в пепел. Убив Равану в сражении, эти потомки Рагху заберут тебя в свой город, о большеглазая дева! О безупречная дева, теперь ты должна дать мне что-нибудь знакомое Рама, что порадует его душу.

– Я уже дала тебе замечательный знак. Увидев этот камень, Рама сразу же поверит каждому твоему слову.

Взяв превосходную жемчужину, царевич обезьян склонил голову перед Ситой и решил отправляться в обратный путь. Сита увидела, как могущественный Хануман увеличился в размерах и, полный сил, приготовился к прыжку. Лицо ее тут же стало мокрым от слез, подавляя рыдания, она сказала:

– О Хануман, не забудь передать мои добрые пожелания Рама и Лакшману, которые напоминают двух львов, а также Сугриве и его окружению. Постарайся, чтобы длиннорукий Рагхава освободил меня из океана страданий, пленившего меня. Вернувшись, поведай ему о моей жестокой горестной печали и угрозах демонов! Процветания тебе, о вожак обезьян!

Получив последние наставления Ситы, Хануман, исполнивший поручение и всем сердцем ликующий от радости, мысленно уже достиг северных земель.

Глава 41

Хануман разрушает ашоковую рощу

Хануман расстался с Ситой и подумал о том, что ему ещё осталось сделать, раз он уже нашел темноокою царевну. Он перебрал в уме три пути достижения успеха – переговоры с врагом, дары и возможность посеять раздоры – и остановился на наказании, что показалось ему наиболее подходящим: "Переговоры с демонами не приведут ни к чему хорошему," размышлял он, "дары богатым тоже не принесут плода. Опьяненных властью не покорить раздорами. Поэтому мне остается только открыто явить свою доблесть. В сложившихся обстоятельствах никак иначе я не смогу окончательно выяснять силы демонов. Позиции их ослабнут в предстоящем сражении, только если сейчас убить их лучших воинов. Искусный посланник достигает главной цели и осуществляет множество других обязанностей, не подвергая риску основное дело. Неразумно тратить все силы на исполнение не столь важного поручения, но мудр тот, кто малыми усилиями достигает многого. Хотя миссия моя исполнена,

всё же, возвращаясь в страну обезьян, я должен узнать силы врага в сражении и тем самым до конца исполнить волю Сугривы. Как же мне поступить, чтобы достичь желаемого? Как вызвать столкновение с демонами и заставить десятиглавого Дашагриву явить свою силу? Встретившись лицом к лицу с Дашагривой в сражении, увидев его советников, армию и колесничего, я без труда разгадаю его намерения и затем покинул Ланку. Я разорю эту прекрасную рошу, напоминающую райские сады Нандана и чарующую взор, полную удивительных деревьев и лиан. Я уничтожу ее, как лесной пожар истребляет сухие деревья, и это приведет Равану в ярость. Царь демонов созовет свою огромную армию, вооруженную трезубцами и железными копьями, вместе с конницей, колесницами и слонами, и завяжется сражение. Всей своей силой я обрушусь на демонов и, разбив воинов Раваны, благополучно вернусь к царю обезьян."

С этим намерением Марути, словно свирепая буря, с невероятной силой принялся выкорчевывать лианы и деревья, разламывая их о свои крепкие округлые бедра, под трубные крики обезумевших слонов. Вырванные деревья, разбитые основания, разворочанные верхушки холмов – всё прекрасное пришло в запустение. Деревья и лианы с красноватыми почками засохли, казалось, огонь истребил всю рошу. С разбросанными повсюду цветущими побегами и ветками она напоминала женщину, чьи одежды пришли в беспорядок. Поросшие травой лощины и чарующие беседки превратились в руины, тигры, лани и птицы кричали от страха, величественные строения разрушились, прекрасный сад лишился былой красоты. Хануман разорил рошу, принадлежавшую женщинам из личных покоев монарха, где они обычно предавались развлечениям. Украшенная тенистыми аллеями из деревьев ашока, увитых лианами, она превратилась в груды руин. Желая вызвать гнев могущественного повелителя земли и в одиночку сразиться с многочисленными доблестными демонами, Хануман встал в воротах, пылая, как огонь.

Глава 42 Смерть Кинкаров

Крик птиц и грохот падающих деревьев вызвал ужас среди жителей Ланки. Повсюду бегали обезумевшие звери, летали птицы, появились дурные предзнаменования. Проснулись свирепые на вид демоницы и увидели рошу, разоренную могучей и героической обезьяной. Чтобы испугать их, длиннорукий Хануман, полный энергии, стал увеличиваться в размерах, и демоницы, глядя на него, огромного, как гора, и наделенного невообразимой силой, спросили дочь Джанаки:

– Что это за создание? Откуда оно появилось здесь? Почему он говорил с тобой? Скажи нам, о большеглазая дева, не бойся, о темноокая прекрасная дева.

– Демоны могут по желанию менять обличье, как же я распознаю их? – отвечала добродетельная Сита безупречной красоты. – Вам должно быть известно, кто это и откуда! Без сомнений, змеям открыты тайны змеиного хвоста! Я в ужасе, мне неизвестно это чудовище. Наверное, это демон изменчивого лица, посетивший Ланку!

Демоницы со всех ног бросились бежать, кто-то из них остался, а кто-то поспешил сообщить Раване о том, что огромная обезьяна разорила сад Ашока.

– О царь, в саду появилась невероятных размеров и силы обезьяна, которая говорила с Ситой. Мы просили дочь Джанаки с глазами лани сообщить нам, что это за обезьяна, но она ничего не сказала. Возможно, это шпион Индры, Куверы или самого Рамы, который разыскивает Ситу. Эта обезьяна странного облика полностью разрушила твой прекрасный сад, обитель диковинных птиц и животных. Не сохранилось ни клочка земли, уцелело лишь то место, где находилась божественная Джанаки. Может быть, чудовище это оберегало ее или почувствовало усталость. Но оно неутомимо, и потому мы думаем, что оно появилось здесь из-за этой женщины. Великан не тронул дерева ашока, покрытое цветами и прекрасной листвой, в тени которого нашла прибежище Сита. Ты должен сурово воздать этой гигантской

твари, беседовавшей с Ситой и разорившей сад Ашока. О повелитель демонов, кто смеет говорить с нею, не боясь твоего отмщения?

Глаза Раваны, повелителя демонов, округлились от ярости, когда слушал демониц, он пылал, как погребальный огонь, слезы гнева покатались из его глаз, словно капли горячего масла из горящего светильника. Могущественный монарх приказал демонам Кинкарам, не уступавшим ему силой, схватить Ханумана, восемь тысяч слуг тут же покинули дворец с кривыми железными ножами и булавами в руках. С огромными животами, точащими зубами, отвратительные с виду, доблестные и полные воинского пыла, все они горели желанием одолеть обезьяну. Приблизившись к Хануману, который стоял в воротах, готовый сражаться, могущественные демоны ринулись на него, словно мотыльки на огонь. Вооруженные палками и пиками они окружили Ханумана и пошли в атаку.

Сын Маруты, сильный и мужественный, подобный холму, стал бить и размахивать хвостом, реветь и увеличиваться в размерах. Рев его гремел по всей Ланке. От шума со свистом размахивающегося хвоста и рева Ханумана птицы падали в полете.

– Победа могущественному Раме и доблестному Лакшману! – громко провозгласил он. – Победа Сугриве, которому покровительствует Рагхава! Я слуга Рамы, повелителя Кошалы бессмертных подвигов! Я – Хануман, громящий вражеские армии, сын Маруты. Тысяч таких, как Равана, не могут устоять передо мной в сражении, когда я давлю их тысячами деревьев и глыбами скал! У демонов на глазах я разрушу город Ланку и, выразив почтение Маитхили, достигну желанной цели!

Грохочущий голос Ханумана привел демонов в ужас, они смотрели на него, возвышавшегося над ними до самых небес, как огромное вечернее облако. Поняв, что обезьяна эта послана своим хозяином, они, послушные приказу повелителя демонов и хорошо вооруженные, со всех сторон напали на него. Оказавшись во вражеском кольце, могущественный Хануман схватил железный брус, стоявший у ворот, и размахнувшись, обрушил его на демонов, напоминая потомка Виниты, несущего бьющуюся змею. Покрепче схватив своё оружие, доблестный герой принялся крушить демонов, легко двигаясь из стороны в сторону, словно тысячеглазый Индра, своей неотразимой молнией разящий Даитьев. Убив всех демонов, героический и могущественный сын Маруты, жажда сражения вновь встал в воротах. Несколько уцелевших демонов сообщили Раване о гибели всех его слуг. Услышав о гибели сонмов демонов, царь с вращающимися от гнева глазами призвал сына Прахасты безмерного мужества, непобедимого в бою.

Глава 43

Хануман сжигает храм

Убив Кинкаров, Хануман подумал: "Я разорил рощу, но не заметил священного храма. Сейчас я разрушу это святилище!" Одним прыжком доблестный сын Маруты достиг храма, высокого как гора Меру, и забрался на его величественную верхушку. Подобный горе вожак обезьян, ослепительно сияя, словно солнце, принялся крушить храм, оваянный славной, словно гора Париятра. Гигантских размеров знаменитый и бесстрашный сын Маруты своим ревом поверг всю Ланку в трепет. Испуганные и оглушенные шумом птицы и стражники храма без чувств попадали наземь.

– Победа Раме, искусно владеющему оружием, и мужественному Лакшману! – закричал Хануман. – Победа царю Сугриве, союзнику Рамы! Я Хануман, сокрушитель вражеских армий, сын Маруты и слуга Рамы, царя Кошалы, свершившего бессмертные подвиги! Когда я расшвыриваю деревья и скалы, даже тысяча демонов, подобных Раване не устоят передо мной в сражении. Разрушив город Ланку и выразив почтение дочери царя Митхилы, я исполню свою миссию и отправлюсь в обратный путь.

Громадный вожак обезьян произнес эти слова, возвышаясь на крыше величественного храма. Его рев и производимый шум вселяли ужас в сердца демонов. На шум из храма вы-

шли сотни храмовых стражников с оружием на перевес, дротиками, кривыми турецкими саблями, стрелами и топорами. Окружив Марути, они обрушились на него, размахивая палицами, отделанными золотом. Сонмы демонов, налетевшие на великую обезьяну тысячами сверкающих как солнце стрел, походили на водоворот в Ганге. Сын Марути, могущественный Хануман, приняв устрашающий облик, вырвав из храма огромную колонну, отделанную золотом, которая сияла сотней лучей, стал с величайшей силой вращать ею, извлекая из нее огонь, который охватил весь храм. Увидев, что храм горит, вожак обезьян быстро разделался с сотнями демонов, словно Индра, молнией разящий демонов. Застыв в небесах, он торжественно прокричал:

– Тысячи вожakov обезьян, подобные мне, доблестные и сильные, по приказу Сугривы обошли всю землю. Среди них одни обладают силой слонов, другие в десять раз сильнее, а третьи – в тысячу. Одни сильны, как стадо слонов, другие – как ветер, а некоторые наделены неизмеримой силой. Такие обезьяны, вооруженные зубами и острыми когтями, сотнями, тысячами и миллионами придут вместе с Сугривой истребить всех вас. Ни город Ланка, никто из вас, ни Равана не смогут уцелеть, поскольку вы навлекли на себя гнев героя в династии Икшваку!

Глава 44 Гибель Джамбумалина

По приказу царя демонов с луком в руках вперед выступил Джамбумалин, доблестный сын Прахасты с огромными зубами. С гирляндой на шее, в красных одеждах, с короной на голове и алмазными кольцами в ушах, непобедимый воин огромного роста, свирепо вращая глазами, нес свой громадный лук и сияющие стрелы. Каждый шаг этого воина, равного Индре, сопровождался грохотом, напоминающим раскаты грома. Небеса и четыре стороны света в один миг огласились звуком тетивы, которую он натянул на своем луке. Видя, как он приближается на колеснице, запряженной ослиами, Хануман величайшей силы издал победный клич. Могущественный Джамбумалин пронзил врага своими острыми стрелами: лицо вожака обезьян он изранил серповидными стрелами, голову – одной стрелой с опереньем, а руки – десятью с железными наконечниками. Медно-красное израненное лицо Ханумана сияло как осеннее облако, озаренное лучами солнца. Покрытый ярко-красными пятнами крови он напоминал красный лотос в небе, окропленный каплями золота. Вражеские стрелы разгневали могущественную обезьяну и, увидев поблизости огромную скалу, Хануман поднял ее и с силой швырнул в своего противника, который в ответ выпустил десять стрел.

Увидев тщетность своих усилий, Хануман в ярости вырвал могуче дерево шала и стал бешено вращать им в воздухе, и тогда могущественный Джамбумалин выпустил бесчисленные стрелы: четырьмя он разнес на куски дерево шала, пятью ранил руки великого героя, одной – живот и десятью – грудь. Весь пронзенный стрелами, во власти неистового гнева Хануман схватил булаву и с огромной силой швырнул ее в могучую грудь своего противника. Через мгновение уже невозможно было различить его голову, руки, бедра, лук, колесницу, коней или стрелы – Джамбумалин, могучий воин на колеснице, рухнул наземь, словно срубленный дуб, члены его и украшения были разбиты.

Услышав о смерти Джамбумалина и могущественных Кинкаров, Равана воспылал неистовым гневом. Яростно вращая глазами, повелитель демонов отдал приказ идти в атаку сыновьям своих министров, отличавшихся необычайной доблестью и силой.

Глава 45 Хануман убивает сыновей царских министров

Семь храбрых сынов министров Раваны, послушные воле своего государя, величественные, как огонь, выступили из дворца. Сопровождаемые огромной армией, вооруженные луками, сильные и искусно владеющие оружием, это были лучшие воины Раваны, и каждый из

них жаждал победы. Возвышаясь на огромных колесницах, запряженных конями, отделанных золотом и украшенных стягами, они мчались, грохоча, как раскаты грома. Несравненно-го мужества воины, они выступили вперед, натягивая свои луки, отделанные золотом, напоминая вспышки молнии среди облаков. Их матери, зная о смерти кинкаров, пребывали в беспокойстве, также как их друзья и родственники. Вдохновляя друг друга, облаченные в золотые доспехи, они ринулись на Ханумана, который стоял прямо у ворот.

Из своих грохочущих колесниц они выпускали бесчисленные стрелы, словно облака в период дождей. Ханумана не было видно за этим потоком стрел, как царя гор, сокрытого дождем. Хануман искусно уклонялся от их стрел и быстро двигавшихся колесниц, извиваясь в воздухе и напоминая Индру, развлекающегося с облаками, своими лучниками. Издав могучий клич, ужаснувший сонмы демонов, доблестный герой прыгнул на них. Сокрушая врагов, Хануман бил их ладонями и ногами. Одних награждал кулаками, других рвал зубами, третьих валил грудью и бедрами, а остальные падали наземь, сраженные силой его голоса.

Вскоре воины мертвыми лежали на поле сражения, остальная армия в ужасе разбежалась во все стороны. Слоны ревели, повсюду валялись убитые кони. Земля была покрыта обломками колесниц, знамен, седел и пологов. По улицам текли реки крови, Ланку оглашали устрещающие крики. Расправившись с могущественными демонами, героический и мужественный Хануман, горя желанием померяться силами с демонами, снова встал в воротах.

Глава 46

Гибель пяти генералов вражеской армии

Известие о смерти храбрых сыновей министров, павших под ударами великой обезьяны, потрясла Равану. С потемневшим лицом, скрывая обуявший его страх, он принял решение, которое считал окончательным. Дашагрива повелел генералам, возглавлявшим его многочисленные воинские силы – Вирупакше, Юпакше, Дурдхарше, Прагхасе и Басакарне – которые владели стратегией боя, были быстрыми, как ветер, храбрыми и искусными воинами, пленить Ханумана.

– Доблестные генералы, – обратился к ним Равана, – возглавьте пять отрядов на быстрых конях, колесницах и слонах и возьмите эту обезьяну в плен. Приблизившись к ней, будьте осмотрительны, действуйте согласно времени и месту. Судя по ее поведению, это вовсе не обезьяна, потому что враг наш необычайно доблестен и силен. Я думаю, это какое-то божественное создание, не обезьяна. Возможно, он посланец, созданный аскезами Индры, чтобы погубить нас. Послушно исполняя мои приказы, вы одержали блестящие победы над нагами, якшами, гандхарвами, девами, асурами и великими риши. Несомненно, они задумали какой-то коварный план против нас, поэтому схватите этого посланца.

О генералы, пусть каждый из вас выведет на поле сражения огромные воинские силы на конях, колесницах и слонах, чтобы взять его в плен. Прежде я видел обезьян, наделенных непомерной силой, таких как Бали, Сугрива, необыкновенно могущественный Джамбаван, генерал Нила и другие, такие как Двивида, но ни походкой, ни силой, ни доблестью, ни разумом, ни поведением или способностью принимать любой облик они не внушают тревоги. Однако мы имеем дело с каким-то великим созданием, которое выдает себя за обезьяну. Хотя все три мира вместе с Индрой, богами, демонами и людьми не могут противостоять вам в сражении, потребуется немало сил, чтобы одолеть его. Тем не менее даже закаленный воин, стяжая победу на поле брани не спасет свою жизнь, не прилагая усилий, потому что исход сражения неизвестен.

Послушные воле своего повелителя, доблестные демоны, сверкающие как огонь, поспешно выступили вперед, сопровождаемые хорошо вооруженными воинами на колесницах, запряженных быстрыми конями, и слонах, опьяненных соком мада. Наконец, эти воины увидели в воротах могущественную обезьяну, сияющую как солнце, поднимающееся из-за горизонта в ореоле ослепительных лучей. Противник их обладал непомерной силой и быстротой движений, был очень разумен и храбр, у него были огромные руки и крупная фигура.

Несмотря на страх, который его облик внушал им, демоны со всех сторон напали на него со своим смертоносным оружием. Дурдхарша выпустил Хануману в лоб пять острых железных белых и желтых стрел, сверкавших как лепестки лотоса. Раненный Хануман подпрыгнул в воздухе, огласив десять сторон света своим криком. Тогда Дурдхарша, стоя в своей колеснице, снова натянул лук и выпустил сразу сто стрел, но Хануман, словно ветер, гонящий облака, остановил их, затмивших небо, и избавился от нанесенной раны. Потомок ветра увеличился в размерах и с громким ревом одним прыжком внезапно напал на колесницу Дурдхарши, словно молния, ударившая в гору. Кони его упали искалеченными, столб и копьё сломались, а сам генерал мертвым лежал на земле.

Увидев сраженного Дурдхаршу, Вирупакша и Юпакша в великом гневе набросились на Ханумана, нанося ему удары своими палицами, бия в грудь длиннорукого воина, возвышавшегося над ними. Встречая их удары и уклоняясь от стрел, могущественный Хануман, сын Анилы, внезапно ринулся вниз, подобно коршуну. Вырвав огромное дерево шала, он яростно напал тех двух демонов, осыпая их ударами. Потомок бога ветра убил двух могучих и героических генералов Раваны. Услышав о гибели трех демонов от руки обезьяны, необыкновенно быстрый и мужественный Прагхаса набросился на врага, презрительно хохоча. Отчаянно смелый и разъяренный Басакарна с копьем в руках напал на Ханумана с другой стороны. Прагхаса острым топором, а Басакарна копьем ранили в кровь этого льва среди обезьян, члены его были истерзаны их разящим оружием. Разгневанная героическая обезьяна походила в эти мгновенья на восходящее солнце. Сорвав вершину горы вместе с ее зверями, змеями и деревьями, великий Хануман обрушил ее на головы демонов и растер их в пыль.

Расправившись с пятью генералами, он разметал остальные сонмы врагов. Подобно Индре, истреблявшему демонов, Хануман сталкивал коней с конями, слонов со слонами, колесницы с колесницами, и воинов с воинами, неся смерть каждому. Вся земля и дороги были запружены телами коней, слонов, демонов, огромными разбитыми колесницами со сломанными осями. Разбив героических генералов и все их силы, Хануман, словно само время, приостановив разрушение миров, занял своё место в воротах.

Глава 47 Смерть Акши

Узнав, что Хануман разбил пять генералов и все их силы, царь демонов с надеждой посмотрел на юного Акшу, полного воинского пыла, который сидел перед ним. Нетерпеливый воин, вооруженный луком, отделанным золотом, весь напрягся в ответ, словно вспыхнувшее на жертвоприношении пламя, когда великие мудрецы вливают в него топленое масло. Он взошел на колесницу, которую обрел в награду за совершенное жертвоприношение, отделанную чистым золотом, украшенную флагами, расшитыми жемчугом, и запряженную восьмеркой быстрых, как мысль, коней. Непобедимая для богов и демонов, преодолевающая любые обстоятельства, пылающая как молния, великолепно работы, странствующая в просторах космоса, снабженная колчанами, стрелами, восемью мечами, копьями и дротиками, приготовленными в боевом порядке, обвязанная золотыми веревками, колесница Акши сверкала многочисленным оружием. Украшенная золотыми гирляндами, сиянием она соперничала с солнцем и луной. Топот коней, слонов и великих колесниц Акши заполнил небосвод, землю и горы.

Во главе несметных сил демон ринулся на обезьяну, стоявшую в воротах. Представ перед врагом, Акша львиным взором, полном уважения и восторга, измерил Ханумана, готового истребить всё живое во вселенной, словно огонь в час уничтожения миров. Могучий сын Раваны, оценив исключительную доблесть обезьяны в битве с врагами и собственные силы, раздулся от гордости, напоминая солнце перед гибелью вселенной. Собрав всё своё мужество, разгневанный, он твёрдо занял свое положение на поле битвы и, сосредоточившись, бросил вызов невообразимо доблестному Хануману, непобедимому в сражении, выпустив в него

три стрелы. Наблюдая за отчаянно смелой обезьяной, не ведающей усталости, Акша, привыкший побеждать врагов, гордый, поднял свой лук и приготовил стрелы.

Сверкая золотым поясом и браслетами, в чудесных серьгах с великим воинским пылом Акшма бросился на обезьяну. Завязалась ужасная битва, которой не видел еще мир, скованная ужасом сердца богов и демонов. Видя битву обезьяны и молодого демона, земля стонала, солнце более не согревало мир своими теплыми лучами, ветер стих, горы дрожали. Небосвод гудел, а океан содрогался. Юный герой, всегда достигавший желаемого, нацелился и выпустил обезьяне в лоб три острых крылатых стрел, отделанных золотом и напоминающих ядовитых змей. Раненный вонзившимися смертоносными стрелами Хануман, чьи глаза ослепли от потока крови, хлынувшей из рассечённой брови, походил на восходящее солнце. Доблестный советник повелителя обезьян смотрел на потомка великого монарха, поднявшего великолепный сверкающий лук, и ликуя, со всей силы бросился вперед. Хануман напоминал солнце в ореоле лучей, восходящее над вершиной горы Мандара. Пылая гневом, полный сил, он испепелял свирепым взглядом юного Акшу и его воинские силы. Подняв лук, как у Индры, демон обрушил на врага могучий поток разящих стрел, словно облако, обильно поливающее дождями величественную гору. Хануман, не сводя глаз с юного Акши, полный гнева, доблести и силы, издал громкий клич и, словно слон, приблизившийся к яму, сокрытой в траве. Юный и неопытный Акша, гордый своей доблестью, еле сдерживая ярость приблизился к несравненному воину. Хануман, раненый стрелами, издал громкий рев, словно грозовое облако, и, став огромный, как гора, полный сил и энергии стал размахивать руками и ногами, поднимая вихрь. Подпрыгнув в воздухе, доблестный демон, посылая потоки стрел, сам бросился на Ханумана. Лучший среди демонов, искусный в бою, величайший воин на колеснице, мужественный Акша, осыпал врага градом стрел. Ловко уклоняясь от этих стрел, героическая обезьяна с быстротой ветра и мысли стала удаляться, не касаясь земли.

Бросая гордые взгляды на Акшу, вооруженного луком и стрелами, жаждущего сражения и заполонившего небо тучами стрел, потомок ветра задумался. Из его груди, растерзанной стрелами юного и могущественного героя, вырвался грозный крик. Узнав искусного Акшу и взвешивая его воинские достоинства, Хануман подумал: "Этот великий и могущественный воин, сияющий, как сын солнца, славен подвигами, которые не по силам юнцу. Мне не хочется убивать противника, не уступающего мне в воинском искусстве. Он благороден, полон отваги, сосредоточен и вынослив, он достоин уважения великих мудрецов, нагов и якшей. Его сила и мужество дают ему благородную твёрдость. Стоя передо мной, он честно и прямо смотрит мне в глаза. Поистине, героизм этого отчаянно смелого воина вызовет трепет даже в сердцах богов и самих демонов. Такой противник недостоин презрения, доблесть его растёт в бою. Если я недооценю, он победит меня, и потому я должен убить его. Нельзя пренебрегать распространяющимся огнем." Мысленно взвесив силы врага и свои собственные, могущественный Хануман безмерной силы решил убить противника.

Доблестная обезьяна, рожденная Паваной, летая в небе, одной ладонью сразила восемь превосходных коней Акши, крупных и выносливых в бою. Громадная колесница перевернулась от удара советника царя обезьян, ось ее сломалась крепления порвались, убитые кони с небес упали наземь.

Сойдя с колесницы с луком и мечом в руках юный воин, сын Раваны, подпрыгнул в воздух, словно аскет, ценой своих аскез вознесшийся на небеса в момент смерти. Поднявшись в небеса, обитель царя птиц, ветра и небожителей, Хануман, одним прыжком схватил Акшу за ноги, словно Гаруда, несущий змею, и с силой, не уступающей силе ветра, его отца, раскрутил и швырнул наземь. С разбитыми руками, бедрами и грудью, они истекали кровью. Его кости и глаза разлетелись в разные стороны, кости расчленились, сухожилия разорвались. Сын Раваны был мертв, сраженный потомком Маруты.

Затем могущественная обезьяна принялась топтать ногами своих противников, вызывая ужас в сердце повелителя демонов. Собрались все риши, чакрачары, бхуты, якши, паннаги и суры во главе с Индрой, пристально и с изумлением взирая на Ханумана, повергнутого юного демона. Сын ветра, чьи глаза горели от потоков крови, пролитой на поле сражения, вновь

вернулся к воротам и замер в ожидании, напоминая саму смерть во время уничтожения всего живого во вселенной.

Глава 48

Хануман позволяет демонам пленить себя

Скрывая волнение, разгневанный Равана, пораженный гибелью юного Акши, повелел Индражиту, подобному богам, выйти на поле сражения:

– Ты лучший среди носящих оружие, в битве разящий даже богов и демонов. Ты известен среди воинов, милостью Брахмы обретя божественное оружие. Ты непобедим даже в сражении с Марутами, возглавляемыми Индрой. Нет в трех мирах такого неутомимого воина, как ты. Тебя хранят сила твоих рук и доблесть. Умело использующий время и обстоятельства, искусный воин, для тебя нет ничего невозможного на поле боя, ты можешь предусмотреть каждую мелочь. Все три мира знают о твоём аскетизме, в котором ты не уступаешь мне, а также о твоей доблести и силе твоих рук в сражении. Полагаясь на тебя, я не беспокоюсь об исходе борьбы.

По правде говоря, я не возлагал больших надежд на тех, кто побежден, но в тебя я верю, о сокрушитель своих врагов. Я не особенно полагался на кинкаров или Джамбумалина, сына моего советника, на пять генералов, выступивших во главе пяти огромных армий на конях, слонах и колесницах, или на юного и дорогого моему сердцу Акшу, убитого обезьяной. О герой, ты несомненно превосходишь их всех, и поэтому, рассчитай силы и поскорее предприми что-то во избежание гибели всей нашей армии. О лучший среди носящих оружие, оцени свою доблесть и храбрость противника, который спокойно отдыхает после кровавого избиения сонмов врагов, и уничтожь его.

Огромные воинские силы бежали от него, безоружного, и потому бесполезно брать с собой армию. Марути неудержим и быстр, как Агни, никакое оружие не берет его. Обдумай все это и, веря в божественную силу своего лука, всецело стремясь к успеху, постарайся превзойти своего врага, умело отражая его атаки. Я не намерен рисковать тобой, о лучший среди обладающих разумом, но воины приветствуют подобные решения царя, изреченные из чувства долга. На войне нужно хорошо знать традиции и воинскую науку, чтобы выйти из нее с победой.

Вняв отцовской воле, доблестный, как сын Дакши, Индражит, обошел вокруг него и, полный воинского пыла, приготовился к бою. Окруженный любовью и уважением своих ближайших спутников, он выступил навстречу врагу. Сияющий сын царя демонов, чьи глаза напоминали лепестки лотоса, стремительно мчался вперед, словно океан в полнолуние. Необычайно доблестный Индражит, равный Индре, возвышался на своей колеснице, быстрой как птица или ветер, запряженной четырьмя львами, сверкавшими ослепительно белыми зубами. Искусный стрелок, владеющий любым оружием, лучший среди воинов, спешил туда, где ждал его Хануман.

Услышав грохот колес и звон натягиваемой тетивы, великий герой почувствовал прилив сил. Индражит, в совершенстве владевший искусством ведения войны, бросился к Хануману, крепко сжимая в руках лук и со стальными наконечниками стрелы. С каждым мгновением, вооруженный и беспечный, он становился все ближе и ближе, и все стороны света погрузились во тьму, оглашенные ужасающим воем шакалов. В небесах собрались наги, якши, махариши, чакрачары и сиддхи, пронзительно кричали птицы. Глядя на несущуюся на него колесницу с развевающимся флагом Индры, Хануман издал громкий крик и стал увеличиваться в размерах. Индражит, стоя в божественной колеснице, убрал за спину свой чудесный лук и тоже издал воинский клич, подобный раскатам грома.

Через мгновение завязалась битва меж обезьяной и сыном царя демонов, двумя могущественными героями, словно бились Индра, царь небес, с Бали, повелителем демоном. Пренебрегая опасностью, они начали сражаться. Хануман отразил стремительный натиск армии доблестного стрелка, а превосходный воин, не покидая великолепной колесницы, с необы-

чайной ловкостью выпускал в воздух мириады стрел. Затем героический Индраджит, сокрушитель врагов, одну за другой стал выпускать свои длинные, с чудесным оперением и острыми золотыми наконечниками стрелы, быстрые, как молния.

Слыша грохот колесницы, удары барабанов, сливающиеся со звуком натягиваемого лука, Хануман стал прыгать то в одну сторону, то в другую. Могущественная и ловкая обезьяна искусно увертывалась от потока стрел целившегося в нее проворного лучника. Вытягивая руки, Хануман, сын Анилы, подпрыгивал в воздух, уклоняясь от выпущенного в него оружия. Сражение двух искусных и решительных воинов, необычайно подвижных и опытных в военном искусстве, изумляя все живое. Как демону не удавалось застать Ханумана врасплох, так и Марути не мог превзойти Индраджита, когда они с силой набрасывались друг на друга, являя мужество, достойное богов.

Видя противника своего целым и невредимым, хотя стрелы его никогда не знали промаха, Индраджит, не теряя самообладания, глубоко задумался о Ханумане и понял, что его невозможно убить. Искусный воин, тогда он принялся размышлять о том, как крепко связать его, и с силой выпустил в знаменитую обезьяну могущественное оружие, дарованное ему Брахмой. Чувствуя, что не сможет убить Ханумана, опытный в стратегии Индраджит с помощью этого оружия связал потомка бога ветра.

Хануман, сраженный оружием Брахмы, которое выпустил демон, без чувств упал на землю. Но зная, что держит его стрела Господа, он не почувствовал ни малейшей боли. Утратив свою силу, он размышлял о благословениях Брахмы. Героический Марути вспоминал о благословениях, дарованных ему Брахмой, и, размышляя о связавшем его оружии самородного, освященном мантрами, подумал: "Мне не следует искать освобождения от могущественного оружия гуру мира. Он предопределил мое поражение, и мне должно его стерпеть." Поразмыслив об этом оружии и явленном ему сострадании Праотца мира, а также о возможности освободиться, Хануман решил покориться воле Брахмы. "Даже крепко связанный этим оружием," думал он, "я не испытываю страха. Прародитель мира, Махендра и Анила будут покровительствовать мне. В действительности я нахожу полезным отдать себя в руки демонов и таким образом лицом к лицу встретиться с их великим царем. И поэтому пусть враги мои пленят меня!" С таким намерением этот сокрушитель врагов, насторожившись, неподвижно лежал на земле.

Безжалостно связанный демонами, он отвечал на их угрозы и оскорбления львиным рыком. Видя, что великий воин лежит без движения, демоны связали его кручеными веревками из пеньки и лыка, и Хануман с готовностью позволил им сделать это. Все оскорбления демонов он терпел, потому что ему любопытно было побеседовать с повелителем демонов. Лишь только веревки коснулись его тела, оружие Брахмы потеряло над ним свою власть. Видя связанного лыком Ханумана, доблестный Индраджит понял, что противник его освобожден от могущественного оружия, и, размышляя, вслух проговорил:

– Увы, эти демоны, не ведая о силе мантр, без нужды обезвредили оружие Брахмы и превратили мой подвиг в ничто. Все мы оказались в очень затруднительном положении, потому что это оружие невозможно использовать дважды.

Ни единым вздохом Хануман не выдавал своего освобождения от оружия Брахмы. Несмотря на страдания, причиняемые теснившими его веревками, он по собственной воле стал предметом нападков и издевательств жестоких демонов, которые били его кулаками и тащили к Раване. Свободного от оружия Брахмы, но связанного пеньковыми веревками могущественного героя Индраджит у всех на глазах тащил представить Раване и его министрам. Демоны рассказали своему царю все, что могли, о славной обезьяне, которая напоминала связанного бешеного слона. Глядя на могучего пленника, демоны-воины изумлялись:

– Кто это? Кто послал его? Откуда он пришел и с какой целью? Кто поддерживает его?

А другие гневно кричали:

– Убить его! Сжечь! Разорвать его!

На некотором расстоянии Хануман увидел старших советников и слуг, которые сидели у ног своего государя. С восхищением осматривал он дворец, сверкавший драгоценными кам-

нями. Могущественный Равана устремил пристальный взор на славного героя, которого отвратительные демоны таскали из стороны в сторону, и Хануман не сводил глаз с повелителя демонов, своим могуществом и славой подобного пылающему солнцу. Глядя на Ханумана, десятиглавый царь повелел своим высокородным главным министрам, которые почтительно стояли перед ним, допросить обезьяну. Отвечая, с какой целью он посетил Ланку, Хануман сказал:

– Я посланник царя Сугривы.

Глава 49

Изумление Ханумана при виде Раваны

Хануман размышлял о подвигах царя демонов беспримерной доблести, с изумлением взирая на его красные от гнева глаза. Редкое и ослепительное золото сверкало на нем, голову украшал роскошный венец, усыпанный жемчугом, на груди и руках были превосходные украшения из бриллиантов и драгоценных камней, созданные силой мысли. Облаченный в дорогой лен, расписанный красным сандалом и пестрыми эмблемами, он казался великолепным с его красноватыми глазами, свирепым взглядом, сверкающими острыми зубами и толстыми губами. Блистательный десятиглавый повелитель великой силы напомнил Хануману гору Мандару, вершины которой кишат многочисленными змеями, или груды голубой сурьмы. Нити жемчуга слегка поблескивали у него на груди, лицо сияло, как полная луна, он казался облаком, озаренным первыми лучами солнца. Две его огромные руки, унизанные браслетами сверкающими кольцами, были умащены сандалом и напоминали двух пятиглавых змеев.

Он восседал на великолепном и чудесно инкрустированном горным хрусталем троне, усыпанном драгоценными камнями и покрытом богатыми тканями. Его окружали молодые женщины в пышных одеждах с опахалами в руках. Гордому своим могуществом царю служили четыре советника из рода демонов, постигшие секрет хорошего совета, – Дурдхара, Прахаста, демон Махапаршва и советник Никумбха, которые сидели поодаль от своего царя, подобно четырем океанам, омывающим землю. Другие опытные министры, неизменные царские доброжелатели, также служили ему, словно боги – правителю своему Индре.

Хануман пристально всматривался в повелителя демонов, утопавшего в роскоши, словно гора Меру, окутанная грозowymi облаками. Терпеливо снося все страдания от рук доблестных демонов, Хануман искренне изумлялся, глядя на лучезарного повелителя демонов. Ослепленный его великолепием, размышлял: "Какая роскошь, какое могущество, слава и величие! Ни в чем нет недостатка! Если бы не пороки, этот могущественный царь демонов мог бы покровительствовать небесам и самому Индре. Но его жестокость у всех вызывает отвращение и становится наказанием миру, как для богов, так и для демонов. В гневе он может превратить океан в сушу!" Неизмеримая доблесть и сила царя демонов вызвала в голове дальновидной обезьяны самые разнообразные мысли.

Глава 50

Демоны допрашивают Ханумана

Увидев перед собой рыжевато-коричневую обезьяну, могучерукий Равана, внушающий ужас всему живому, почувствовал неистовый гнев. Однако ослепительное сияние, исходившее от его могучего пленника, вызвало в нем опасение. "Может быть, это благословенный Нанди пришел на Ланку," подумал Равана, "который проклял меня на горе Кайласа, не потерпел моих насмешек? Или, возможно, это Вана, сын Бали, принявший облик обезьяны." С красными от гнева глазами Равана своевременно и доверительно обратился к Прахасте, лучшему своему советнику:

– Допроси этого своенравного негодяя, откуда он пришел, с какой целью разорил ашоковую рошу и почему убил демонов? Для чего он проник в нашу неприступную крепость и почему напал на моих слуг? Пусть этот мерзавец ответит на наши вопросы!

Повинуясь Раване, Прахаста сказал Хануману:

– О храбрый герой, тебе неведом страх! Скажи откровенно, может быть, Индра послал тебя в обитель Раваны? Не беспокойся, ты будешь свободен! Поведай нам, по приказу ли Ваишраваны, Ямы или Варуны ты проник в наш город, изменив свой истинный облик, или тебя послал Вишну, жаждущий победы? Твой облик говорит о том, что ты – обезьяна, но не твоя доблесть. Раскрой нам истину, о обезьяна, и ты вновь обретешь свободу, но за ложь ты заплатишь жизнью! Поведай же, для чего ты проник в обитель Раваны!

Славный Хануман отвечал повелителю демонов:

– Я не от Шакры, Ямы или Варуны, я далек от Куверы. Не Вишну послал меня. Я действительно обезьяна и пришел сюда увидеть повелителя демонов. Ради этого я разорил рошу. Чтобы сохранить жизнь, я сразился с доблестными демонами, представшими предо мной. Меня не покорить ни оружием, ни цепями, будь то даже боги или демоны, потому что я обрел милость самого Праотца мира. Только чтобы увидеть царя, я поддался оружию Брахмы. Неподвластный этому оружию, я позволил демонам пленить себя во исполнения дальнейшего замысла Рамы, ради чего я и проник в царскую обитель. Знай, что я – посланец Рагхавы, чье могущество беспредельно, и услышь слова, которые я изреку тебе на благо, о повелитель.

Глава 51 Речь Ханумана

Видя могущество десятиглавого Раваны, Марути бесстрашно обратился к нему с мудрыми и прозорливыми словами:

– Я пришел сюда по приказу Сугривы, о повелитель демонов! Этот царь обезьян, как брат, приветствует тебя. Внемли совету брата, великодушного Сугривы, слова его в согласии с законом справедливости и полезны как в этом мире, так и в следующем. Царь Дашаратха, обладатель бесчисленных колесниц, слонов и коней, великолепием равный Индре, был другом всем и отцом для своих подданных. Его старший сын, которым отец дорожил более остальных, покорный его воле удалился в лес Дандака вместе с младшим братом Лакшманой и супругой Ситой. Имя его Рама, он необыкновенно храбр и вынослив, следуя пути добродетели. Сита, верная супруга Рамы, знаменитая дочь великодушного Джанаки, царя Видехи, исчезла в лесу Джанастхан. В поисках царевны царский сын вместе со своим младшим братом пришел к горе Ришьямукхе и повстречался с Сугривой. Царь обезьян пообещал найти Ситу, и Рама согласился помочь ему отвоевать царство обезьян. Убив Бали в сражении, царский сын возвел на трон Сугриву, как повелителя всех медведей и обезьян. Бали, известный тебе тур среди обезьян, пал в бою, сраженный одной стрелой Рамы, после чего повелитель обезьян Сугрива, верный своим обетам, по всей земле разослал своих подданных на поиски Ситы. Сотни, тысячи и миллионы обезьян побывали во всех уголках земли, обыскали все вершины и низины, даже поднялись на небеса. Одни из них напоминали Вайнатею, другие – ветер. Неутомимые обезьяны направлялись то в одну сторону, то в другую, и никакая сила не могла их остановить.

Меня зовут Хануман, я – любимый сын Маруты. В поисках Ситы я преодолел четыреста миль над морем. Бродя по твоему дворцу, я обнаружил дочь Джанаки.

Не пристало тебе, постигшему законы морали и славному своими аскезами, похищать чужую жену, о выдающийся и прозорливый повелитель. Разумные создания, подобные тебе, не преступают закона праведности, что сулит гибель! Кто среди богов или демонов устоит перед стрелами разгневанного Лакшмана или Рагхавы? Более того, в трех мирах не найти безнаказанного оскорбителя Рамы. Если ты идешь путем долга и ищешь пользы, внемли моему совету, сулящему тебе благо в прошлом, настоящем и будущем, и верни Джанаки Раме,

этому льву среди людей! Я видел Ситу и совершил невозможное, остальное же исполнит Рама. Я увидел ее в твоей обители, охваченную горем и страдающую. Ты, как видно, не признаешь, что пригрел в своем доме пятиглавую змею. Она подобна отравленной пище, которую не переварят ни боги, ни демоны. Не достойно тебя превращать в прах то, что обретают ценой крайнего унижения, жертвуя долголетием и процветанием.

Ты полагаешь, что благодаря совершенным аскезам обрел бессмертие, и не страшишься ни богов, ни демонов. Но Сугрива не бог, не бессмертный и не демон. Рагхава, о царь, смертен, так же как и Сугрива, повелитель обезьян, и поэтому как же ты спасешь свою жизнь? Плоды добродетели не сочетаются с пороком, так же как справедливость с беззаконием. До сегодняшнего дня ты срывал плоды своих заслуг, но скоро ты вкусишь плоды своих злодеяний. Услышь о разрушении Джанастхана, смерти Бали и союзе Рамы и Сугривы. Подумай об этом ради собственного блага. Несомненно я один могу разрушить всю Ланку вместе с ее конями, колесницами и слонами, но я еще не получил такого приказа. В присутствии тысяч обезьян и медведей Рама поклялся убить своих врагов, похитивших Ситу. Причинив вред Раме, даже Индра не может жить спокойно, не то что ты, ничтожное создание. Известная тебе Сита, пребывающая в твоей обители – это ночь смерти, которая покончит с тобой и всей Ланкой. Остерегайся одевать на шею петлю смерти в форме Ситы. Подумай, как тебе спастись. Скоро ты увидишь, как этот чудесный город со всеми его дворцами и дорогами превратится в руины могуществом Ситы, гнев Рамы испепелит его. Не обрекай друзей своих, министров, родственников, братьев, сыновей, слуг, жен и всю Ланку такой участи. О Индра среди демонов, внемли хорошему совету этой обезьяны, слуги и посланника Рамы.

Уничтожив все миры с их движущимися и неподвижными обитателями, знаменитый Рагхава может вновь воссоздать их. Среди богов, демонов, якшей, данавов, нагов, видьядхаров, гандхарвов, диких зверей, сиддхов, киннеров или птиц никогда и нигде не найдешь ты того, кто выстоял бы перед Рамой, добродетелью равного Вишну. Поскольку ты оскорбил этого льва среди царей, Раму, ты заплатишь за это жизнью! Девы, даиты, гандхарвы, видьядхары, наги и якши не в силах противостоять в сражении Раме, покровителю трех миров, о царь демонов! Даже будь то четырехглавый Брахма, сам Сваямбху, или трехглазый Рудра, разрушитель Трипура, или могущественный Индра, царь богов – никто не устоит перед Рагхавой в бою.

Слушая обидную, но великолепную речь дерзкой и бесстрашной обезьяны, десятиглавый монарх демонов с вращающимися от гнева глазами приказал предать ее смерти.

Глава 52

Вибхишана просит за Ханумана

Слова благородного посланника привели Равану в ярость и он по своей порочности повелел убить его. Однако приказ этот не встретил одобрения Вибхишаны, брата Раваны. Зная, что повелитель демонов охвачен гневом и волнуется об исходе событий, этот царевич, верный закону справедливости, стал размышлять, как поступить в сложившейся ситуации и, приняв решение, обратился к своему царствующему старшему брату с поистине кроткими и правдивыми словами:

– О царь демонов, укроти свой гнев и спокойно выслушай меня, яви свою милость. Праведные монархи, зная о законе действий и их последствий, не лишают посланника жизни. О доблестный царь, приказ убить эту обезьяну претит справедливости, сложившимся обычаям и недостойно тебя. Ты сведущ в морали, верен долгу, видишь разницу меж достойным и низким, исполняешь возложенные на тебя царские обязанности и сознаешь конечную цель жизни. Если мудрец, подобный тебе, оказывается во власти гнева, то все его изучение писаний лишь терзает плоть. Успокойся же, о покоритель врагов, о непобедимый государь демонов, и подумай, как достойно и справедливо наказать врага.

– О сокрушитель врагов, – в неистовом гневе отвечал Равана, – нет греха в том, чтобы убить зло творящего, и поэтому я покончу с этим источником беззакония.

Вибхишана, мудрейший среди мудрых, со всей прямоотой и честностью отвечал на эти бессовестные, позорные и нечестивые слова:

– О повелитель ланки, царь всех демонов, будь милостив ко мне и внемли голосу добродетели и блага. Ни при каких обстоятельствах нельзя предавать посланника смерти, таков единоголосный закон добродетели. Несомненно, перед тобой отвратительный враг, нанесший всем нам неизмеримый вред, но люди чести не станут убивать посланника, даже если это сулит им бесчисленные беды. Ты можешь изувечить его, высечь, обрить ему голову или заклеить – одно или все эти наказания можно наложить на посланника, но о смертной казни еще не слышал мир. Возможно ли герою, подобному тебе, поступающему из чувства долга, отличающему благородство от низости, поддаваться гневу? Добродетель не дает волю гневу!

Тебе нет равных среди правителей, ты сознаешь важность писаний, ты превзошел демонов и богов. Непобедимы для богов и демонов, наделенных доблестью, воинским пылом и разумом, ты неоднократно поражал в бою царя небес и других монархов. Глупцы, мечтающие причинить вред тебе, великому и бесстрашному воину, сражавшемуся с даитами и девами, смелому и непобедимому герою, уже обречены.

Я не вижу, почему эту обезьяну нужно предать смерти. Кара эта должна лечь на тех, кто послал его. Неважно, почителен он или нет, ответственность лежит на его покровителях. Отстаивающий чужие интересы и зависимый посланник не заслуживает смерти. Более того, убив эту обезьяну, мы не спасемся от другого такого же небесного странника. Поэтому, о сокрушитель вражеских крепостей, не пытайся взять его жизнь. Направь свои усилия против богов и их предводителей.

О поклонник войны, если мы убьем этого посланника, кто побудит тех двух надменных царевичей поднять оружие против тебя. Недостойно тебя, о радость демонов, неодолимого для богов и демонов, лишить свой народ возможности увидеть эту схватку! Они преданы твоему благу, мужественны; эти покорные воины отмечены великими достоинствами, разумом, славятся своим воинским пылом и прекрасным происхождением. Сегодня же повели кому-нибудь из них схватить тех двух царевичей и установи свое превосходство над врагами.

Глава 53

Хануман сжигает город

Слова великодушного брата были уместны и своевременны, и Дашагрива отвечал ему:

– Истинно говоришь ты, убийство посланника предосудительно, и поэтому нужно вынести ему какое-то другое наказание. У обезьян хвост является, бесспорно, самым большим украшением, и потому подожгите ему хвост и отпустите, чтобы друзья его, родственники и союзники, все кому он дорог, увидели его унижение и увечье.

Затем повелитель демонов отдал приказ:

– Подожгите ему хвост и проведите по всей Ланке!

С дикой жестокостью принялись демоны обматывать Хануману хвост в хлопковый лоскут. Лишь только они закончили, громадная обезьяна увеличилась в размерах, словно лесной пожар, вскормленный сухим деревом. Смочив лоскут маслом, демоны подожгли Хануману хвост, и он, полный гнева и негодования, с сияющим как восходящее солнце лицом, расшвырял их своим пылающим хвостом. Тогда демоны с большей чем прежде силой и бдением стали охранять этого льва среди обезьян.

Вместе с женщинами, детьми и стариками собрались они насладиться представлением. Увидев их всех доблестный Хануман принялся размышлять: "Несомненно, даже связав меня, демоны не смогут помешать мне сбросить все их путы и, прыгая среди них, устроить еще одну бойню. Я предпринял это путешествие ради блага моего господина. Демоны по приказу царя связали меня, и я не буду сопротивляться им. Для меня достойным было бы вступить в битву с ними, но из любви к Раме я стерплю оскорбление."

Я еще раз осмотрю всю Ланку, поскольку ночью я не разглядел все укрепления, разведать которые очень трудно. Ночь прошла, и теперь я увижу Ланку при свете дня. Пусть же они снова свяжут меня. Хоть они причинили мне боль, подпалив хвост, это не потревожило меня."

Тем временем демоны крепко держали великую обезьяну огромных размеров, полную мужества, слона в роду обезьян, и, ликуя от радости, торжественно двинулись вперед, под звуки раковин и труб громко провозглашая о его злодеяниях. Жестокосердные демоны тащили Ханумана, повергающего своих врагов, через весь город, и он не противился им. Проходя по улицам столицы демонов, великий герой увидел чудесные дворцы, крытые дороги, прекрасные парки и широкие дороги с величественными домами по обеим сторонам, перекрестки, дорожки и аллеи, а также внутренние дворы. На террасах и улицах, вдоль царских дорог демоны кричали: "Это соглядатай!" Одна из отвратительных демониц безжалостно сообщила божественной Сите печальные вести:

– О Сита, краснолицей обезьяне, с которой ты говорила, подожгли хвост и теперь водят по всем улицам города.

Слова эти напомнили Ваидехи историю ее похищения и повергли в горе. Прочитав очистительные молитвы, она призвала бога огня, без которого не обходится ни одно жертвоприношение, и стала настойчиво молить его явить милость этой могущественной обезьяне. Мысленно стоя перед огнем, большеокая Сита сказала: "Если я действительно предана моему господину и аскетична, если я целомудренная жена, тогда в подтверждение ниспошли прохладу на эту обезьяну. Если дальновидный Рама еще имеет хоть каплю сострадания ко мне, если за мной еще остались какие-то заслуги, не сжигай Ханумана!"

И тут же яростные языки пламени вокруг хвоста Ханумана, словно вняв словам прекрасной девы с глазами лани, стали смягчаться и переходить вправо, что было благоприятным знаком. И то же время отец Ханумана в угоду этой богине леденяще-холодным дыханием коснулся пылающего хвоста обезьяны, и Хануман с удивлением подумал: "Как возможно, чтобы пылающий огонь не жег меня? Я вижу огромное пламя, но не чувствую боли, словно снег лежит на моем хвосте. Поистине, это чудо, явленное могуществом Рама, в котором я уже убедился, преодолевая океан. Если океан и добродетельная Маинака вели себя по дружески из почтения к нему, почему бог огня станет исключением? Благодаря добродетели Ситы, могуществу Рагхавы и любви моего отца ко мне, огонь не истребил меня."

Затем слон среди обезьян подумал: "Почему воин, подобный мне, позволил этим подлым демонам связать себя? Я должен явить свою доблесть и отомстить за себя!" Стремительная и могущественная обезьяна перекусила свои веревки и с громким криком подпрыгнула в воздух. В тот же миг сын ветра оказался на высоких, как горная вершина, городских воротах, где не было ни одного демона. Громадный, как холм, он уменьшился в размерах и, сбросив путы, освободился, а затем снова вырос. Оглядевшись, длиннорукий Марути заметил железный брус, валявшийся у ворот, и крепче схватив это оружие, перебил стражников. Устремив на Ланку полный воинского пыла взор, этот герой исключительного мужества с горящим, словно ореол, хвостом, походил на славное сияющее солнце.

Глава 54 Ланка в огне

Глядя на Ланку, Хануман, достигший желанной цели, размышлял, что делать дальше. "Что еще я не сделал для поражения демонов?" думал он. "Роща разорена, подлые демоны убиты, часть армии уничтожена. Мне ничего не осталось, как только разрушить саму их крепость, и тогда миссия моя завершится. Еще немного, и они сполна ответят мне за все причиненные беспокойства. Я должен насытить бога огня, танцующего у меня на хвосте, и потому предаю огню все эти превосходные дворцы!" Великая обезьяна с пылающим хвостом, словно облако, пронзенное молнией, стала прыгать с одной крыши на другую. Быстро озираясь по

сторонам, он спокойно переходил от одного величественного сооружения к другому и предавал огню сады и рощи.

Стремительно прыгнув ко дворцу Прахасты, доблестный герой, силой подобный ветру, отдал его во власть всепожирающего пламени. Затем могущественный Хануман одним прыжком достиг дворца Махапаршвы, который в тот же миг вспыхнул огнем, словно в час уничтожения мира. Неутомимый Марути прыгнул на крышу Ваджрадансхтры, потом – Шукки и разумного Шараны. Подобным же образом вожак обезьян предал огню обители Индраджита, Джамбумалина и Сумали, а также демонов Рашмикету, Сурьяшатру, Храсвакараны, Дамштры, Ромашы, Юддхонматты, Матты, Дваджагривы, Видьюджихвы и Хастимукхи; дома калары, Вишалы, Шонитакши, Кумбхакарны, Махаракши, Нарантаки, Кумбхи, Никумбхи и благородных Яджнасхатру и Брахмашатру. Могущественный тур среди обезьян сжег в огне все накопленные сокровища тех богатых демонов. Миновав множество других домов и пышных строений, могущественный и благословенный герой достиг обители царя демонов. Добродетельный Хануман издал громкий крик, напоминая облако на исходе бытия мира, и пылающим на кончике хвостом предал огню это превосходнейшее из сооружений, сверкающее разнообразными драгоценными камнями, словно гора Меру или Мандара, богатое пышными украшениями. Раздуваемое ветром пламя быстро распространялось повсюду, бросая багровые блики, словно Огонь Времени. Дворцы, богатые золотом, украшенные жемчугом и драгоценностями, рушились на землю и превращались в пыль, словно дома небожителей, истощивших запас своего благочестия и упавших с небес. Среди демонов поднялся страшный вопль, они бежали во все стороны, не в силах сохранить своих жилищ и сокровищ, и кричали:

– Поистине, это сам бог огня в облике обезьяны!

Демоницы с младенцами на руках пронзительно вопили из своих домов. Настигнутые пламенем, с растрепанными волосами они падали с высоких балконов, словно вспышки молнии на небе. Хануман увидел потоки расплавленных драгоценных металлов, смешанных с алмазами, кораллами, изумрудами, жемчугом и серебром, вытекавшие из дворцов. Как огонь без устали истребляет сухое дерево и солому, так и Хануман неутомимо уничтожал всех вождей демонов, а земля принимала их трупы. Порывистая и могущественная обезьяна сожгла Ланку подобно Рудре, истребившему демона Трипуру. С вершины горы, на которой стояла Ланка, смертоносный пожар, устроенный бесстрашным Хануманом, выбрасывая языки пламени, стал распространяться дальше. Словно в час уничтожения вселенной, ветер поднимал огонь до самых небес, и, подобно жертвенным дарам, питали его жилища и тела демонов. Свирепым жаром миллиона солнц огонь этот истреблял всю Ланку, как нарастающая сила огня заставляет земной шар с треском, подобным удару грома, расколоться. Этот яростный огонь поднимался к небу, языки его напоминали цветы кумшика, облака дыма – голубые лотосы. Это было неописуемо прекрасное зрелище.

– Наверное, это бог с молнией в руках, Махендра, возглавляющий тридцать богов, Яма, Варуна или Анила, – говорили демоны, собравшись на совет.

– Это не обезьяна, а сам бог смерти пришел на Ланку! Возможно, это проявление гнева Брахмы, четырехликого бога, который в облике обезьяны пришел уничтожить демонов, или безгранично могущественный Вишну, невообразимый, неописуемый, изначальный и неодолимый посредством своей иллюзорной энергии майи принял облик обезьяны?

Видя свой город, со всеми его жителями, конями, колесницами, стаями птиц, верей, деревьями истребленный безжалостным огнем, они горестно зарыдали:

– О мой отец! О возлюбленный сын!, О моя дорогая! О друг мой! О мой Господь, наши духовные заслуги иссякли!

Так вопили демоны посреди ужасного бедствия, и пылающая Ланка, когда все ее герои были убиты, а воины истреблены вспышкой гнева Ханумана, казалось, пала под бременем проклятия.

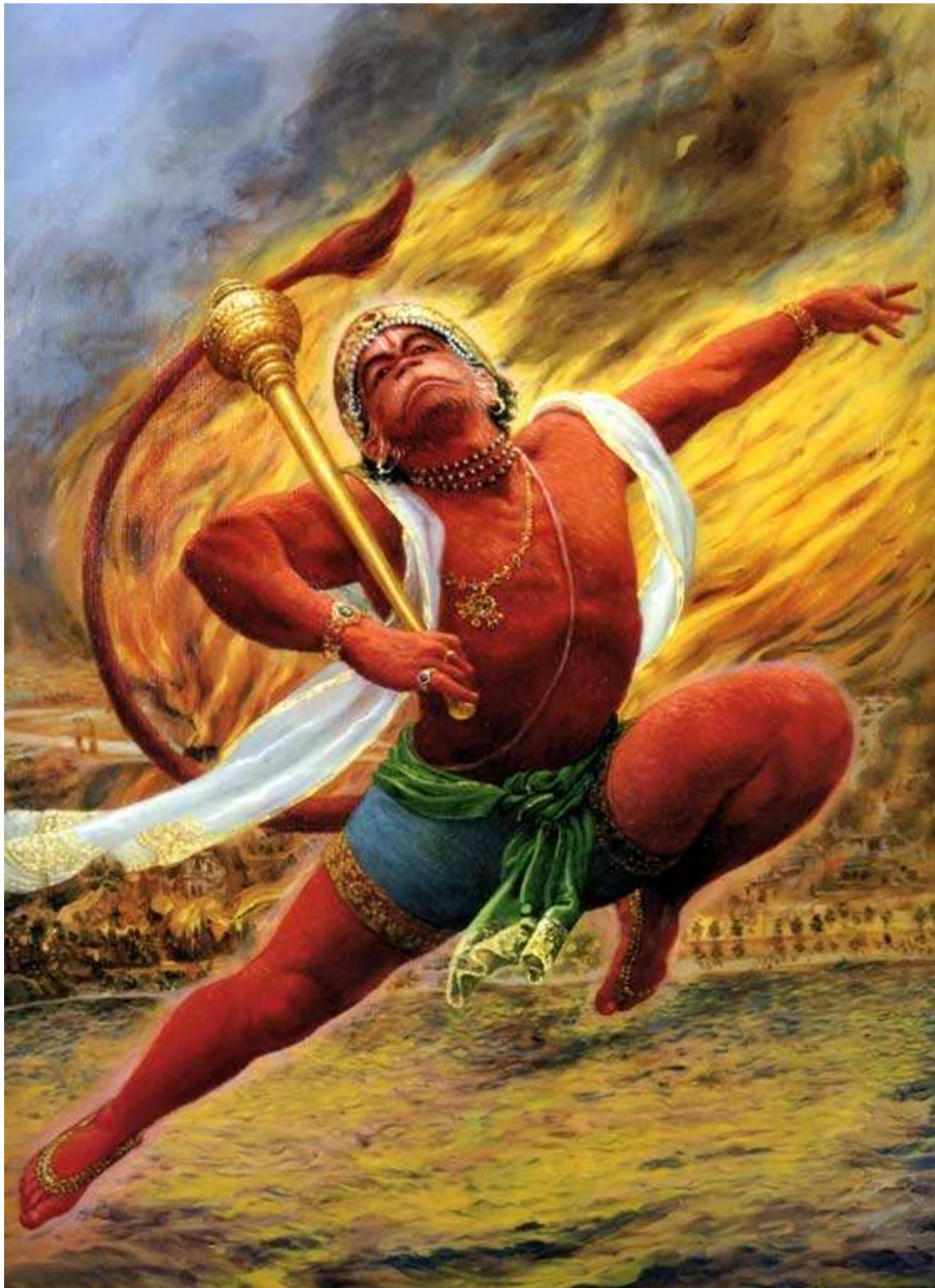

Рисунок 2 – Хануман сжигает Ланку

В этом шуме Хануман с гордостью наблюдал за Ланкой, исчезающей в неистовом пламени и охваченными ужасом демонами, подобно Сваямбху, вззирающему на гибель мира во время уничтожения вселенной. Разорив ашоковую рощу с ее редкими деревьями, убив в сражении могущественных демонов и предав огню город, полный великолепных дворцов, обезьяна, рожденная Паваной, успокоилась. Знаменитый Хануман разделался с великим числом демонов, уничтожил густые леса и сжег дома демонов, и теперь погрузился в размышления о Раме. Все небожители стали прославлять этого царственного героя среди воинов-обезьян, наделенного безмерной силой, быстротой равного Маруте, этого прозорливого и

превосходного сына Ваю. Все боги, аскеты, гандхарвы, видьядхары, паннаги и бхуры пребывали в неопишуемой радости. Разорив лес, убив в бою демонов и истребив огнем великий город Ланку, могучая обезьяна сидела на крыше величественного дворца, озаренная сиянием, которое исходило от ее пылающего хвоста, и напоминая солнце в ореоле лучей. Уничтожив Ланку, великая обезьяна погасила в море огонь на кончике своего хвоста. Боги, гандхарвы, сиддхи и великие аскеты с изумлением взирали на Ланку, погибшую в огне.

Глава 55 Хануман беспокоится о Сите

Глядя на Ланку, озаренную огнем, полную шума и воплей охваченных ужасом демонов, Хануман задумался, великое беспокойство овладело им. "Несомненно, я сделал что-то недопустимое, испепелив всю Ланку!" думал он. "Благословенны великие души, своей мудростью побеждающие гнев в сердце, как вода гасит огонь. Какое только зло не творят те, кто дают волю своему гневу? В гневе можно убить даже своего духовного учителя или не удержаться от оскорбления добродетельного человека. Оказавшись во власти гнева, невозможно понять, когда следует говорить, а когда молчать. Гнев порождает любую несправедливость. Человек, владеющий собой, обуздывает вспышки гнева, как змея, сбрасывающая кожу.

Горе мне, негодному бесстыдному, злобному негодяю, который, забыв о Сите, убил моего повелителя огнем. Наверняка благородная дочь Джанаки погибла в пожаре, истребившем весь город Ланку! Я расстроил планы моего господина! Сита сгорела, я испортил замысел моего повелителя! Сжечь Ланку – это пустяк, но в гневе я под корень подрубил свою миссию. Несомненно Джанаки погибла, потому что на Ланке не уцелело ни уголка, весь город погребен под пеплом.

Поскольку я из-за недостатка разума пожертвовал всем, я немедленно расстанусь с жизнью! Я брошусь в огонь или в пасти Вадавы, или отдам свое тело на съедение обитателям вод. Продолжая жить, я не посмею взглянуть в лицо царю обезьян или двум тиграм среди людей, расстроив все их замыслы. Перед тремя мирами я обнаружил свою обезьянью натуру, поддавшись порочному гневу.

Горе разнузданной страсти, несдержанности и необузданности чувств, во власти которых я забыл о Сите, хотя мог защитить ее. Раз она погибла, те два героя тоже умрут, и тогда Сугрива не захочет жить и расстанется с жизнью вместе со всеми родственниками. Услышав о гибели братьев, как добродетельный Бхарата, преданный Раме, или Шатругхна выживут? Погибнет вся знаменитая династия Икшваку, и подданные их преисполнятся горя. Несчастный, я лишился всех своих религиозных заслуг и земной добродетели, а значит, удача отвернулась от меня! В уме моем воцарилось зло, излившееся в гневе, несомненно я принес миру разрушение!"

Поглощенный такими печальными думами, Хануман заметил предзнаменования, благотворное появление которых знал на собственном опыте, и подумал: "Может быть, чарующая дева счастливо избежала смерти благодаря своему благочестию и духовным качествам? Огонь не сожжет огонь! Более того, Павака не посмеет приблизиться к этой добродетельной деве, супруге героя непомерной славы, потому что чистота ее хранит ее. Бог огня, несущий жертвенные подношения, не сжег меня благодаря могуществу Рамы и добродетели Ваидехи. Поэтому могла ли погибнуть она, дорогая сердцу Рамы и любимая и почитаемая всеми остальными братьями, родными и подданными? Природа огня – жечь, власть его неукротима, он царит на всем, но если он не сжег мне хвост, то почему он уничтожит возвышенную деву?"

Затем Хануман с удивлением вспомнил, как перед ним выросла из океана гора Маинака, и подумал: "Благодаря ее аскетизму, искренности и неуклонной преданности своему господину, она способна истребить любой огонь, а не наоборот!" Размышляя над величием духовных достоинств Ситы, Хануман услышал беседу великодушных чаранов:

– Несомненно, Хануман свершил величайший подвиг, предав свирепому огню жилища демонов. Бегут бесконечные толпы женщин, детей и стариков, кругом стоит гул, как в пещере! Ланка с ее башнями, стенами и воротами сгорела дотла, но Джанаки осталась жива, и это великое чудо!

Слова эти нектаром влились в уши Ханумана, возвращая душе его счастье и радость. Благоприятные предзнаменования, собственные выводы, заслуги Ситы и слова святых вызывали в нем безмерный восторг. Достигнув желанных целей и убедившись, что царевна жива, он решил увидеться с ней еще раз и покинуть Ланку.

Глава 56 Хануман прощается с Ситой

Поклонившись Джанаки, которая сидела под деревом шимшапа, Хануман сказал:

– По милости небес я вижу тебя целой и невредимой!

Снова и снова глядя на отважного посланника Рамы, который уже готов был покинуть ее, Сита в порыве супружеской любви, попросила:

– О дитя, если возможно, о безупречный друг, сегодня побудь еще здесь и отдохни немного в каком-то укромном месте, а завтра ты отправишься в обратный путь. Пока ты рядом, о обезьяна, я забываю о сжигающем меня горе. Ты покинешь меня, о великая обезьяна, и неизвестно, буду ли я жива к твоему возвращению, или нет, о герой в роду обезьян! В твое отсутствие страдания мои умножатся, и беды будут обрушиваться на меня одна за другой! Горе и печаль уничтожат меня.

Кроме того, о герой, великий страх гнетет мне душу: как доблестный Сугрива или сонмы медведей и обезьян преодолют бескрайний океан? Как сделают это два человека даже при поддержке могущественных обезьян? Лишь три создания в мире способны прыгнуть через глубину – Вайнатея, ты и Марута. При столь сложных обстоятельствах ты, обладая богатым опытом, все же имеешь надежды на успех? О сокрушитель сонмов воинов, ты один можешь свершить такое нелегкое дело, доблесть твоя прославит тебя. Но если Какутстха, повергающий во прах своих врагов, вместе со своими воинскими силами опустошит Ланку и освободит меня, он свершит достойный его подвиг. Поэтому сделай все, чтобы великодушный Рамы явил свою доблесть согласно чести воина.

Доблестный Хануман отвечал на слова Видехи, исполненных любовной заботы, веских доводов и глубокого смысла:

– О благородная дева, славный Сугрива, повелитель обезьян, обладающий огромным могуществом желает освободить тебя. Сопровождаемый миллионами могучих обезьян, он не замедлит явиться сюда, о Ваидехи. И цветы рода человеческого, Рама и Лакшмана, придут сокрушить Ланку своими стрелами. Расправившись с демонами и их приверженцами, о прекрасная, сын Рагху унесет тебя и вместе с тобой вернется в свой стольный город. Соберись с духом, о нежная дева, и дождись этого часа! Скоро ты увидишь Раму, который разобьет Равану на поле сражения. Повелитель демонов будет убит вместе с его сыновьями, министрами и верными слугами, и ты вновь встретишься с Рамой, словно звезда Рохини с луной. Какутстха явится, ведя за собой славных обезьян и медведей, и, одержав триумфальную победу в битве, избавит тебя от горя.

Хануман, сын Маруты, приготовился в обратный путь. Он утешил и почтил Ситу, явил свою несравненную силу и могущество, разрушив город, воспрепятствовал планам Раваны, и теперь, почтительно поклонившись Ваидехи, решил возвращаться, одним прыжком преодолев океан. Притеснитель врагов, могущественный герой жаждал скорее увидеть своего повелителя.

Он поднялся на гору Аришту, лучшую среди гор, словно мантией, покрытую темными рощами деревьев падмака, с покоящимися на склонах облаках. Под солнечными лучами, казалось, она сияет радостью. В глаза бросались разбросанные повсюду драгоценные металлы, а торжественный шум сбегавших с горы потоков напоминал звучание Веды. Водопады пели

свою песнью, а из-за высоких деревьев девадару гора напоминала великана с поднятыми вверх руками, грохот бегущих потоков, эхом отдававшийся вокруг, казался ее голосом. Из-за волнуемых ветром осенних деревьев казалось, будто гора трепещет В камышах свистел ветер, будто кто-то играет на свирели, а великие ядовитые змеи делали вид, что гневно шипят. Ущелья, окутанные туманом, придавали ей серьезный вид, словно она была погружена в размышления. Вдоль склонов, словно прогуливаясь, проплывали облака. Острые вершины устремлялись в небо, и казалось, будто гора зевает. На ней было много крутых обрывов и глубоких пещер. Поросшая деревьями шала, тала, кхарджура, тамала, карна и ваниша, опутанными мириадами цветущих лиан, она изобиловала стадами ланей. Бесчисленные потоки, сбегавшие по склонам, богатые минералами скалы с бьющими чистыми ключами любили посещать махариши, якши, гандхарвы, киннеры и ураги. Сокрытые в непроходимых зарослях терния и шиповника пещеры были полны львов, тигров и других диких хищников. Повсюду росли фруктовые деревья и съедобные корнеплоды.

Лучший среди обезьян, сын Анилы, взошел на гору, горя желанием вновь увидеть Раму, и там, где ступила его нога, скалы раскололись и с грохотом посыпались вниз. Забравшись на величайшую среди гор, могущественный Хануман собрался с силами, чтобы пересечь соленый океан с южного берега на северный. С вершины горы он взглянул на бескрайние просторы водной пустыни, кишашие устрашающими чудовищами.

Сын Маруты с быстротой дующего в небесах ветра взмыл в воздух, направляясь на север. От его толчка огромная гора, оглашаясь криками бесчисленных обитателей, ушла в недра земли, вершины ее рухнули, а деревья повалились. Сломанные удивительным прыжком Ханумана цветущие деревья валялись на земле, словно срубленные ударом молнии Индры. Смертельный рев великих львов, затаившихся в пещерах и раздавленных рухнувшей горой, разрывал небеса. Видьядхары в разорванных одеждах и украшениях в ужасе бежали от этого места. Огромные и могущественные ядовитые змеи с раздавленными головами и шеями, выбрасывая языки, сворачивались в кольца. Киннеры, ураги, гандхарвы, якши и видьядхары покидали гору и возвращались в небесную обитель. Огромная гора сорока миль в длину и тридцати в высоту со всеми своими вершинами и высокими деревьями сравнялась с землей. Желая пересечь соленое море, берегам которого грозили морские приливы и отливы, могучий Хануман взмыл ввысь.

Глава 57 Возвращение Ханумана

Устремившись в небо, Хануман, не ведавший устали и напоминавший летающую гору, поплыл по чарующему воздушному океану, который украшал лебедь созвездия Свами, а собравшиеся наги, якши гандхарвы были распустившимися лотосами и лилиями, солнце было его водной дичью, созвездия Пушья и Шравана – лебедями облака – прибрежным камышом и мхом, созвездие Пунарвасу – китом, а Лохитанга – крокодиллом. Слон Айравата – громадным островом, ветра – большими волнами, а лунный свет – прохладными водами. Глотая пространство, цепляя луну, повелителя звезд, хватая небеса вместе с лунными дворцами и солнечным диском, разгоняя гряды облаков, Хануман неумоимо плыл по бескрайнему морю. Пролетая сквозь огромные и неопишимо прекрасные белые, розовые, голубые, пурпурные, желтые и черные облака, он бесстрашно входил в них и через некоторое время выходил, подобно луне, которая иногда скрывается из виду, а потом появляется вновь. Преодолевая гряды облаков, этот герой в белых одеждах сиял в небе, как луна. Разгоняя облака, любимый сын ветра неуклонно продолжал свой путь и казался Гарудой, летящим в небе. Уничтожив сонмы демонов и снискав вечную славу, предав огню город Ланку и поколебав Равану, сразив могущественных воинов и выразив почтение Ваидехи, Хануман, чей глас напоминал раскаты грома, вновь достиг середины моря и издав великий крик. Доблестный герой почтительно прикоснулся к Маинаке, лучшей среди гор, и быстро полетел дальше, словно стрела, выпущенная из лука.

Издали заметив высокую гору Махендру, похожую на великое облако, могучий сын ветра издал громкий глас, подобный удару грома, который заполнил все стороны света. Приближаясь к тому месту, где ожидали его друзья, и жаждя снова увидеть их, Хануман стал размахивать хвостом и громко кричать. Он следовал дорогою Гаруды, и небосвод с солнечным диском разрывались от его непрерывного крика.

Могущественные воины на северном берегу океана с волнением ожидая возвращения сына ветра, услышали удары ног Ханумана, летящего в небе, которые напоминали рокот огромного облака, гонимого ветром. Все обезьяны, обитатели леса, удрученные и беспокоящие о судьбе Ханумана, услышали его громopodobный рев. Шум, производимый Хануманом, взволновал их, жаждущих вновь увидеть своего друга. Джамбаван, старейший среди обезьян, с ликующим сердцем обратился ко всем:

– Несомненно, Хануман успешно исполнил порученное дело, а иначе он не поднял бы такого шума.

Обезьяны, прислушиваясь к неистовым движениям великодушного героя и его реву, необычайно обрадовались и стали прыгать и скакать со скалы на скалу, с горы на гору. Чтобы увидеть Ханумана, они забирались на верхушки деревьев и размахивали своими чистыми одеждами. Рев могущественного Ханумана, рожденного Марутой, напоминал свист ветра в узком горном ущелье.

Увидев великого героя, который, спускаясь, сиял, как груда облаков, обезьяны встали перед ним, почтительно сложив ладони. Доблестный Хануман, высокий как гора, приземлился на вершину Махендры, поросшую деревьями, словно летающий холм, упавший с небес с подрезанными крыльями. Толкая друг друга, обезьяны с радостным сердцем тут же собрались вокруг великодушного Ханумана, лица их сияли счастьем. Почтительно поклонившись ему, они принесли великой обезьяне, сыну Маруты, кореньев и фруктов. Одни кричали от радости, а другие нарвали мягкий ветвей и листьев, чтобы Хануман мог есть.

Между тем великий Хануман выразил почтение старшим и старейшинам во главе с Джамбаваном, а также царевичу Ангаде. Окруженный заслуженным почетом и знаками внимания, он кратко сообщил:

– Я видел богиню!

Взяв руку сына Бали, он сел в чудесной роще на горе Махендра и, отвечая на вопросы, радостно обратился к славным обезьянам:

– Посреди ашоковой рощи я увидел Джанаки. Безупречную деву охраняли страшные демоницы. Прекрасная Сита заплела одну косу и постоянно вздыхала о Раме. От голода она теряет сознание, истощена и вся в пыли, волосы ее собраны.

Славные обезьяны, услышав слова Марути: "Я видел ее," – сладкие, как амрита, опьянели от радости и принялись кричать и издавать возгласы восторга. Одни размахивали хвостами, другие били, а третьи прыгали на вершину горы и, счастливые, прикасались к удачливому Хануману, вожаку обезьян. Лишь Хануман замолчал, Ангада в присутствии всех доблестных обезьян отдал дань почтения к Хануману такими словами:

– Тебе нет равных в доблести и мужестве, о герой, поскольку ты преодолел бескрайний океан и вернулся. Ты вернул нас к жизни, о великий. Благодаря тебе мы достигли своей цели и теперь можем встретиться с Рагхавой. О, какую преданность явил ты своему господину! Какая доблесть! Какая стойкость! По милости небес ты увидел божественную и славную супругу Рамы. По милости небес Какутстха избавится от горя, которое причина ему разлука с Ситой!

Окружив Ангаду, Ханумана и Джамбавана, преисполненные радости обезьяны принесли огромные камни и, рассевшись на них, замерли, страстно желая услышать рассказ о том, как пересек Хануман море и увидел Ланку, Ситу и Равану. В ожидании они сложили ладони, устремив взоры свои на Марути. Юный Ангада в кругу обезьян напоминал повелителя богов, занявшего небесный трон среди сонмов своих поданных. Величественная вершина Махендры сияла великолепием, когда на ней сидели славный Хануман и знаменитый Ангада, украшенный браслетами.

Глава 58

Рассказ Ханумана

Устремив радостные взоры на могущественного Ханумана, великодушные и счастливые обезьяны разместились на вершине горы, и Джамбаван, радуясь всем сердцем, спросил великого и удачливого потомка ветра:

– Как нашел ты благородную деву? Как она поживает? Как десятиглавый демон относится к ней? Правдиво поведай нам об этом, о могущественная обезьяна! Как отыскал ты божественную Ситу? Что она отвечала на твои вопросы? Узнав все, мы посоветуемся, как поступать дальше! Скажи нам также, что нам сказать и посоветовать по возвращении, о герою, неизменно владеющий собой!

Великий посланник, у которого от этих слов шерсть встала дыбом, в знак почтения к Сите склонил голову и отвечал:

– У всех на глазах я поднялся на вершину Махендры и прыгнул в небо, сосредоточившись на том, чтобы непременно достичь южного берега моря. Пока я летел, великое препятствие предстало моему взору – великая гора с золотой вершиной, божественная и сверкающая, преградила мне путь. Я приближался к этой сияющей, как солнце, могучей горе с мыслью: "Я разобью ее!" Я ударил по ней хвостом, и вершина рассыпалась на тысячу кусков. Увидев это, великая гора, приняв облик человека, обратилась ко мне, сладостным голосом предлагая отдохнуть и восстановить силы:

– Знай, о сын мой, что я – брат твоего отца, известный под именем Маинака, и живу на глубине океана. В былые времена все огромные горы имели крылья и летали по всей земле, неся разоренье. Узнав об этом, благословенный Махендра, наказавший Паку, своей молнией отсек крылья тысячам гор, но меня спас твой знаменитый отец. Великодушный бог ветра бросил меня в море, в обитель Варуны. О покоритель врагов, я хочу сослужить службу Рагхаве, Рама – самый знаменитый среди добродетельных, он могуществен, как сам Махендра.

Выслушав благородного Маинаку, я раскрыл ему свою цель, и он позволил мне продолжать путь. Простившись со мной, он вновь принял облик горы и стал погружаться в море. Долгое время я беспрепятственно продвигался вперед, пока посреди океана не увидел божественную Сурасу, мать змеев. Богиня обратилась ко мне:

– Небеса послали тебя мне в пищу, о лучшая среди обезьян! Сейчас я сожру тебя, ты предназначен мне!

От этих слов я побледнел. Смирненно поклонившись ей со сложенными ладонями, я сказал:

– Рама, удачливый сын Дашаратхи, сокрушающий своих врагов, был изгнан в лес Данадака вместе со своим братом Лакшманой и супругой Ситой. Жену его похитил злобный демон Равана, и я лечу к ней по воле Рама. Ты должна помочь Рама. Увидев дочь Митхилы, а также ее повелителя нетленных подвигов, вернись и войду в твой рот, обещаю тебе!

Сураса, по желанию меняющая облик, отвечала:

– Никому еще не дано было пройти мимо меня, таково благословение, которое я обрела!

Тогда я увеличился размером до десяти йоджан, а потом еще на десять, но ее рот становился еще больше. Глядя в ее разверзнутую пасть, я мгновенно уменьшился до размеров большого пальца, быстро вошел к ней в рот и тут же вышел обратно. И тогда божественная Сураса, приняв свой обычный облик, сказала:

– О славная обезьяна, о дорогой герою, иди, исполни свою миссию и верни Ваидехи великодушному Рама. Будь благословен, о могущественный! Я довольна тобой!

Все живое стало прославлять меня: "Превосходно! Превосходно!", и я снова прыгнул в бескрайнее небо, словно Гаруда. Неожиданно и неведомо кто крепко схватил мою тень. Не в силах продолжать полет, я стал озираясь по сторонам, но так и не нашел, кто пленил меня. Потом ко мне пришла мысль: "Что за препятствие встало на моем пути? Я не могу определить его природу!" В замешательстве оглядываясь по сторонам, я увидел страшную демони-

цу, которая лежала на волнах. Я не испугался, но замер на месте, и чудовище с презрительным смехом обратилось ко мне:

– Куда путь держишь, о великан? Ты – моя добыча, я давно не видела пищи и очень голодна! Наконец, я поддержу это тело!

– Быть посему! – отвечал я и стал увеличиваться в размерах, так чтобы она не смогла меня проглотить, но ее устрашающие пасти также увеличились. Ей было невдомек, что я по желанию могу менять облик. В мгновение ока я уменьшился, вырвал ей сердце и взмыл в небо. Вскинув руки, жестокая демоница, словно гора, утонула в соленых волнах, и я услышал мелодичные голоса великодушных созданий, раздававшиеся с небес: "Как быстро убил Хануман страшную демоницу Синхику!"

Расправившись с чудовищем, я вспомнил о своей не терпящей отлагательств миссии и невольно потерянном времени. Преодолев огромное расстояние, я увидел южный берег океана и гору, на которой раскинулась Ланка, царство Раваны.

Солнце садилось, когда я незаметно проник в обитель демонов, но неожиданно предо мной выросла хохочущая женщина, подобная облакам в час гибели мира, пламя исходило от ее волос. Она поразила меня своим устрашающим обликом. Хотя она пыталась лишить меня жизни, левым кулаком я оттолкнул ее прочь, чтобы в сумерки войти в город. Испуганная, эта женщина обратилась ко мне:

– Я – город Ланка, о воин! Ты одержал надо мной верх, и значит, ты победишь всех демонов!

Всю ночь я искал дочь Джанаки. Я побывал даже в личных покоях Раваны, но ее нигде не было. Ситы не было во дворце Раваны, и я пребывал в глубокой печали, когда заметил чудесную рощу, окруженную высокой золотой стеной, посреди которой стоял дворец. Я перепрыгнул через стену и увидел ашоковую рощу, в центре которой росло огромное дерево шимшапа. Забравшись на него, я увидел несколько золотых осин. Сокрытый густыми ветвями дерева шимшапа, я увидел необыкновенно прекрасное создание с большими, как лепестки лотоса, глазами. Один кусок ткани прикрывал ее стройное тело. Изнуренную постом, с испачканными в пыли волосами Ситу, всецело преданную своему повелителю, окружали словно тигрицы – лань, жестокие и отвратительные демоницы, питающиеся кровью и плотью. Собрав волосы в одну косу, она лежала на земле, поглощенная мыслями о своем господине. Совсем ослабевшая, она напоминала лотос в канун зимы. Поскольку Равана разлучил ее с возлюбленным, она решила умереть.

Я продолжал сидеть в ветвях дерева шимшапа, наблюдая за этой девой с глазами лани, знаменитой супругой Рамы. Вскоре я услышал со стороны дворца Раваны звон многочисленных браслетов и бряцающих поясов. Взволнованный, я уменьшился в размерах и словно птица спрятался в густой листве дерева шимшапа. К Сите направлялся Равана, окруженный многочисленными женами. Увидев повелителя демонов, прекраснорядная Джанаки вся сжалась, руками прикрывая грудь. В ужасе и великом смущении она беспомощно блуждала взглядом в поисках прибежища. Несчастное создание, она трепетала всем телом. Дашагрива, склонил голову к стопам царевны, которая пребывала в неистовом горе, и сказал:

– О прекрасная, будь благосклонна ко мне! О Сита, если из гордости ты откажешься почтить меня, через два месяца я напьюсь твоей крови!

На эти слова злобного Раваны разгневанная Сита отвечала с достоинством:

– О подлый демон, почему язык у тебя не отвалился, когда ты произнес такие слова супруге безгранично доблестного Рамы, мне, снохе Дашаратхи, царю династии Икшваку? О злобный негодяй, велика же твоя доблесть, если ты похитил меня в отсутствие Рамы! Ты недостойн быть даже рабом Рагхавы, непобедимого, верного, мужественного и знаменитого воина!

От этих резких слов Дашагрива вспыхнул гневом, как огонь, в который подбросили сухие дрова. Глаза его вращались от гнева. Он уже сжал правый кулак, готовый ударить дочь Митхилы. Все демоницы закричали:

– Держи! Держи!

И из толпы жен Раваны к нему бросилась прекрасная Мандодари. Движимая любовью, нежными словами она хотела успокоить его.

– Доблестью ты равен Махендре, что за нужда тебе в Сите? Пойдем со мной, кто ни в какой мере не хуже ее, или возьми любую из дочерей богов, гандхарвов или якшей. Зачем тебе Сита?

Все эти женщины подняли могущественного ночного разбойника и повели обратно во дворец. Лишь только Равана удалился, отвратительные демоницы с жестокой руганью обрушились на Ситу, но Джанаки не обратила на них внимания, как на солому, их колкости не тронули ее. Демоницы, питающиеся плотью, оставили попытки переубедить Ситу и пошли сообщить Раване о ее непоколебимом решении. Остальные, устав ее мучить, уснули в изнеможении. Пока стражницы спали, Сита, преданная своему господину, горестно сокрушалась, изливая свою великую скорбь. Неожиданно к демоницам обратилась Триджата:

– Не медля сожрите меня, но не трогайте темноокою Ситу, дочь Джанаки, добродетельную сноху царя Дашаратхи. Я увидела страшный сон, от которого волосы встают дыбом. Он предвещает гибель демонов и победу ее господина. Нам следует искать милости Ваидехи, потому что никто больше, я думаю, не спасет нас от гнева Рагхавы. Давайте расскажем ей этот сон, потому что герой его избавит ее от печали и узнает великую радость. Низко склонившись перед Джанаки, мы должны снискать ее благосклонность. Только она спасет нас от великой опасности!

Целомудренная молодая дева, услышав о грядущей победе своего господина, радостно сказала:

– Если Триджата говорит правду, то я непременно защищу вас!

Чем больше я наблюдал за несчастной Ситой, тем больше мыслей приходило мне на ум, я был взволнован. Я обдумывал, как заговорить с Джанаки, и стал прославлять род Икшваку. Лишь только эта возвышенная дева, чьи глаза были полны слез, услышав красноречивые прославления тех Раджариши, она спросила:

– Кто ты? Как ты попал сюда и по чьему приказу? Что связывает тебя с Рамой? Тебе следует всем мне рассказать.

Я ответил ей так:

– О богиня! Рама, твой супруг, нашел доблестного союзника в лице Сугривы, грозного и могущественного царя обезьян. Я – его слуга Хануман. Я пришел к тебе, посланный твоим господином нетленных подвигов. О знаменитая дева, лучезарный сын Дашаратхи, лучший из людей, передал тебе это кольцо. О царица, какова твоя воля? Я могу отнести тебя к Раме и Лакшмане на северный берег моря!

Сита, радость Джанаки, подумала немного и ответила:

– Пусть Рагхава уничтожит Равану и сам заберет меня отсюда.

Склонив голову перед этой благородной и безупречной девой, я попросил у нее какое-нибудь ее украшение Раме на радость, и Сита отвечала мне:

– Возьми этот превосходный камень, благодаря ему ты завоеешь особое расположение могучерукого героя.

Прекрасная царевна дала мне чудесный камень и, еле сдерживая рыдания, простилась со мной. Я с глубоким почтением поклонился царской дочери и, обходя вокруг нее, стал обдумывать возвращение домой. Но она, заглянув в глубину своего сердца, снова обратилась ко мне:

– О Хануман, поведай мою историю Рагхаве, так чтобы два героя Рама и Лакшмана не замедлили явиться сюда вместе с Сугривой, а иначе по истечении двух месяцев Какутстха не увидит больше меня, оставшуюся без защиты.

От этих страшных слов приступ гнева охватил меня и я тут же решил, что делать. Увеличившись до размеров горы, я жаждал битвы и разрушил рощу. Звери и птицы в страхе разбежались, свирепые демоницы проснулись и увидели вокруг разоренье. Увидев меня, они сразу побежали оповестить Равану:

– О доблестный государь, отвратительная обезьяна опустошила твою бесценную рощу, обратив во прах твою доблесть. Скорее убей мерзкую тварь, которая оскорбила тебя, не дай ей уйти!

И царь демонов Равана послал в рощу многочисленных воинов кинкаров и восемь тысяч демонов, вооруженных копьями и булавами. Но я убил всех их железным брусом. Те, кто уцелел, побежали к Раване сообщить о гибели его армии. Я решил разрушить чудесный дворец со статуями и убил охранявших его стражников. В ярости я превратил в руины лучшее здание на ланке, и тогда на встречу мне Равана выслал Джамбумалина, сына Прахасты, в сопровождении жестоких и свирепых демонов. Своей огромной булавой я убил того могучего и умелого воина вместе со всеми его воинами, и Равана, повелитель демонов, услышав об этом, послал могущественных сыновей своих министров, за которыми шел полк пехоты. Но я с помощью своего железного прута всех отправил в обитель смерти. Услышав, что я сразил на поле битвы доблестных сыновей его министров, Равана отдал приказ пяти героическим командующим вывести свои армии, но я убил их всех, и тогда Дашагрива послал своего могущественного сына Акшу с многочисленными демонами сразиться со мной. Юный сын Мандодари, искусный воин, подпрыгнул в воздух, и я схватил его за ноги, раскрутил и швырнул оземь. Десятиглавый Равана, полный ярости, услышав о падении Акши, послал своего второго сына Индраджита, пылкого и доблестного воина, и я с великой радостью отражал их нападки, и всех усилия их оказались бесплодны. Однако длиннорукий воин, пользовавшийся особым доверием Раваны, возбужденный вином, продолжал биться, ведя за собой своих воинов.

Убедившись, что я непобедим и видя, что силы его разбиты, он пленил меня с помощью оружия Брахмы. Затем демоны связали меня веревками и привели к Раване. Порочной души правитель вступил со мной в беседу, расспрашивая, как я проник на ланку и почему убил демонов.

– Все это я сделал из-за Ситы! – отвечал я ему. – Я нашел ее здесь! Я сын Маруты, обезьяна Хануман! Знай, что я посланник Рамы и министр Сугривы. Во исполнение замысла Рамы я стою сейчас перед тобой! Слушай же меня, о царь демонов! Царь обезьян приветствует тебя и желает тебе блага, о могучий герой! Он послал меня передать это послание в достойных выражениях, которые находятся в согласии с долгом и законом, а также полезны.

На лесистой горе Ришьямука я повстречался и заключил дружественный союз с Рагхавой, великим воином, непобедимым на поле боя. Он сказал мне:

– О царь, демон похитил мою супругу, и ты должен помочь мне!

У жертвенного огня Рагхава вместе с Лакшманой поклялись мне в дружбе. В то время Бали лишил меня всех царских привилегий. Рагхава одной стрелой сразил Бали в бою и сделал меня повелителем обезьян. Поэтому мы во всем будем помогать ему.

На основании заключенного союза я послал к тебе Ханумана в качестве посланника. Поторопься верни Ситу раме, прежде чем доблестные обезьяны истребят твои воинские силы. Кому неведома доблесть обезьян, помощи которых настойчиво просят даже боги?

Равана слушал, устремив на меня испепеляюще яростный взор, а потом отдал приказ предать меня смерти, не понимая моего могущества. Но его великодушный и прозорливый брат Вибхишана вступился за меня:

– О лучший меж демонов, откажись от своего решения, которое противоречит закону царей. Традиция не позволяет царю убивать посланника, о демон. Посланник лишь передает послание своего хозяина! О несравненно доблестный, нет причин убивать его, но если все же ты считаешь его виновным, ты можешь его наказать.

И тогда Равана приказал демонам:

– Подожгите этой обезьяне хвост!

Демоны обмотали мне хвост пенькой и хлопковыми тряпками. В пылу они били меня своими кулаками и палками, а потом подожгли хвост. Связанный веревками демонов, я покорился им, решив сжечь весь город. Связанного и окутанного пламенем, воины с криком пустили меня по царской дороге к воротам города. Весь сжавшись, я уменьшился в размерах и

сбросил с себя все путы. Я схватил железный брус и напал на демонов, а потом одним прыжком перемахнул через ворота и в несколько мгновений поджег весь город с его воротами и башнями своим пылающим хвостом, который напоминал огонь в конце мира.

Увидев ланку в огне, я с беспокойством подумал, что Джанаки несомненно погибла, потому что во всем городе не было уголка, который не превратился бы в пепел. Пока я горестно размышлял об этом, я услышал слова чаранов:

– Джанаки не погибла в огне!

И эти слова, произнесенные их чарующими голосами, вернули мне мужество. После этого я увидел множество благоприятных признаков, подтверждающих, что Джанаки спаслась, и подумал, что хотя хвост мой в огне, сам я цел! Сердце мое преисполнилось радости, а ветер принес благоуханный аромат. Благоприятные знамения, моя вера в доблесть Рамы и Ситу, а также в слова великих мудрецов, вернули радость душе моей.

Еще раз встретившись в Ваидехи, я покинул ее и, взобравшись на гору Аришту, прыгнул в небо и направился на север, чтобы увидеть всех вас. Следуя по пути ветра, солнца, луны, сиддхов и чаранов, я нашел вас. По милости Рамы и благодаря вашей доблести я целиком исполнил приказ Сугривы.

Я подробно рассказал вам обо всем, и теперь вы должны решить, что еще осталось сделать.

Глава 59

Хануман призывает обезьян спасти Ситу

Закончив рассказ, Хануман, сын Маруты, обратился к обезьянам с такими словами, исполненными большого смысла:

– Усилия Рамы и Сугривы не прошли даром! Увидев верность Ситы, я возликовал всем сердцем! Силой аскез знаменитая Сита может поддерживать землю или уничтожить ее своим гневом, о обезьяны. Равана также обрел свое могущество силой аскезы. Оно велико и поэтому он не погиб, возложив руки на Ситу. Более того, сияние, которое исходит от него, внушает не столь великий страх, как гнев Ситы. Теперь все обезьяны и медведи во главе с Джамбаваном должны принять участие в этом походе. Цель его известна вам – увидеть Ваидехи рядом с теми двумя царевичами.

Я один проник на Ланку, населенную демонами, и своей доблестью сокрушил этот город, а также Равану и его воинов. Насколько же больше смогу я сделать вместе с мужественными и могущественными плавагами, наделенными героизмом и воинской доблестью, сильными и жаждущими победы? Я уничтожу в сражении Равану и всю его армию, сыновей, братьев последователей. Я сокрушу всех демонов, ловко увертываясь от невидимого оружия и метательных снарядов, дарованных Индраджиту Брахмой, Рудрой, Ваю, Варуной, разбирающая их и убивая демонов. С вашей поддержкой я буду доблестно теснить врага. Я буду вырывать деревья и горы и непрерывно швырять их, так что даже боги не смогут устоять передо мной, что говорить о ночных бродягах?

Скорее море выйдет из берегов или гора мандара сойдет со своего места, но Джамбаван не дрогнет перед вражескими полчищами в сражении. И героический Ангада, сын Бали, один может разогнать сонмы ракшасов. Своими сильными бедрами Нила низвергнет саму гору Мандару, не то что демонов на поле боя. Среди небожителей, демонов, якшей, гандхарвов, змеев или птиц покажите мне, кто устоит перед Двивидой? Я не знаю, кто устоит перед двумя славными обезьянами, сыновьями Ашвинов, наделенными огромной силой. Я один разорил всю Ланку, предал ее огню и превратил в пепел. На каждой улице я провозглашал: "Победа неукротимому Раме и Лакшмане! Процветания царю Сугриве, который поддерживает Рагхаву! Я слуга царя Кошалы, потомок Паваны! Я – Хануман!" Повсюду я провозглашал это.

Посреди ашоковой рощи, принадлежавшей злосердному Раване, ждала безутешная добродетельная Сита, сидя под деревом шимшапа. Изнуренная тоской и страданиями, окружен-

ная демоницами, она напоминала луну, едва заметную среди облаков. Отвергая гордого своим могуществом Равану, Ваидехи прекрасная дочь Джанаки, остается целиком преданной своему господину. Полностью преданная Раме, прекрасная Ваидехи думает лишь о нем одном, словно Поуломи, Пурандара. Всегда в одной и той же одежде, запачканную, я увидел ее в роще, окруженную демоницами, которые осыпали ее оскорблениями. Волосы ее собраны в одну косу. Несчастное создание, она поглощена мыслями о своем господине. Лежа на земле, бледная как лотос в преддверии зимы, из-за Раваны разлученная со своим возлюбленным, она готова расстаться с жизнью. С великим трудом удалось мне возродить в Сите надежду, когда я обратился к этой деве с глазами лани и все ей поведал. Услышав о союзе Рамы и Сугривы, она преисполнилась счастья, ее преданность и супружеская любовь достигли вершины. Благо, что она не уничтожила десятиглавого демона благодаря благословию, которое он получил от Брахмы. Убить это чудовище суждено Раме. Истощенная Джанаки в разлуке с Рамой слабеет день ото дня, словно молодой месяц в первый день новолуния. Сита измучена горем! Посоветуйтесь, что нам делать дальше.

Глава 60

Джамбаван отвергает план Ангады

На эти слова Ангада, сын Бали, ответил:

– Сыновья Ашвинов обладают необычайным могуществом и гордятся благословением, которое даровал им праотец мира. Из уважения к Ашвини он сделал их неуязвимыми для врага с любым оружием в руках. Это особое благословение преумножило их гордыню, и два могущественных воина повергли сонмы небожителей и испили нектар бессмертия. В ярости они могут уничтожить всю Ланку с ее конями, колесницами и слонами, что говорить тогда о других обезьянах? Я один могу разрушить город демонов и могущественного Равану! Во сколько же раз возрастут мои силы, если меня будут сопровождать славные воины, уравновешенные, хорошо вооруженные, искусные в бою и жаждущие победы? Мы слышали, что мужественный сын Ваю один предал Ланку огню. Он видел божественную Ситу, но не привел ее обратно. Я думаю, такому славному воину, как ты мало сообщить Раме эту весть. В силе прыжка и доблести, ловкости и храбрости тебе нет равных среди бессмертных или Дайтьев, о лучший среди обезьян. Кто-то из демонов спасся от истребления, устроенного Хануманом, и поэтому нам осталось только убить Равану с оставшимися демонами и вернуть дочь Джанаки, поместив ее меж Рамой и Лакшманой! Зачем беспокоить остальных жителей Кишкиндхи? Мы должны проникнуть на Ланку и, убив всех демонов, вместе с Ситой вернуться к раме, Лакшману и Сугриве.

Таков был план Ангады, и Джамбаван, самый мудрый среди обезьян, ласково отвечал ему:

– О великий герой, о разумный, мы получили от царя обезьян и добродетельного Рамы приказ исследовать южную часть земли до самой границы. Нам не было велено возвращать Ситу, и вряд ли Раме, этому льву среди монархов, доставит удовольствие, если сделаем это, потому что он во славу своим достойным предкам дал обет сам освободить ее. Может ли слово его не исполниться или быть забыто? Зачем гневать его? Мы проявим свою доблесть напрасно, о лучший среди обезьян! Поэтому давайте вернемся к Раме, Лакшмане и Сугриве и сообщим им о результатах нашего поиска. Нам нравится твое предложение, о царевич, и все же, исполняя замысел Рамы, ты обретешь удачу.

Глава 61

Разорение Мадхувана

Во главе с Ангадой и великим Хануманом героические обезьяны одобрили слова Джамбавана и вслед за сыном Ваю спрыгнули с вершины горы Махендры и понеслись вперед. Огромные как Меру и Мандара, они напоминали слонов, опьяненных мадом. Тень их легла на

землю и небо. Глаза их устремлены на безгранично могущественного Ханумана, быстрого как ветер, владевшего своими чувствами и почитаемого сиддхами. Исполненные решимости принести успех замыслу Рамы, гордые своими достижениями и жаждущие скорее сообщить благоприятные вести, добродетельные лесные обитатели, искренние помощники Рамы, воздержавшиеся от сражения, резвясь и прыгая достигли Мадхувана.

Они вошли в небесной красоты рошу Сугривы, полную чарующих деревьев, в которую прежде никто не осмеливался войти. Дядя Сугривы по матери, могучий Дадхимукха охранял этот большой и пышный сад повелителя обезьян. Рыжевато-коричневым обезьянам очень захотелось отведать спелых фруктов. С восторгом в глазах попросили они у царевича Ангады позволения вкушать меда, текущего из дупел деревьев, желтого, как они сами. И Ангада милостиво разрешил почтенным обезьянам во главе с Джамбаваном испить меда. С позволения юного сына Бали обезьяны забрались на деревья, вокруг которых роились пчелы, и с наслаждением принялись поглощать сочные фрукты и корни. Опьянев, они играли и резвились по всему саду. Они пели, смеялись, танцевали, кланялись друг другу, что-то с пафосом говорили, бегали, прыгали и хлопали в ладоши, поднимали друг друга, ссорились или говорили со всеми подряд. Одни прыгали с дерева на дерево, легко слетая с верхних ветвей на более низкие, другие подпрыгивали в воздух, гоняясь друг за другом по деревьям, со скалы на скалу, окликая друг друга в песнях, смеясь, сокрушаясь и вздыхая, награждая друг друга ударами. Невероятный хаос поднялся среди обезьян, все были пьяны или пребывали в крайнем возбуждении.

Дадхимукха, увидев разоренный сад, ободранные деревья и помятые цветы, разгневался и попытался удержать их. Однако героический и почтенный страж в ответ услышал только упреки высокомерных непрошенных гостей и преисполнился еще большей решимости защитить от них сад, вверенный его заботе. Не выбирая выражений, он обратился к ним с резкими словами. Одних ударил своей тяжелой ладонью, на других грозно надвинулся, а третьих успокоил внушительными словами. Но возбужденные медовым напитком обезьяны нагло обругали его в ответ, не сознавая своего дурного поведения, стали царапать когтями, кусать, бить кулаками и ногами. Они били Дадхимукху, пока он не потерял сознание, а потом разорили весь Мадхуван.

Глава 62

Битва Дадхимукхи и самозванцев

Хануман сказал обезьянам:

– Спокойно собирайте мед! Я прогоню всякого, кто помешает вам!

Ангада, царевич обезьян, весело подхватил эти слова:

– Все пейте мед! Мы покорны каждому слову Ханумана, который достиг желанной цели! Я во всем согласен с ним, даже если вы разрушите этот сад!

Славные обезьяны закричали в ответ:

– Здорово! Превосходно!

Без конца они прославляли юного царевича, а потом волной хлынули на лес Малин. Словно сметающий все на своем пути поток обрушились они на фруктовый сад и стали разгонять стражников. Счастливые от мысли, что Хануман отыскал Маитхили, что они принесли вести о ней, они с позволения Ангады пили мед и ели фрукты. С силой набросившись на стражников фруктового сада, которые сотнями преградили им путь, спутники Ханумана щедро награждали их ударами. Собирая руками соты весом с джону, обезьяны, желтые как мед, пили нектар и бросали соты. Веселясь, одни бросались воском, а другие, собрав веток, садились под деревья. Одни, отяжелев от выпитого меда, бес сил ложились на груды листьев, тогда как другие, возбужденные пьянящим напитком, покачиваясь, с кулаками набрасывались на друзей. Одни пели высокими голосами, другие подражали рычанию льва, или свистели как птицы, а другие, напившись меда, спали на земле. Одни ревели от смеха, а другие бросались в слезы. Одни бормотали что-то несвязное, тогда как другие спорили о смысле их

речей. Лесные стражники, слуги Дадхимукхи, раздавленные меж коленями напавших на них ужасных обезьян, разбежались во все стороны. В ужасе они обратились к Дадхимукхе:

– С позволения Ханумана страшные обезьяны разорили Мадхуван несмотря на все наши попытки воспрепятствовать им. Зажатые меж их коленями, мы чуть не расстались с жизнью.

Разъяренный Дадхимукха, увидев, что Мадхуван, порученный его заботам, уничтожен, повелел своим слугам:

– Отправляйтесь и низвергните высокомерных обезьян. Я приду вслед за вами и прогоню всех, кто пьет заветный мед.

Послушные приказу доблестные обезьяны вернулись в Мадхуван. Вместе с ними с огромной скоростью неся Дадхимукха, вырвав на ходу огромное дерево. Вооружившись острыми глыбами, деревьями и камнями, разъяренные стражники Мадхувана бежали туда, где отдыхали и развлекались плавамгамы. Кусая губы от гнева, они осыпали их ругательствами и пытались взять силой. Обезьяны во главе с Хануманом, увидев крайне разъяренного Дадхимукху, прогнали его. Увидев могучего Дадхимукху с огромным древесным стволом в руках, Ангада рассвирепел. Он перехватил его и вне себя спьяну, безжалостный к достойному родственнику, с силой швырнул его наземь. С перебитыми бедрами и руками, искалеченным лицом Дадхимукха, истекая кровью, на время потерял сознание. Придя в себя, он с трудом поднялся, отошел на некоторое расстояние и обратился к своим слугам:

– Поспешим к толстошеему Сугриве, пребывающему с Рамой. Я расскажу обо всех преступлениях царевича Ангады, и наш повелитель обрушит на этих обезьян свой справедливый гнев. Чарующий лес Мадху, даривший наслаждение предкам Сугривы, не осмеливались посещать даже боги. Сугрива очень любит этот лес, он вынесет суровое наказание этим негодьям, возжелавшим меда! Он убьет ослушавшихся своего государя вместе с их друзьями и родственниками. И тогда лишь гнев мой, который я не в силах сдержать, будет утолен.

С этими словами Дадхимукха, вожак стражников Мадхувана, вместе со слугами покинул разоренный лес и в мгновение ока оказался перед Сугривой, потомком солнца.

Увидев Раму, Лакшману и Сугриву, великую героическую обезьяну, Дадхимукха сошел с небес на землю и с печалью в лице сложил ладони и с поклоном коснулся стоп Сугривы.

Глава 63

Дадхимукха рассказывает об опустошении Мадхувана

Сугрива был тронут, увидев почтенную обезьяну, которая распростерлась перед ним в поклоне, лбом касаясь земли.

– Поднимись! Поднимись! – воскликнул он. – Почему ты распростерся у меня в ногах? Говори, не бойся! Что привело тебя? Ты должен раскрыть мне все. Все ли благополучно в Мадхуване? Я хочу все знать, о вожак!

Приободренный великодушным Сугривой, прозорливый Дадхимукха поднялся и сказал:

– О повелитель, лес, в который ни ты, ни Бали не пускали обезьян, сейчас разрушен ими! Вместе со своими слугами я пытался прогнать их, но они, не обращая на меня никакого внимания, продолжали весело пировать. Мы со стражниками хотели сдержать их вторжение, но эти варвары, о царь, продолжали свои оргии. Они напали на моих слуг, прогнали из леса. Безгранично могущественные обезьяны, с гневно пылающими глазами, разбили им руки и ноги и, сдавив меж ног, швыряли их в воздух. Ты – повелитель воинов, подвергшихся нападению обезьян, которые и сейчас грабят Мадхуван и залпом пьют мед.

Пока Сугрива слушал эти известия, к нему обратился дальновидный Лакшмана, спросил:

– О царь, что за обезьяна пришла к тебе и какая печаль заставила ее говорить?

Красноречивый Сугрива отвечал великосердному Лакшмане:

– О благородный Лакшмана, ты видишь Дадхимукху и его героических обезьян, которые сообщили мне, что воинственного духа лесные жители во главе с Ангадой пьют мед и наслаждаются фруктами во фруктовом лесу Мадхуване. Столь смелой проделки не позволят себе те, кто потерпел неудачу в своей миссии. Несомненно они достигли успеха, раз опусто-

шили мой лес. Поэтому они коленями побили тех, кто препятствовал их разгулу и не обратили внимания на доблестного Дадхимукху, которому я поручил охранять сад. Поистине, только Хануман и никто другой не нашел бы божественной Ситы. Хануман один свершил этот подвиг. Успех этого похода зависел от дальновидности этой славной обезьяны, мужественной, сильной и знающей. С такими вожаками как Джамбаван и Ангада, с таким советником, как Хануман, успех обеспечен. Я уверен, Мадхуван разорили эти героические обезьяны во главе с Ангадой. Исследовав южные земли, они вернулись и остановились в этом фруктовом лесу, одержимые жадностью. Они грабили его и пили мед, нападая на стражников, избивая и пиная их коленями. Эти вести принес мне мягкоголосый Дадхимукха, славный своей доблестью. О могущественный Саумитри, несомненно, Сита найдена, а иначе обезьяны никогда не разрушили бы сад, дарованный мне богами.

Услышав эти ласкающие слух слова, сошедшие с уст Сугривы, добродетельные Лакшмана и Рагхава преисполнились радости. Ликующий Сугрива, получив от Дадхимукхи хорошие вести, отвечал стражу леса:

– Я очень доволен воинами, которые одержав победу, ели мед и фрукты! Победителей встречают с честью. Немедля возвращайся в лес Мадху и пошли сюда этих обезьян во главе с Хануманом! Два потомка Рагху и я желаем сейчас же расспросить красно-коричневых потомков обезьяньего рода. Смелые как львы, они исполнили возложенный на них приказ, и мы хотим узнать, нашли ли они Ситу.

Царь обезьян, увидев раскрывшиеся от радости глаза двух царевичей, с огромным удовлетворением почувствовал, что успех затеянного ими предприятия близок.

Глава 64 Сугрива утешает Раму

Обезьяна Дадхимукха весело поклонился Сугриве и поприветствовал Рагхаву и Лакшмана. Выразив почтение царю обезьян и могущественным сыновьям династии Рагху, он взмыл в воздух, сопровождаемый своими слугами. Отправившись с такой же скоростью, с какой явился, он сошел с небес на землю и вступил в лес Мадху. Он увидел славных обезьян, которые уже протрезвели и счастливо проводили время, расславленные медовым напитком. Приблизившись к ним, этот герой со сложенными ладонями обратился к Ангаде:

– О благородный царевич, не испытывай дурных чувств к стражникам, которые в гневе пытались прогнать тебя. Мир тебе! О наделенный великой силой, ты сполна отведал мед, который принадлежал тебе по праву, потому что ты наследник и хозяин сада. Прости нам гнев, поднявшийся по невежеству! Как прежде твой отец и Сугрива сейчас, ты – повелитель сонмов обезьян! О безупречный царевич, я обо всем поведал твоему дяде, который, услышав о твоём прибытии и разорении обезьянами леса Мадху, несколько не разгневался, но наоборот был счастлив. Очень довольный, твой дядя по отцу, царь обезьян Сугрива сказал: "Немедленно пошли всех их ко мне!"

Выслушав Дадхимукху, Ангада, красноречивый царевич обезьян, обратился к своим спутникам:

– О вожаки сонмов обезьян, несомненно, Рама уже догадался обо всем. Это следует из слов Дадхимукхи. Нам не стоит задерживаться здесь более, миссия наша исполнена, о победители своих врагов! Вы сполна напились меда, о герои, нам ничего не остается, как встретиться с Сугривой. О чем бы вы ни попросили меня, я приведу в исполнение. Я – ваш слуга и, даже будучи наследником престола, я не вправе приказывать вам. Вы исполнили возложенную на вас миссию. И потому не подобает мне обращаться с вами, как с вассалами.

Такие слова Ангады вызвали среди обезьян радость и восхищение.

– Кто, обладая царской властью, о лучший среди обезьян, скажет такое? – отвечали они. – Упиваясь властью, каждый сказал бы: "Я – повелитель!" никто кроме тебя не произнес бы столь радостных слов. Твое смирение всем нам сулит благо. Мы готовы безотлагательно вернуться к Сугриве, царю обезьян, но без твоего приказа мы не сделаем ни шага.

Ангада сказал:

– Прекрасно, тогда отправляемся!

И все обезьяны взмыли в небо, закрыв собою солнце, и казалось, словно кто-то выпустил из метательного оружия тысячи камней. Во главе с Ангадой, вслед за которым летел Хануман, Плавамгамы бурно, с шумом поднялись в воздух, напоминая облака, гонимые ветром. Как только Ангада опустился на землю около Сугривы, царь обезьян обратился к лотосоокому Раме, объятому горем:

– Соберись с духом! Удачи тебе! Божественная дева найдена, в этом нет сомнений. Иначе обезьяны не вернулись бы, потому что назначенный мною срок давно прошел. Я делаю такой вывод, видя радость Ангады! Длиннорукий Ангада, лучший из обезьян, не вернулся бы ко мне, не обретя удачу. Если не достигнув цели, они совершили смелый набег на Мадхуван, то юный царевич выглядел бы обеспокоенным и удрученным. Не увидев дочери Джанакки они не посмели бы разорить Мадхуван, который я получил от предков, или напасть на почтенных обезьян, которые охраняли его.

О благородный сын Каушалы, о верный своим обетам и долгу, поверь, лишь Хануман и никто другой не нашел бы Ситу. Никто больше не способен осуществить этой цели. О лучший среди добродетельных, к успеху ведут разум, доблесть и знание, и Хануман наделен всеми этими достоинствами. Имея таких вожakov как Джамбаван и Ангада, или такого советника как Хануман, иного исхода быть не может.

О безгранично доблестный, не волнуйся! Лесные обезьяны, не исполнив миссии, не набрались бы такого высокомерия, чтобы разрушить Мадхуван и испить мед. Из этого я заключаю, что они достигли успеха. В этот момент в небе раздались крики "Килакила!". Гордые подвигом Ханумана лесные обезьяны стремительно приближались к Кишкиндхе, криками возвещая о своей победе. От этого сильного шума царь обезьян стал взволнованно закручивать и раскручивать хвост, пока обезьяны во главе с Ангадой и Хануманом, упиваясь радостью, садились на землю перед своим государем и Рагхавой.

Затем могучерукий Хануман, склонив голову в приветствии, сообщил Раме о духовном и телесном благополучии Ситы. Сладкие как амрита слова Ханумана: "Я видел Ситу", – вызвали в Раме и Лакшмане безграничную радость. Лакшмана с огромным почтением смотрел на Сугриву, который поручил столь ответственное дело сыну Паваны. Рагхава, сокрушающий своих врагов, сияя от радости, с благоговением взирал на Ханумана.

Глава 65

Хануман рассказывает Раме о встрече с Ситой

Достигнув лесистой горы Прасраваны, Хануман почтительно поклонился Раме и Лакшману. Вслед за наследником Ангадой он поклонился Сугриве и остальным обезьянам и стал рассказывать историю Ситы и ее заточения в гареме Раваны, об угрозах демонниц, ее непоколебимой преданности Раме и назначенном дне ее смерти. Обо всем этом поведал Раме Хануман. Услышав о благополучии Ваидехи, Рама спросил обезьян:

– Где находится знаменитая Сита и какие испытывает ко мне чувства? Расскажите мне обо всем!

В ответ обезьяны попросили Ханумана описать все подробно, и он, наделенный даром красноречия, молча согласился с их просьбой. В знак приветствия Ситы он склонил свою голову, и, повернувшись на юг, поведал о встрече с ней и передал Раме ослепительно сияющий драгоценный камень. Сын Маруты поклонился ему и сказал:

– Чтобы увидеть Ситу, я преодолел над океаном четыреста миль и через какое-то время достиг Ланки, города злобного Раваны, который лежит на южном берегу моря. Там во внутренних покоях Раваны я увидел Ситу. Она живет, о Рама, сосредоточив на тебе все свои мысли. Я наблюдал, ее поносили отвратительные демонницы, которые охраняют ее в роще. Благородная дева, с тобой не знавшая ничего кроме радости, в разлуке с тобой разбита горем, о герой. Она заточена во внутренних покоях Раваны и находится под строгим надзором

демониц. Собрал волосы в одну косу, это несчастное жалкое создание целиком погружено в мысли о тебе! Истощенная, словно лотос в преддверии зимы, она лежит на земле. Презируя Равану, она решила расстаться с жизнью. О Какутстха, о бесхитростный царевич, с великими трудностями отыскал я эту царевну, для которой ты – сама жизнь и душа.

Поведав о славе рода Икшваку, я завоевал ее доверие, а потом рассказал ей обо всем. Услышав о твоём союзе с Сугривой, она очень обрадовалась. Она остается верной тебе в преданности и любви. О лучший из людей, в таком состоянии нашел я ее, посвятившую себя суровым аскезам, сосредоточившую сердце свое на тебе одном. Передавая мне этот камень, она попросила меня напомнить тебе о случае с вороной на горе Читракуте, о прозорливый. Она сказала: "О сын Ваю, опиши Рама все, что ты видишь и передай ему этот драгоценный камень, который бережно хранила все это время. Напомни ему о знаке, красным порошком начерченном у меня на лице! Скажи: "О безгрешный, когда я смотрю на эту жемчужину, дар моря, мне кажется, я вижу тебя и радуюсь среди постигшего меня горя. О сын Дашаратхи, мне осталось жить не дольше месяца. Я нахожусь в власти демонов, и по истечении назначенного срока, я умру!" Такие слова сказала мне измученная Сита с глазами лани, томящаяся во дворце Раваны.

Я обо всем поведал тебе с верой и правдой, о Рагхава. Теперь надо обсудить, как построить мост через океан.

Видя, что надежда возродилась в сердцах двух царевичей, сын Ваю передал Рагхаве жемчужину в подтверждение своего правдивого рассказа.

Глава 66 Горе Рамы

Рама, сын Дашаратхи, прижал камень к сердцу и заплакал. Глядя на чудесную жемчужину, разбитый горем Рагхава с глазами полными слез сказал Сугриве:

– Как молоко само бежит из вымени коровы, когда она видит своего теленка, так и сердце мое переполняется любовью при виде этого камня! Жемчужину эту подарил Сите мой тесть на свадьбу. Она носила ее на челе, и от этого казалась еще прекраснее. Добытый со дна моря и почитаемый богами, камень этот подарил Джанаке дальновидный Шакра, довольный его поклонением. Этот великолепный камень напоминает мне об отце и тесте, царе Видехи. Какой красивой казалась эта жемчужина на челе моей возлюбленной. Я смотрю на нее, и мне кажется, будто Сита сейчас стоит передо мной. Словно брызгая воду в лицо человеку, потерявшему сознание, снова и снова, о друг, рассказывай мне, что сказала Сита! Что может быть мучительней, о Саумитри, чем видеть эту жемчужину, добытую из вод, без Ваидехи? Если ей осталось жить еще месяц, значит она проживет долго, но мне трудно и мгновенье прожить без Ситы! Веди меня туда, где ты видел мою возлюбленную. Получив такие вести, мне нестерпим и миг промедления. Как эта робкая прекрасноробкая дева выживает среди жестоких и страшных демонов? Лицо Ситы утратило свое сияние, как осенняя луна, сокрытая облаками. О Хануман, поведай, что Сита говорила тебе. Слова эти возвращают меня к жизни, как лекарство. О Хануман, что моя нежная, сладкоречивая и прекрасная дева, разлученная со мной, говорила тебе? Как дочь Джанакки выносит ужасную беду, постигшую ее?

Глава 67 Хануман описывает свой разговор с Ситой

Хануман начал рассказывать все, о чем говорила ему Сита:

– О лев среди людей, чтобы ты поверил моему рассказу, божественная Сита описала мне случай на горе Читракута. Однажды Джанакки, счастливо отдыхая рядом с тобой, проснулась первой. Неожиданно ворона клювом ранила ее в грудь. О Рама, Ты спал у Ситы на коленях. Ворона снова жестоко напала на нее, и, истекая кровью и терпя боль, она разбудила тебя. О покоритель своих врагов, увидев израненную грудь возлюбленной, ты, словно раз-

гневанная змея, спросил: "Кто, о робкая дева, ранил тебя когтями? Кто осмелился играть с пятиглавой змеей?" Оглядевшись по сторонам, ты увидел перед собой ворону с острыми окровавленными когтями. Эта могучая птица была сыном Индры. С быстротой ветра она исчезла в земле. Ты, о могучерукий, свирепо вращая глазами, решил убить ворону. Взяв пучок травы куша прямо там, где ты отдышал, ты произнес Брахма-мантру и с силой бросил ее в птицу. Трава вспыхнула огнем, словно наступил конец мира, и полетела вслед за птицей. Покинутая испуганными богами, ворона облетела всю Вселенную в поисках защитника и вернулась к тебе, о покоритель врагов. Моля о пощаде, она упала перед тобой на землю. Проникшись состраданием, ты простил ее, хотя она заслуживала смерти. Но поскольку ты никогда не пользуешься оружием напрасно, ты лишил ее правого глаза, о Рагхава. Выразив почтение тебе и царю Дашаратхе, эта птица вернулась в свою обитель.

Сита спросила: "О Рагхава, ты самый искусный среди владеющих оружием, могущественный и честный, почему же ты не выпускаешь своих стрел в демонов? Ни боги, ни гандхарвы, ни асуры, ни Маруты не могут устоять перед тобой в сражении. Если ты великодушен ко мне, то своими острыми стрелами скорее уничтожь Равану. Почему Лакшмана, сокрушающий своих врагов, лучший из людей, по приказу брата не спешит защитить меня? Почему два могущественный льва среди людей, доблестью равные Ваю и Агни, непревзойденные даже для богов, забыли обо мне? Несомненно, я совершила какой-то великий грех, если два героя, повергающих во прах своих врагов, не прилагают усилий, чтобы освободить меня, хотя могут это сделать!"

На эти печальные слова Ваидехи я ответил: "О знаменитая дева, Рама мучительно страдает в разлуке с тобой. Видя брата во власти горя, Лакшмана тоже терзается, я клянусь тебе. Раз я наконец нашел тебя, то время скорби позади. Скоро ты увидишь гибель своих врагов, о прекрасная царевна. Два царских сына, лучшие из людей, жаждут снова увидеть тебя. Они превратят Ланку в пепел. Убив в сражении Равану вместе со всеми его родственниками, Рагхава заберет тебя в свою столицу, о чарующая дева! О безупречная, дай мне какую-нибудь свою вещь, хорошо известную Рама, это принесет ему радость."

Сита посмотрела вокруг, сняла с одежды превосходный камень, который держал ей волосы, и передала мне, могучерукий. Приветственно склонив голову, я взял из ее рук камень и готов был отправляться в обратный путь, о любимец династии Рагху!

Увидев, как увеличился в размерах, чтобы взмыть в небо, Сита, прекрасная и несчастная дочь Джанаки опечалилась. С лицом мокрым от слез, она обратилась ко мне, подавляя рыдания: "Какой ты счастливый, что увидишь Раму, чьи глаза прекрасны, как лотосы, и Лакшману, его знаменитого брата!" Я ответил ей: "Скорее садись мне на спину, о благородная дева, и сегодня же я доставлю тебя к Сугриве, Лакшмане и супругу твоему Рама, о удачливая темноокая царевна!" Но богиня отвечала мне: "Не пристало мне по доброй воле взбираться тебе на спину, великая обезьяна! Хотя демон прикоснулся ко мне, это случилось, потому что я оказалась беспомощной перед ним. Такова была моя судьба. Но ты отправляйся к двум царевичам!" Затем она добавила: "О Хануман, ты увидишь тех двух львов среди людей, а также Сугриву и всех его министров. Опиши безгранично доблестным Рама и Лакшмане мое отчаянье и оскорбления, которыми демоны осыпают меня. Пусть путешествие твое будет удачным, о лучший из обезьян!" Так говорила со мной знаменитая царевна, охваченная горем. Обдумай мой рассказ и не теряй веры в чистоту добродетельной Ситы.

Глава 68

Он повторяет слова утешения, сказанные Сите

О лучший из людей, эта богиня, охваченная горем и любовью к тебе, обратилась ко мне заботливо сказала:

– Передай слова мои сыну Дашаратхи, чтобы он поскорее пришел, убил Равану в сражении и забрал меня отсюда. О герой, о сокрушитель своих врагов, если хочешь, останься здесь еще на день и отдохни в укромном месте, разгоняя мою печаль, а завтра ты отправишься в

путь! О Хануман рядом с тобой я на время забываю о своих страданиях. О наделенный великой доблестью, я буду ждать твоего возвращения, но я сомневаюсь, буду ли я еще жива. Не видя тебя, я буду пребывать в страхе. Как я несчастна в своей скорби!

Кроме того, я сомневаюсь, смогут ли твои спутники, медведи и обезьяны, а также два царевича, преодолеть бескрайний океан. О безупречный воин, только три создания во Вселенной могут летать над морем – Гаруда, Ваю и ты. Ты видишь надежды на успех при таких обстоятельствах, о красноречивый? Несомненно, ты один можешь справиться, о покоритель врагов, но такое проявление доблести принесет благо лишь тебе одному. Однако если Рама со своими воинскими силами убьет Равану в бою и с победой приведет меня в свою столицу, это умножит его славу. Недостойно Рагхавы взять меня хитростью, как сделал это Равана, который похитил меня в лесу, приняв облик монаха. Уничтожив Ланку и освободив меня, Какутстха подвигом докажет свое исключительное превосходство, достойное его. Сделай все, чтобы великодушный герой явил свою доблесть!

На эти добрые, разумные и полные любви слова я ответил:

– О богиня, Сугрива, доблестный повелитель обезьян и медведей, полон решимости освободить тебя. Под его началом тысячи бесконечно могущественных и мужественных обезьян, наделенных непомерной доблестью, быстрых как мысль, способных двигаться вверх, вниз, в любую сторону света. Никакие препятствия не испугают их, они справятся даже с самой тяжелой задачей. Эти великие и могущественные обезьяны огромной силы, летая по воздуху, несколько раз обогнули землю. У Сугривы много обезьян, равных мне и даже более великих. Нет никого, кто уступал бы мне в добродетелях. Если я пересек море, что же тогда говорить о тех героях? Великим не дают поручений, с ними отправляют лишь самых незначительных. О дева, довольно горевать. Одним прыжком вожаки сонмов обезьян достигнут Ланки, и те два льва среди людей, словно солнце и луна, предстанут пред тобой, о царевна. Скоро ты увидишь во вратах Ланки подобного льву Рагхаву и Лакшмана с луком в руке. Скоро ты увидишь войско обезьян, наделенных силой львов и тигров, чьи зубы и острые когти служат оружием. Могучие, как вожаки слоновьего стада, они не замедлят явиться сюда. Скоро ты услышишь рев вожаков обезьян на вершине горы Малая, который подобен раскатам грома. Скоро ты увидишь, как Рагхава, покорителя врагов, вернется из лесного изгнания, и вместе с тобой взойдет на трон Айодхьи. Эти благоприятные слова утешили дочь царя Митхилы, скорбящую в разлуке с тобой, и принесли мир ее душе.

Конец пятой книги СУНДАРА КАНДА